

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Уральский государственный аграрный университет
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

НЕКРАСОВ С. Н.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
И КУЛЬТУРНАЯ ГЕГЕМОНИЯ

МОНОГРАФИЯ

Екатеринбург
Издательство Уральского ГАУ
2024

УДК 101.1:316(075.8) *Утверждено на заседании*
ББК 87.6 *Научно-технического совета ФГБОУ ВО Уральский ГАУ*
Н48 *(протокол № 09/23 от 17.11.2023)*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

А. П. Ветошкин, доктор философских наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ), Москва
А. В. Ручкин, кандидат социологических наук, доцент
кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург

Некрасов, Станислав Николаевич
Н48 Российская государственность и культурная гегемония: монография /
С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ. – 232 с.

ISBN 978-5-87203-573-2

В монографии рассмотрены социально-философские проблемы формирования региональной и всемирной культурной гегемонии в истории российской государственности. Автор проанализировал философские проблемы всемирно-исторического процесса, в ходе которого открываются новые перспективы социалистического развития. Альтернативой социалистической революции выступает фашистское перерождение капитализма, понимание которого в интересах выработки стратегии антифашизма вызвало серьезные дискуссии в марксистской философской традиции. Варианты всемирной истории привели к различным версиям понимания империализма в среде большевизма. Возможности практического использования старого мира для построения нового социализма также представляют бесценный исторический опыт для совершенствования основ современной российской государственности.

Рекомендуется ученым, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, самостоятельно изучающих новый учебно-образовательный курс «Основы российской государственности».

УДК 101.1:316(075.8)
ББК 87.6

ISBN 978-5-87203-573-2

© Некрасов С. Н., 2024
© Уральский государственный
аграрный университет, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИЯ	17
1.1. Россия и перспективы мировой революции: прогнозы развития и варианты всемирной истории	17
1.2. Артели, кулаки и перспективы российской революции	22
1.3. Страх перед тотальным государством и новые перспективы социалистической революции	29
1.4. Крестьянская община: неподвижность коллективизма и социальные перспективы	37
1.5. Общинные уклады в истории: как и почему этот институт обречен на гибель и возрождение	46
Глава 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА	55
2.1. Эволюция понимания фашизма И. В. Сталиным	55
2.2. Официальная трактовка фашизма И. В. Сталиным	60
2.3. Советский антифашизм Н. И. Бухарина и понимание фашизма И. В. Сталиным	68
Глава 3. ВАРИАНТЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ	73
3.1. Прогнозы развития и варианты всемирной истории	73
3.2. Преимущества англо-советско-американской коалиции и разрушение «нового мирового порядка»	80
3.3. Источники силы Советского союза как источники победы народа в Великой Отечественной войне	88
3.4. Факторы неминуемой гибели немецко-фашистского империализма и современная когнитивная война	97
3.5. Социал-демократы стали коммунистами в борьбе с двумя формами оппортунизма	109
Глава 4. БОЛЬШЕВИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ	121
4.1. Две концепции империализма в большевизме	121
4.2. Рождение бухаринизма как не-ленинской теории империализма и государственного капитализма	126

4.3. Бухаринская концепция национального неокapитализма и проблемы материалистического понимания истории	132
4.4. Сила социалистического строя и мировые войны	139
4.5. Легкость победы революции и мир как условие учиться военному делу настоящим образом	151
4.6. Два мира: как капиталистическое окружение помогало социалистической республике	159
Глава 5. НОВЫЙ МИР И СТАРЫЙ МИР	167
5.1. Способы борьбы нового мира со старым миром	167
5.2. Диалектика и ошибки мышления по аналогии: вопрос о мирном переходе к социализму на условии выкупа	175
5.3. Диалектика перехода от военного союза к экономическому союзу классов	183
5.4. Диалектика переходного периода от капитализма к социализму и диалектика социального познания	192
5.5. Переходный период и классовая структура общества: мелкобуржуазная стихия и победа над спекулянтom	202
5.6. Уничтожение классов и отмирание государства: позиция классического марксизма и ленинизм	208
5.7. Демократия и борьба за социализм: истoki идейных расхождений среди большевиков	216
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225

ВВЕДЕНИЕ

Приходящий к власти класс создает не просто новую диктатуру класса как классовую форму демократии. Он с неизбежностью создает особую культурную гегемонию, на возникновение которой всегда обращали внимание марксисты. Однако в стихийно возникавших обществах – рабовладение, феодализм, капитализм – и гегемония возникала стихийно. Она складывалась из столкновения воли и интересов личностей и классов. Но при построении социализма культурная гегемония формировалась целенаправленно и была организована работой правящей партии и ее нового государственного аппарата.

Такая особая объективная логика строительства социализма в одной стране и в капиталистическом окружении требовала диалектической логики мышления партии и класса. Важно было провозгласить социализм и объявить Россию социалистической республикой Советов. Советы как опора трудовой революции были созданы для ломки капитализма, а роспуск Учредительного собрания стало провозглашением Советской революционной республики. Ожидание мировой революции предполагало силу духа и в самых тяжелых условиях нельзя было идти на возможность утраты республики. Подписание тяжелого и позорного мира не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, а закаляло народ и учило науке готовить серьезную армию. Французы 1793 г. и пруссаки под наполеоновской оккупацией были полны не отчаяния, а веры в победу.

Призыв В. И. Ленина к эпохе освободительных войн вылился впоследствии в обращении к народу в Великой Отечественной войне: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Логика и диалектика выразились в определении войны, анализе соотношения классовых сил в лозунге «За нашу Советскую Родину!». Революция в науке и обществе требуют культурного суверенитета, культурной гегемонии диалектического мышления, которое при утрате смысла и терминологической точности превращается в формально-логическое сознание филистера и оппортуниста.

При формировании культурной гегемонии речь идет о соотношении деклараций, намерений класса и революционной партии и реальности. При капитализме декларируется демократия, но ее там нет в принципе, тем более на империалистической стадии капитализма. При построении социализма декларируется социализм и демократия, и эти фрагменты реальности растут и увеличиваются по мере взросления социализма. Тот факт, что буржуазный строй многообразен, равно как и возникающий социализм неизбежно многолик и проходит различные ступени развития, ставит задачи по культурной гегемонии каждый раз заново перед новыми поколениями.

Советы как особая сила народной организации возникли из российской истории и оформились политически из столкновения между Советской властью и Учредительным собранием, которое было подготовлено всей историей русской революции. В свою очередь революция была поставлена перед неслыханными задачами социалистического переустройства общества. После событий 1905 г. и поражения в русско-японской войне не подлежало сомнению, что царизм доживает последние дни, и лишь благодаря отсталости деревни ему удалось выкарабкаться из бездны.

Однако понимание истории в традиции марксистской идеи о смене общественно-экономических формаций еще не дает полной картины развития государственности. Формационный подход требует некоторых отступлений от детерминированной жёсткости марксистского и ленинского взгляда на историю. Так, уже И. В. Сталин сумел солидаризироваться с историками государственной школы в вопросе признания военного фактора образования русского централизованного государства. Централизованное государство в России, по мнению И. В. Сталина, сложилось под влиянием внешних вызовов до того, как были созданы для него соответствующие рыночные основания, и до того как сложился национальный рынок.

Специфичность российского государствогенеза пояснялась им в ответ на обвинения в отступлении от исторического материализма следующим образом, когда он говорил 10 марта 1921 г. на X съезде партии в «Докладе об очередных задачах партии и национальном вопросе» о формировании наций и национального вопроса: «Первый период – это период ликвидации феодализма на Западе и победы капитализма. Складывание людей в нации приурочивается к этому

периоду. Я имею в виду такие страны, как Англию (без Ирландии), Францию, Италию. На Западе – в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии – период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы. И поскольку внутри этих государств не было других национальных групп сколько-нибудь значительных, постольку там не было и национального гнета.

На востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство» [1, с. 33–34].

Далее он определил суть этого периода в вариациях по территориям и эпохам: «Таким образом, первый период характеризуется появлением наций на заре капитализма, причем на западе Европы зарождаются чисто национальные государства без национального гнета, а на Востоке зарождаются многонациональные государства с одной, более развитой, нацией во главе и с остальными, менее развитыми, нациями, находящимися в политическом, а потом и в экономическом подчинении нации господствующей. Эти многонациональные государства Востока послужили родиной того национального гнета, который породил национальные конфликты, национальные движения, национальный вопрос и различные способы разрешения этого вопроса» [1, с. 34].

Мы видим здесь отступление от методологии детерминации в конечном счете базисом надстройки и именно на этой основе возникает сталинское определение нации, в котором учитывалась не только экономическая парадигма нациогенеза, но и факторы культуры, вы-

ражающие психический склад соответствующих сообществ. Это второй период в развитии национальных отношений и национального гнета: «Второй период в развитии национального гнета и способов борьбы с ним приурочивается к периоду появления империализма на Западе, когда капитализм в поисках рынков сбыта, сырья, топлива и дешевой рабочей силы, в борьбе за вывоз капитала и обеспечение великих ж.-д. и морских путей выскакивает из рамок национального государства и расширяет свою территорию за счет соседей, близких и дальних. В этот второй период старые национальные государства на Западе – Англия, Италия, Франция – перестают быть государствами национальными, т. е. они, в силу захвата новых территорий, превращаются в государства многонациональные, колониальные, являя тем самым арену того национального и колониального гнета, какой существовал еще раньше на востоке Европы. На востоке Европы этот период характеризуется пробуждением и усилением подчиненных наций (чехи, поляки, украинцы), приведшим в результате империалистической войны к распадению старых буржуазных многонациональных государств и образованию новых национальных государств, находящихся в кабале у так называемых великих держав» [1, с. 35].

И далее вычленяется третий период: «Третий период – это период советский, период уничтожения капитализма и ликвидации национального гнета, когда вопрос о господствующих и подчиненных нациях, о колониях и метрополии отходит в исторический архив, когда перед нами на территории РСФСР встают нации, имеющие равные права развиваться, но сохранившие некоторое исторически унаследованное неравенство ввиду своей хозяйственной, политической и культурной отсталости. Суть этого национального неравенства состоит в том, что мы, в силу исторического развития, получили от прошлого наследство, по которому одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой в политическом и в промышленном отношении, чем другие нации. Отсюда фактическое неравенство, которое не может быть изжито в один год, но которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям. Вот те три периода развития национального вопроса, которые исторически прошли перед нами» [1, с. 35–36].

Понятно, что специфичность российского государствогенеза И. В. Сталиным пояснялась в ответ на обвинения в отступлении

от исторического материализма тем, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы ввиду необходимости обороны шёл быстрее процесса складывания людей в нации, ввиду чего здесь и образовались многонациональные государства раньше ликвидации феодализма. Таким образом, формирование государственности и наций представляет собой сложный исторический процесс, связанный с историей, культурой и природной необходимостью. Мы обратимся к истории российской государственности в контексте обретения Россией конкурентного преимущества – культуры, которая создает мировую культурную гегемонию.

Как создавалась советская культурная гегемония? Ее оформление в конце 30 гг., то есть перед началом суровых испытаний Великой Отечественной войны, неожиданно блестяще изложил в докладе на майском 2023 г. пленуме ЦК КПРФ председатель партии Г. А. Зюганов. Мы приведем его описание, поскольку доклад на пленуме недоступен для широких масс народа и даже для исследователей: «Советский патриотизм соединил два начала: трепетное отношение к Родине, воспитанное русской культурой, и большевистский идеал справедливого мироустройства. Классовое в советском патриотизме не отрицало национальное, а опиралось на него. Соединение принципов патриотизма и интернационализма в общественном воспитании стало лучшим ответом СССР и на возраставшую угрозу фашизма.

Середина 1930-х годов была отмечена постоянным обращением к традициям русского народа. 2 мая 1933 года в Кремле на завтрак для участников первомайского военного парада прозвучала первая из известных сталинских здравниц за русский народ. 5 марта 1934 года по инициативе И. В. Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос: «О постановке преподавания гражданской истории в школах». В результате появились важные решения.

15 мая 1934 года было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Определялись пути перехода к преподаванию истории с позиций патриотического воспитания. В средней школе вместо необязательных факультативов создавалась стройная система преподавания истории [2]. Итак, патриотизм и интернационализм составляли новый исторический сплав – большую культурную гегемонию в мире, когда нашей страной и ее свершениями стали гордиться трудящиеся всего мира.

Поскольку мама автора этой книги ученый-историк, то детали исторического образования, борьбы с педологией в стране автор получал с детства. А учитывая, что она закончила исторический факультет в 1939 г., то крайне любопытна такая хронология событий: «С 1 сентября 1934 года восстанавливались исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах. К 1938 году истфаки действовали уже в 13 крупнейших университетах Союза ССР. В вузы были возвращены историки „старой школы» Ю. В. Готье, В. Г. Дружинин, М. К. Любавский, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, Л. В. Черепнин и другие.

18 апреля 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает специальное решение об использовании понятия «Родина» в ходе первомайских демонстраций. 9 июня 1939 года передовица «Правды» провозглашала высшей доблестью «советский патриотизм», «любовь и преданность своей Родине». Высшим законом жизни назывались слава, мощь и благосостояние Советского Союза. Вопрос о характере учебников по истории СССР стал ключевым в перестройке исторического образования. В 1936–1937 годах был проведён конкурс на создание учебника для начальной школы. Премию получило пособие под редакцией А. В. Шестакова. На первый план в нём выдвигались фигуры защитников и собирателей российского государства» [2].

Поскольку у мамы-учительницы накопились тоненькие, изданные массовыми тиражами довоенные брошюры о Суворове, Невском и Кутузове, то при сравнении с дореволюционными учебниками истории для гимназий автор с раннего детства видел явное смысловое превосходство советской культуры и исторической науки: «С середины 1930-х годов наметилось смягчение отношения власти к церкви. Как национальный герой прославлялся канонизированный Русской православной церковью князь Александр Невский – организатор отпора шведским феодалам и немецким крестоносцам. Конституция СССР 1936 года предоставила духовенству гражданские права наравне с трудящимися. В предвоенных романах, пьесах, кинофильмах воспитывалась гордость за свою страну и народ. Таковы были пьеса В. А. Соловьёва „Фельдмаршал Кутузов“, исторические романы „Севастопольская страда“ С. Н. Сергеева-Ценского, „Дмитрий Донской“ С. П. Бородина. Созвучным времени оказался созданный А. Н. Толстым образ Петра I и его эпохи. Зазвучали объективные оценки Ивана

Грозного. Большой зрительский интерес вызывали фильмы лучших режиссёров о героических страницах прошлого.

В 1937 году в СССР были всенародно проведены Пушкинские дни. 10 февраля в Большом театре торжественно заседал Всесоюзный Пушкинский комитет, а в центре Москвы прошёл массовый митинг. В этот день «Правда» писала: «Пушкин глубоко национален, поэтому он стал интернациональным поэтом... Русский народ вправе гордиться своей ролью в истории, своими писателями и поэтами». По всей стране открывались памятники и школы имени А. С. Пушкина. Проводились научные конференции, вечера, утренники. В сентябре 1937 года масштабно прошли мероприятия в честь 125-летия Бородинской битвы. Была реставрирована знаменитая батальная панорама Ф. А. Рубо и памятники в честь сражения. Масштабно были отмечены 750-летие «Слова о полку Игореве», 230-летие Полтавской битвы, 125-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова, 100-летие со дня рождения П. И. Чайковского, юбилей М. В. Ломоносова. Празднование памятных дат способствовало распространению исторических знаний, повышало общий уровень культуры. Эта работа объединяла советский народ, выступала мощным фактором патриотического воспитания» [2]. Получается, что культурная гегемония для того, чтобы стать глобальной системой культурного управления, нуждалась в переформатировании в недрах новой советской культуры и всей исторической традиции.

Однако внимание в культурной гегемонии обращается на молодое поколение. Всегда только на молодое поколение. Американский социолог Сет Бернштейн в книге, изданной при финансовой поддержке Еврейского музея и Центра толерантности, пишет: «Практически в каждой стране молодые люди представляют собой надежду на будущее. В частности, так было и в СССР, где молодежь занимала центральное место в попытках советских вождей преобразовать общество. Советские люди, рожденные во время большевистской революции, ощущали эпохальные перемены, сформировавшие идентичность их поколения. Формирование первого советского поколения было также неотделимо от большевистских представлений о том, как должна развиваться молодежь. Советские руководители полагали, что создали режим, отличавшийся от любого существовавшего в мире, и ожидали, что в постреволюционном государстве молодежь будет производить „новых людей“. Под контролем марксистского режима

эти „новые люди“ должны были стать физически и морально сильнее, чем старшие поколения, поскольку они строили коммунистическое будущее. В то же время партийные лидеры, как и их коллеги во всем современном мире, испытывали беспокойство по поводу податливости молодежи и ее кажущейся уязвимости к вредным влияниям. Большевики осознавали, что враги – отечественные капиталисты, иностранные агенты и хулиганы в числе прочих представляли собой угрозу разрушения будущего Советского Союза. Превращение молодежи в „новых людей“ или во врагов стало критерием успеха большевистского режима в его миссии по выполнению стремлений Октябрьской революции» [3, с. 8–9].

Понятно, что именно Комсомол был основным инструментом нового политического режима в попытках формирования и мобилизации молодого поколения. Естественно, что в постсоветское время именно это название подвергалось изощренным переименованиям – Торговый центр-молл – «КомсоМолл», Комсомольский проспект – «Компрос», театр имени Ленинского Комсомола – «Ленком», «Комсомольская правда» – недельный выпуск «Толстущка» и т. п.

Однако при обострении отношений с Западом восстановление ВЛКСМ оказалось невозможным, и автор исследования в заключении пишет: «Нестабильность постсоветских обществ и возвращение авторитарного национализма в 2000-е годы вызвали интерес к возрождению массовых организаций советского типа в целях мобилизации молодежи для новых политических режимов. Объединения, подобные пропутинской организации „Наши“, надеялись подорвать основу того, что ее лидеры восприняли как переворот под названием „Бархатная революция“, поддерживаемый молодежью в Чехословакии, и „Оранжевая“ и „Майданская“ революции на Украине. Вместе с тем многие люди старшего поколения в постсоветский период воспринимали современную молодежь как людей, не имевших моральной основы. Их беспокойство по поводу поведенческих отклонений молодежи также мотивировало попытки возродить организацию, напминавшую комсомол. Старшее поколение стремилось обрести национальную программу, которая взяла бы на себя заботу о моральной социализации молодежи, предполагавшую необходимость поведенческой дисциплины, национальной лояльности и физической подготовки – так называемое патриотическое воспитание» [3, с. 271–272].

Понятно, что антисоветизм приводит автора к систематизированной русофобии. И хотя эти строки были им написаны в 2018 г., они стали в 2023 г. привычными и расхожими в антироссийской пропаганде.

Спасут ли традиционные ценности? Если рассматривать как некую интегральную религиозность и антииндустриализм вкупе с антисоциализмом, то курс на традиционные ценности вызывает опасения. В 2002 г. на учредительном съезде политической партии «Евразия» в докладе А. Г. Дугина было дано радикальное понимание традиционализма. Через десятилетие в 2012 г. на первом съезде партии оно повторилось, однако партия так и не состоялась и возможно, причина в неверном решении и векторе курса на традиционализм как интегральную религиозность.

20 лет назад А. Г. Дугин заявил: «Сегодня всем очевидно – технический прогресс и эффективность экономики – это одно, а нравственный прогресс – другое. Нарастивая технологический потенциал, мы пропорционально утрачиваем потенциал культурный и духовный. В XIX веке казалось, что эти вещи идут параллельно. Оказалось, что они противоположны. Цивилизация как техника противоположна культуре как духовности. Однако прямое противодействие традиции технологическому развитию проиграно. И вместе с тем, наше сознание отказывается признать как неизбежность ту чудовищную картину нравов и грехов, которые открылись на пороге XXI века: от легализации всех типов извращений до клонирования людей. Это неприемлемо. Нельзя исповедывать традиционную религию и принимать тот мир, который открывается перед нашими глазами – с его цинизмом, галлюцинациями, извращением, воспеванием всевозможных пороков.

И никакой «новой духовности», «новой нравственности», «новой религии» в таких условиях не появляется и не появится. Чтобы противостоять этому, необходимо вернуться к нашим духовным корням» [4, с. 29–30].

Однако духовные корни понимаются по-разному движением язычников, ведическим журналом 2004–2008 гг. «Наследие предков» [5], или прокоммунистическим движением «Духовное наследие» А. И. Подберезкина – «Всероссийское общественно-политическое движение „Духовное наследие“ („партия Подберезкина», «партия

«РАУ-корпорации)»» [6]. «Но партия „Евразия“ взяла курс на религиозный традиционализм: „Никто не опроверг основы традиционных конфессий. Вся атеистическая риторика с эпохи Просвещения была, как сейчас выясняется, лишь агрессивным и навязчивым пиаром, манипуляцией. Этому способствовал и внутренний упадок традиционных религий, неспособность дать адекватный ответ ‚нигилистической науке‘, претендовавшей на ‚позитивность‘ и ‚объективность‘.

Мы утверждаем необходимость обращения к интегральному традиционализму, к основам традиционных конфессий – православия, ислама, буддизма, иудаизма. Неколебимые истины, основы нравственности и духовности – базу обновления и возрождения следует искать именно там и нигде более» [4, с. 30].

Поскольку взят курс на религиозный традиционализм, то партия стала настаивать на отказе от светскости российского общества, то есть на изменении Конституции РФ. Максимальные изменения за два десятилетия, которые были внесены в общественное устройство страны, это внесение упоминания о Боге в основной документ. Позиция партии была более радикальной: «При этом интегральный традиционализм должен смело вступать в диалог с уловками модерна и постмодерна, оттачивать свой интеллектуальный аппарат, принимать вызов современной секулярной рациональности. Как это ни парадоксально, но наш традиционализм должен быть, в свою очередь, современным и искушенным, свободно принимающим вызов критики и находящим неотразимые аргументы. Отсидеться больше не удастся. Сегодня кризис секулярной культуры и науки дает нам, традиционалистам, верующим, фундаменталистам традиционных религий уникальный шанс для интеллектуального и социального реванша. Спасение от сумерек светского общества следует искать только в вечных истинах Веры.

Россия должна быть многоконфессиональной страной, но не светской. Общество должно быть религиозным, духовным, но не единообразным» [4, с. 30]. Между тем в 2020 г. при голосовании по изменениям Конституции России слово Бог упоминается единожды – в статье 67.1 пункт 2: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [7].

Д. Стешин в «Комсомольской правде» уточняет эту поправку, внесенную президентом страны: «К статье 67 Конституции президентом предложено добавить вот такую, чеканно-сформулированную поправку: „Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». Разберем сказанное. А в нем множество смыслов, хотя, противники этой поправки видят только слово Бог, благо оно написано с большой буквы.

«Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей...». Первое ключевое слово – «объединенная», не завоеванная, не отнятая, не аннексированная. Тысяча лет прошло, многие забыли, что большинство народов нашей страны объединились добровольно, сохранив свои идентичности. А вера в Бога, пожалуй, один из главных, если не главный критерий самоидентификации народа. Эта часть поправки подтверждает, что, как и ранее, на самоидентификацию никто покушаться не будет. Самый яркий пример – регионы исповедующие ислам в самом центре православной России» [8].

Далее интеллектуальный журналист разбирает предложенную смысловую конструкцию: «„...Сохраняет память предков...“ – еще одна важная деталь этой смысловой конструкции. Память предков, их заветы – неприкосновенны и охраняются Конституцией. Предки много чего нам завещали и оставили, например – жить вместе и дружно, одной семьей» [8]. И тут появляется важнейший момент разведения веры и идеалов, то есть, уточним мы, знаний. Вера и знания!

Автор пишет: «...Идеалы и веру в Бога», – здесь подчеркивается схожесть двух понятий: веры и идеалов. Даже в самые лютые богоборческие времена мы жили по «десяти заповедям из Библии», они, почти точно были скопированы в «Кодексе строителя коммунизма». Скорее всего, создатели «Кодекса» и хотели придумать для него какие-то новые нравственные нормы, но просто не смогли. Они едины всю сознательную жизнь человечества, во всех религиях мира. Поэтому, для атеистов – идеалы, для верующих – Бог. Главное, не путать атеистов с бесноватыми. Атеист, в классическом определении, человек не признающий существование Высшего разума, всего лишь. Религии ему просто не интересны, он к ним равнодушен, вера вне системы его ценностей.

Люди, которые не могут пройти спокойно мимо слов «Бог» или «вера», отказывают другим в возможности и потребности верить,

называются просто – «бесноватые» [8]. Получается, что в Бога верим, а Идеалы знаем. Напишем их с большой буквы. Идеалы не есть предмет веры, они предмет знания и почитания. Но тогда спрашивается, почему знающие Идеалы не верят в Бога? Ответим. Они знают, что вера не имеет отношение к знанию и знают, что можно без Бога быть счастливым в борьбе за справедливое и лучшее общество. Без Бога, потому что для них он не существует, но этим фактом личного восприятия они не оскорбляют убогих, находящихся к Бога верующих. И потому они не бесноватые и в этом мы согласны с автором статьи.

Список использованной литературы

1. Сталин И. В. Сочинения, М.: ГИПЛ, 1952. т. 5. – 446 с.
2. О задачах КПРФ по борьбе с фашизмом и патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на VI (майском) совместном пленуме ЦК и ЦКРК партии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/218998.html>
3. Бернштейн С. Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма. М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 302 с. (История сталинизма).
4. Материалы учредительного съезда политической партии «Евразия» 30 мая 2002 г., Екатеринбург: Свердловское региональное отделение движения «Евразия», изд. УрГУ. – 195 с.
5. Журнал «Наследие Предков». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesles.site/news/zhurnal-nasledie-predkov?ysclid=ll9rxvhkce829231202>
6. Духовное наследие (ДН) Лидер – Алексей Подберёзкин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.panorama.ru/works/vyborny/party/duhnas.html>
7. Конституция Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter3>
8. Никакие религии не в обиде, а Бог в Конституции теперь будет. Какой на самом деле заложен смысл в одной из самых резонансных поправок к Основному закону России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27100.4/4173124/?ysclid=ll9r2fwift469862179>

Глава 1. МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

1.1. РОССИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ И ВАРИАНТЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Основоположники марксизма ждали русскую революцию как начало европейской революции. Но после поражения турок в русско-турецкой войне К. Маркс признал, что дела пошли по-другому и Россия окончательно перешла на путь злоключений капиталистического строя. Поскольку переход к капитализму невозможен без превращения значительной части крестьян в пролетариат, сама русская крестьянская община получала новые перспективы в связи с наличием развитого Запада и кризисом капитализма. Надежды пролетарских революционеров были реализованы В. И. Лениным, который, сам за несколько дней до февральской революции 1917 г. находился в унынии относительно сроков свержения царизма. Только после Октябрьской революции и особенно после Второй мировой войны перспективы социализма для мира открылись в полном всемирно-историческом масштабе

В 1877 г. русско-турецкая война вызвала в европейской социал-демократии ожидания скорой революции, которая неминуемо последует за поражением России. 27 сентября 1877 г. К. Маркс написал в письме Ф. А. Зорге: «Этот кризис – новый поворотный пункт в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по русским оригинальным источникам неофициальным и официальным... давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы благодаря ударам, нанесенным молодцами турками не только русской армии и русским финансам, но и лично командующей армией династии... Переворот начнется *secundum artem* с конституционных заигрываний, и буча выйдет отменная. И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!.. Революция начнется на этот раз на Востоке,

бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции» [1, с. 229–230]. Латинское выражение в письме означает – «по всем правилам искусства». Естественно, современные историки-консерваторы, отражающие интересы новой буржуазной России демократического выбора 1991 г., видят во всем этом русофобию. Действительно, тут турки – молодцы, Россию ждет буча отменная. Правда, речь идет о царском режиме и феодальном обществе, но консерваторы этого не замечают.

После того как в конце 1877 г. русские войска взяли штурмом Плевну, и в марте следующего года турки признали поражение, сам К. Маркс признал, что «дела пошли по-другому» [1, с. 246]. Они пошли совсем по-другому. В полемике с Н. К. Михайловским о возможности собственных путей развития России, К. Маркс в осторожных выражениях для статьи подготовленной в легальный журнал императорской России сообщал, что он изучил русский язык и в течение ряда лет следил за публикациями по этому вопросу и пришел к следующему выводу: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [2, с. 119].

Японский историк Вада Харуки описывает ситуацию со статьей – письмом в редакцию журнала так: «Здесь он говорит „эзоповым языком“. После 1861 г. Россия пошла по капиталистическому пути развития; если она продолжит идти этим путем, крестьянская община будет уничтожена, а с ней и возможность перейти напрямую к социализму. Поэтому, дорогие россияне, искренне взывает Маркс, не смейте упускать „наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу“, ибо этот случай дорогого стоит. На протяжении всей русско-турецкой войны Маркс не переставал надеяться на революцию в России, которая, как он ожидал, должна произойти сразу после поражения России в войне. Когда же этого не случилось, он почувствовал, словно революция, уже схваченная, выскользнула у него из рук. Именно поэтому он чувствовал себя обязанным напомнить, со всей страстностью, русскому народу, что он не должен смиряться с положением вещей, не должен упускать свой великий шанс. По сути, это было призывом к русским начать революцию прямо сейчас» [3, с. 90].

Во второй части письма К. Маркс пишет о двух выводах для России и двух тенденциях и вариантах ее будущего: 1. «Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы... она не достигнет этого, не превратив значительной части своих крестьян в пролетариев», и 2. «после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как прочие нечестивые народы» [2, с. 120]. И тут же К. Маркс обвиняет Н. К. Михайловского в извращении собственной теории: «Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, – для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека» [2, с. 120]. Закljučая письмо, К. Маркс подчеркивает, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам» [2, с. 121].

Делая подобное замечание, К. Маркс имеет в виду возможности, которые открывает русской крестьянской общине современная обстановка с наличием развитого Запада и его кризисом капитализма. Это письмо, которое содержало второй вывод К. Маркса по русскому вопросу, осталось неотправленным. Ф. Энгельс впоследствии пояснил, что К. Маркс решил не посылать письмо, потому что опасался, что одно его имя может стать угрозой дальнейшему существованию журнала, который опубликует его. На самом деле всемирная история еще не развернула перспективы социалистического развития для России и мира – все было в зародыше примерно так, как после написания Манифеста Коммунистической партии. Через сорок лет после его первого издания ситуация в рабочем движении радикально изменилась, но она мало изменилась на мировой арене. Только после Октябрьской революции и особенно после Второй мировой войны перспективы социализма для мира открылись в полном всемирно-историческом масштабе.

Во многом перспективы, в том числе идеологические, задаются глобальными столкновениями – войнами и технологическими пере-

воротами. Х. Вада пишет: «Победа России в войне с Турцией, вопреки ожиданиям, усилила власть царизма внутри страны. В стране, чья новая история была буквально чередой военных поражений, которые приводили либо к решительным переменам, либо к революциям, это была единственная война, завершившаяся победой. И уже сам этот факт, похоже, был одним из важнейших факторов, определивших исход борьбы между царизмом и революционным народничеством» [3, с. 92]. Прямо противоположное решение история вынесла из поражения царской России в русско-японской войне 1904–1905 гг. – она вызвала в жизни первую русскую революцию как генеральную репетицию Октября. Именно поэтому мы и обращаемся к творческому наследию крупного японского историка, прекрасно понимающего именно эти обстоятельства и реализующего поиск и понимание отношений русской цивилизации и западной германо-романской в период революционных столкновений и войн.

Основоположники марксизма ждали русскую революцию как начало европейской революции. В феврале 1879 г., когда до Энгельса дошла новость об убийстве харьковского губернатора Кропоткина, он увидел в этом положительное значение и заявил, что что политический террор – это единственное средство, доступное русской интеллигенции, и «движение, кажется, вот-вот вспыхнет» [2, с. 121].

Возникновение Исполнительного комитета партии «Народная воля» оживил все надежды революционеров и 10 января 1880 г. Ф. Энгельс написал в новогоднем поздравлении Вильгельму Либкнехту: «Поздравляю тебя и всех с Новым годом и русской революцией, которая в этом году, вероятно, разразится и тотчас же изменит облик всей Европы» [1, с. 347]. Однако К. Маркс перестал называть «Народную волю» террористами после изучения ее программы, причем его отношение к «Черному переделу», нашедшим убежище в Женеве, ухудшилось. К. Маркс писал о них: «Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина» [1, с. 380]. Эти надежды пролетарских революционеров были реализованы В. И. Лениным, который, впрочем,

сам за несколько дней до февральской революции 1917 г. находился в унынии относительно сроков свержения царизма.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1964. т. 34. – 525 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1961. т. 19. – 670 с.
3. Вада Харуки. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с.

1.2. АРТЕЛИ, КУЛАКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ф. Энгельс, критикуя П. Н. Ткачева, обращает внимание на русскую артель как широко распространенную в России форма товарищества и свободной ассоциации, которой со времени А. И. Герцена приписывают таинственную роль. История показала, что из артели прямо в социализм не перескочить: для этого нужно было, чтобы сама артель отбросила свою стихийную форму и поднялась по меньшей мере до уровня западноевропейских кооперативных обществ. Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. и помещик А. И. Герцен воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян как истинных носителей социализма в противоположность рабочим загнивающего европейского Запада. От А. И. Герцена эти сведения перешли к М. А. Бакунину, а затем к П. Н. Ткачеву. В среде крестьянства вырабатывается класс ростовщиков-кулаков, и сьемщиков крестьянских и помещичьих земель – мужицкая аристократия. Ф. Энгельс упоминает двух писателей масштаба Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского – «двух социалистических Лессингов», которые оказались любимыми литераторами В. И. Ленина.

Революционный демократ П. Н. Ткачев в статье «Оптимизм в науке. (Посвящается Вольно-экономическому обществу)», говоря об избранности русского народа для социализма, благодаря наличию общинной собственности на землю, упоминает скорее не об артели, но об общине [1]. Однако, критикующий П. Н. Ткачева, Ф. Энгельс обращает внимание на русскую артель и это не случайно: «Об артели г-н Ткачев упоминает лишь вскользь, но мы здесь на ней остановимся, так как уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль. Артель – это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма свободной ассоциации, подобно той, которая встречается у охотничьих племен во время охоты. И по названию и по существу она не славянского, а татарского происхождения. И то и другое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у саамов, ненцев и других финских народов – с другой. Поэтому артель в России развивается первоначально не на юго-западе, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый климат требует разнородной промышленной деятельности, а недостаточное развитие городов и нехватка капитала

возмещается по мере возможности этой формой кооперации. – Один из важнейших отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на узах кровного родства, как взаимная порука у древних германцев, кровная месть и тому подобное. – Впрочем, слово артель применяется в России не только ко всякого рода совместной деятельности, но и к общим учреждениям» [2, с 541]. Повторим: «И по названию и по существу она не славянского, а татарского происхождения».

Ф. Энгельс отмечает, что «уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль»: «Итак, артель есть стихийно возникшая и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или даже славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть потребность: в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны» [2, с 542]. Обратим внимание на выражение: «таинственная роль» общины, которую ей приписывают социальные мыслители России.

Отдельно особо обращает на себя внимание утверждение Ф. Энгельса, что из артели прямо в социализм не перескочить: «Преобразование этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою стихийную форму, в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и поднялась по меньшей мере до уровня западноевропейских кооперативных обществ [2, с. 542–543].

Неожиданный поворот анализ Ф. Энгельса получает, когда он говорит о совершенно недавнем историческом смысле открытии феномена общины: «Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузенем, и он раструбил о ней на весь мир как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника даже обязан был знать о них в точности. Герцен, сам русский помещик, впервые от Гакстгаузена узнал, что его

крестьяне владели землей сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, гнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина к г-ну Ткачеву» [2, с. 543]. Если учесть неприятие классиками марксизма теорий и деятельности М. А. Бакунина, то цепочка интеллектуальной преемственности выглядит сомнительно – от Герцена к Ткачеву. Именно поэтому такая линия идейной передачи концепции общины подлежит критике.

Далее именно в духе Марксова предисловия к «Капиталу» о различии высших и низших форм общественной жизни, друг К. Маркса пишет: «В действительности общинная собственность на землю представляет собой такой институт, который мы находим на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например на Яве. Еще в 1608 г. существование общепризнанной общинной собственности на землю на только что завоеванном севере Ирландии послужило для англичан предлогом объявить землю бесхозной и как таковую конфисковать в пользу короны. В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками; часто, особенно в горах, встречаются еще ее отчетливые следы: периодические разделы общинной земли и тому подобное» [2, с. 544].

Замечательный анализ Ф. Энгельса показывает, что мир крестьянина – это община: «Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово мир означает, с одной стороны, „вселенную“, а с другой – „крестьянскую общину“. *Ves*» *mir*, весь мир означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г-н Ткачев говорит о «миросозерцании» русского крестьянина, то он явно неправильно перевел русское слово мир. Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для восточного

деспотизма; от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение.

Дальнейшее развитие России в буржуазном направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства. И это тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с тем чтобы делить только продукты, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует» [2, с. 544].

Получается, что Ф. Энгельс обнаруживает социальный феномен кулака! Он пишет: «Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы. Никто не знает этого лучше г-на Ткачева. Уверяя немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по инстинкту, по традиции, отказаться от „идеи коллективной собственности“, он рассказывает в то же время в своей русской брошюре, на стр.15: „В среде крестьянства вырабатывается класс ростовщиков (kulakov), покупателей и съемщиков крестьянских и помещичьих земель – мужицкая аристократия“.

Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше. Сильнейший удар общинной собственности нанес опять-таки выкуп барщины. Помещик получил большую и лучшую часть земли; крестьянам осталось едва достаточно, а сплошь да рядом совсем недостаточно для того, чтобы прокормиться. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром, он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; не хватает обычно и земли, чтобы просуществовать с семьей от урожая до урожая. При таких условиях и под гнетом податей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в оковы. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями или

без семей, бросают свою землю и ищут источник существования в отхожих промыслах» [2, с. 545].

Ф. Энгельс резонно задает вопрос – как же при таких условиях революция не производится и народ еще не освобожден? Каковы же пути подлинной революции: «Просто понять нельзя, как же это при такой невероятной легкости революция давно уже не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну. В действительности дело обстоит совсем не так. Русский народ, этот „революционер по инстинкту“, устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против дворянства и против отдельных чиновников, но против царя – никогда, кроме тех случаев, когда во главе народа становился самозванец и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишеного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом: *Vog vysok, Car daljok*, до бога высоко, до царя далеко, восклицает он в отчаянии. Что масса крестьянского населения, в особенности со времени выкупа барщины, поставлена в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем, – это не подлежит никакому сомнению; но сказки о „революционере по инстинкту“ пусть уж г-н Ткачев рассказывает кому-нибудь другому.

А кроме того, если бы даже масса русских крестьян была как нельзя более революционна по инстинкту; если бы даже мы представили себе, что революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар, – даже тогда позвольте спросить: подобает ли человеку, вышедшему уже из двенадцатилетнего возраста, иметь такое сверхчревычайское представление о ходе революции, какое мы здесь видим?» [2, с. 547].

В начале работы «Эмигрантская литература» в пятой главе «О социальном вопросе в России» Ф. Энгельс сообщает, что именно здесь начинается настоящее исследование России и освобождения ее народа. Он как бы пророчит возникновение великого революционера, знатока социализма. Естественно, что вслед за Г. В. Плехановым придет В. И. Ленин. Ф. Энгельс упоминает «двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов»

и мы знаем, что это были любимые писатели В. И. Ленина с молодости: «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет из-за того, что однажды породила шарлатана вроде Бакунина и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжатыся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга» [2, с. 522]. Огромный интерес В. И. Ленина к двум отечественным социалистическим Лессингам проявился с симбирской юности вождя и продолжался всю жизнь [3, с. 115].

Однако особое почитание среди народников получили те, кто пал жертвою в борьбе роковой. Речь в первую очередь о С. Л. Перовской и, как писал саратовский историк Н. А. Троицкий: «Софья Львовна Перовская – первая русская женщина, казненная по политическому обвинению, – одна из самых ярких и, пожалуй, самая обаятельная личность среди тысяч и тысяч борцов против царского самодержавия. Высший моральный авторитет, „нравственный эталон“ и даже „нравственный диктатор“ (по выражению С. М. Степняка-Кравчинского) в тех объединениях российских народолюбцев и тираноборцев, где ей довелось участвовать (в Большом обществе пропаганды, в обществе „Земля и воля“, в партии „Народная воля“), – она заслужила не только общероссийскую, но и мировую известность» [4, с. 26].

После свержения царизма в России имя Перовской вплоть до распада СССР, вспоминалось с уважением и любовью. Имя С. Л. Перовской, ее почитание – показатель нравственного здоровья общества. Но что мы видим в РФ: «в постсоветское время имя Перовской стали не просто забывать, – гораздо хуже: вычёркивать из памяти или даже обливать грязью. Улицу Софьи Перовской в Ленинграде переименовали в Малую Конюшенную и возвели на ней памятник... царскому городовому. Телевидение крутит передачу о Софье Львовне (по сценарию Екатерины Серри) как о преступной и зловещей убийце, а наши издательства с 1990-х годов то и дело переиздают роман-пасквиль „Цареубийцы“ П. Н. Краснова – бывшего царского генерала и, после эмиграции из России, гитлеровского прислужника (формировал воинские части из россиян-предателей Родины для борьбы, вместе с гитлеровцами, против СССР). В этом пасквили все народовольцы представлены как „нелюди“, „стая кровожадных волков“, „омерзительные“, „косматые“, „дремучие обезьяны“ (каким-то образом проклюнувшиеся

из волков), а Перовская обращена в кровожадное и безнравственное чудище с „безобразными губами“ и „выпученными глазами“, которые смотрят „тупо“, но горят „неистойой, лютой злобой“» [4, с. 28].

В условиях Специальной Военной операции пришло время очистить светлую память вождей и участников русского освободительного движения, народнического и пролетарского его этапов. А. И. Герцен с понятной символикой подписал одну из своих первых статей на Западе псевдонимом «Варвар», причисляя себя к людям нового мира, разрушителям всего старого и отжившего. И. А. Желвакова в книге о А. И. Герцене в серии ЖЗЛ писала об этом обстоятельстве: «Это была постоянная его аналогия с варварами, некогда уничтожившими разложившуюся римскую цивилизацию, на месте которой неотвратимо возникали новые формы жизни» [5, с. 392]. В частном письме он определял себя как варвара, осмелившегося быть свободными человеком «между крамольными холопами Запада». Как же это звучит по-современному!

Список использованной литературы

1. Качев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. т. 4. – 646 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1961. т. 18. – 842 с.
3. Трофимов Ж. А. Великое начало. М.: Молодая гвардия. 1990. – 333 с.
4. Троицкий Н. А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов: Common place, 2018. – 546 с.
5. Желвакова И. А. Герцен. М.: Молодая гвардия, 2010. – 547 с.

1.3. СТРАХ ПЕРЕД ТОТАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В начале прошлого столетия страх перед наступлением того, что стало называться «тоталитарным государством», был всеобъемлющим. Марксисты вообразили, если стихийные экономические силы и кризисы исчезнут, будет потеряна перспектива социалистической революции. По поводу этой обнаруженной возможности Н. И. Бухарин поднимал вопрос четыре раза и получалось что такое общество мыслимо в теории, в действительности оно невозможно. Возможность несоциалистической рыночной экономики и всевластие государства ужасали настолько, что впоследствии при отказе от социалистического пути развития такое гибридное общество А. А. Зиновьев назвал «рогатым зайцем». Война становится наивысшей формой капиталистической конкуренции, а потому новый катализатор революции обнаруживается в столкновении групп капиталистических государств.

Сегодня в новом столетии и новом тысячелетии понятия «тоталитарное» и «тотальное» вызывают в русской культуре однозначно-настороженное восприятие. Дело не в их смысловой и звуковой схожести – скорее сказывается трагический и одновременно оптимистический опыт XX века нашего Отечества. В нашем столетии, когда мы слышим внешне безобидные слова «тотальный диктант», то напрягаемся, а затем задаемся вопросом: а почему бы не назвать это государственно-просветительское мероприятие «всеобщий диктант»? В начале прошлого столетия страх перед наступлением того, что стало называться «тоталитарным государством», был всеобъемлющим. Приход всемогущей организации и огосударствление общества поставил и перед марксистами мучительный вопрос – как относиться к этой тенденции, когда аппарат публичной власти, отделенной от народа, начинает завоевывать экономический базис общества, его политическую и идеологическую надстройку?

Академические марксисты вообразили себе, что, если экономическая база общества окажется подчинена контролю политической надстройки тотально и естественные при капитализме стихийные экономические силы и кризисы исчезнут, общество будет зарегулировано и потому будет потеряна сама перспектива социалистической революции. Естественно, сразу после победоносной Октябрьской

революции и уничтожения революционных вспышек в Европе, возник вопрос о возможности некоего гибридного общества, возникшего в современном развитии – не капиталистического и не социалистического. Так, ударивший в набат по поводу этой обнаруженной им и неприятной для марксизма возможности Н. И. Бухарин поднимал этот вопрос четыре раза.

Подчеркнувший этот факт американский биограф Н. И. Бухарина С. Коэн пишет: «Каждый раз он отвечал на него утвердительно, но подчеркивал, что, хотя такое общество мыслимо в теории, в действительности оно невозможно. Два примера показывают направление его размышлений. Он первый думал о возможности несоциалистической нерыночной экономики в 1915 г.» [1, с. 59]. Интересный ход размышлений творческого марксиста – в теории возможно гибридное общество, а на практике нет. Такое общество – это то, что в немецкой народной традиции называется «рогатый заяц» и на него ссылается русский философ А. А. Зиновьев, говоря о всяких химерических образованиях, когда к тушке зайца прикладываются рога или когда сочетаются черты социалистической и капиталистической систем образования, как это имеет место в современной России нового демократического выбора [2].

А в беседе 2002 г. с Н. Гульбинским в «Московской правде» русский философ уточняет свои образы и сравнения: «А. Зиновьев: Нынешняя социальная система – это гибрид советизма, западнизма и дореволюционного фундаментализма. Этот гибрид выведен искусственно, с нарушением всех фундаментальных социальных законов. Один из этих законов я могу назвать, и Вы, как человек работавший в сфере философии, меня поймете. Этот закон заключается в том, что компоненты социальной организации должны быть адекватны друг другу. Они должны быть однокачественными. У нас этого не наблюдается. Я назвал ту систему, которая сложилась в России, „рогатым зайцем“. Такое чучело я видел в охотничьем музее в Мюнхене.

Н. Гульбинский: Это что, в природе такие особи встречаются? Или это какая-то гениальная инженерия?

А. Зиновьев: Нет, в природе таких особей, к счастью, не встречается. Это просто шутки ради сделанное чучело – шкура зайца, а рога приставлены от какого-то другого животного. В природе такого зайца не бывает, а в обществе подобное иногда возможно. Вот и у нас

взяли и сконструировали такого «рогатого зайца». Посмотрите, какой причудливый гибрид получился. Система власти в России тяготеет к советскому образцу; Администрация президента – это имитация советского Политбюро. В экономике власть пытается копировать западные образцы, правда, это получается столь же неэффективно, как и имитация советской системы управления. В сфере идеологии происходит реанимация православия, то есть средневековой феодальной идеологии. Вот такие три компонента. Это примерно то же самое, как если бы у деревенской телеги заменить колеса на гусеницы и поставить турбореактивный двигатель. Что произойдет, если такое чудовище двинется с места? Оно тут же развалится» [3, с. 3]. Однако РФ не развалилась за прошедшие с этих слов два десятилетия. Получается крепкое новообразование, которое способно на столкновение с однотипным социальным образованием – с такой же рыночной экономикой и буржуазной надстройкой как у западных государств.

Как аргументируется такой вывод о неизбежности возникновения гибридного общества, когда ожидается социализм, но не выходит ни он, ни капитализм: «хочется и колется» – хочется найти такое общество, а не получается. Получается, что Н. И. Бухарин значительно раньше других почувствовал ловушку истории, когда в горниле истории выплавляется нечто прежде невиданное и неожиданное и он испугался этого общества: «Если бы был уничтожен товарный способ производства... то у нас была бы совершенно особая экономическая форма; это был бы уже не капитализм, так как исчезло бы производство товаров; но еще менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже бы углубилось) господство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы более всего замкнутое рабовладельческое хозяйство, при отсутствии рынка рабов» [4, с. 151]. В общем, как в классическом высказывании президента В. В. Путина, повторенном не раз в критическом 2014 г. – если бы бабушка была дедушкой: «У нас, знаете, есть поговорочка, такая грубоватая, про бабушку, про дедушку, – сказал, жестикулируя, Путин. – Если бы у бабушки были внешние половые органы дедушки, она была бы дедушкой, а не бабушкой. Поэтому что там говорить» [5].

В 1928 г. Н. И. Бухарин вновь возвращается к этой теме и понимает, что даже в теории после победы Октября такая возможность вызывала ужас. С. Коэн объясняет этот ужас так: «Ведь это означало,

что историческое развитие не обязательно приведет к социализму, что послекапиталистическое общество может породить другую, еще более жестокую систему эксплуатации. Если это верно, то рушится убеждение в неизбежности возникновения нового, справедливого строя и в закономерности исторического развития, провозглашенного марксистской доктриной. Бухарин никогда не признавал, что такой исход возможен в действительности, но мысль о нем не покидала его до конца жизни» [1, с. 59].

Получается, что призрак государства-Левиафана уже не представляет собой призрак прошлого – в прошлом остается капитализм. Это призрак будущего, который угрожает и капитализму, и возникшему социализму, вызывал тайный страх не-ленинцев, которых бросало в крайности то радикальной лево-коммунистической позиции Н. И. Бухарина в 1918 г., то его умеренной политики в 20-х гг., то всего правого уклона 30 гг.

Каков результат этого страха перед государством? Переход на социал-демократические позиции, что подтверждается словами С. Коэна: «Проницательные теоретические положения Бухарина были современными и своевременными: его работы 1915–1916 гг. в значительной мере предвосхитили более позднюю литературу (особенно социал-демократическую), анализировавшую государственное регулирование народного хозяйства, причем большая часть этой литературы также посвящена концепции государственного капитализма. Но, описывая этот процесс, Бухарин был вынужден серьезно пересмотреть Марксово понимание наступления антикапиталистической революции. Подчеркивая организационные возможности „коллективного капитализма“, он фактически исключал внутренние противоречия системы, порождающие кризисы. Такая модель отводила незначительную роль домонополистической рыночной экономике (докапиталистическая не упоминалась в ней совсем) и, таким образом, той жестокой конкуренции, которую Маркс рассматривал в качестве источника крушения капитализма: Отдельный капиталист исчезает. Он превращается в *Verbandkapitalist*'а, в члена организации; он уже не конкурирует со своими „земляками“, он кооперирует, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает. Как позднее обвиняла Бухарина партийная критика, такое толкование очень напоминало

концепцию „организованного капитализма“, которая рассматривалась большевиками как идеологическая основа социал-демократического реформизма» [1, с. 60].

В итоге получилось, чтобы сохранить перспективы социалистической революции, Н. И. Бухарин перенес действие заложенного в капитализме механизма самоуничтожения на арену мирового капитализма, или империализма. Утверждая, что интернационализация капитала создала подлинно мировую капиталистическую систему, он воспроизвел в международном масштабе изображенную К. Марксом картину неорганизованного капитализма.

Определяя войну как наивысшую и конечную форму капиталистической конкуренции, Н. И. Бухарин считал, что новый катализатор революции лежит вне национальной системы, то есть в столкновении групп капиталистических государств. Именно это и произошло во Второй Мировой войне, правда, там столкнулись группы капиталистических стран, одна из которых была возглавлена СССР. Вообще, характер той войны изменился с 1941 г. Именно это обстоятельство подчеркивают авторы статьи о марксистской оценке войны в «Прорывисте»: «Классические империалистические войны так, как их фиксировали классики, практически не имели подтекстов – империалисты открыто боролись за передел колониальных владений: война США с Испанией, первая мировая война, вторая мировая война до 1941 года. Но уже вторую мировую войну невозможно называть однозначно империалистической, если иметь в виду её трансформацию в 1941 году. В тех войнах до 1941 года тупое западное пушечное мясо делало то, что им приказывали олигархи» [6].

По окончании Первой Мировой (империалистической) войны левые уклонисты от большевизма были вынуждены согласиться с предположением, что будущие европейские революции невозможны без всеобщей войны. Этот основной вопрос, возможна ли революция в зрелом капиталистическом обществе без всеобщей войны, стал предметом полемики Н. И. Бухарина с И. В. Сталиным по выработке стратегии Коминтерна. Кто оказался прав в этой полемике? История показала, что оба были правы и революция происходит, когда империализм создает условия для своей гибели через созданную им войну и фашизм.

Тематика спора была остра в прошлом столетии, но и через 100 лет в момент юбилея Коминтерна она вновь обострилась. Современный историк А. Ю. Ватлин замечал в преддверии юбилея: «в преддверии векового юбилея Коминтерн перестал быть предметом интереса лишь профессиональных историков. Широкие круги общественности проявляют интерес к выставкам, освещающим те или иные сюжеты деятельности „генерального штаба мировой революции“ и отдельных компартий, политические и культурные новации, присущие их повседневной работе. Следует отметить и растущий поток биографической литературы, в том числе авантюрно-приключенческого плана, посвященной судьбам отдельных коммунистов, будь то „агенты Коминтерна“, провозившие в чемоданах с двойным дном „бриллианты для диктатуры пролетариата“, или известные теоретики, пытавшиеся в споре с „генеральной линией“ приспособить догматическую версию марксизма к реалиям межвоенной эпохи» [7, с. 5].

Почему возникла новая волна интереса? По тем же причинам, что и первая волна в 1914 г.: «История Третьего, Коммунистического Интернационала началась вместе с первыми выстрелами Первой мировой войны. Международное рабочее движение, гордившееся своим организационным и идейным единством, раскололось на отдельные партии, поддержавшие военный курс собственных правительств. Наряду с размежеванием по национальному признаку в социал-демократических партиях началось и внутреннее брожение. В них стало формироваться левое крыло, называвшее себя интернационалистским» [7, с. 15].

Автор, учитывая, что история не знает сослагательного наклонения, тем не менее указывает на вариативность развития: «Нельзя исключать, что Ленин, останься он неформальным лидером Коминтерна, нашел бы новые пути его развития, сравнимые с нэповским поворотом в Советской России. Но его не стало, зато осталось его политическое завещание, которое в части, адресованной зарубежным коммунистам, звучало однозначно: нет иного пути к победе мировой революции пролетариата, кроме пути, проложенного российскими большевиками» [7, с. 159]. «Крот истории» в отличие от «локомотива истории», то есть в отличие от революции, роет медленно, но в верном направлении. И часто за революцию принимается наиболее яркая форма ее проявления – восстание. Часто оно неуспешно и тогда называется мятежом и так и остается в истории вплоть до победы

революции. В 2023 г. исполняется 30 лет разгрома Московского восстания – черного октября.

А. А. Проханов писал через пять лет после расстрела восстания в сентябре 1998 г. в статье «Это сладкое слово – восстание»: «Какой прок в том, что пять лет назад народ пролил свою кровь на баррикадах Дома Советов – стаскивал к Горбатову мосту арматуру и доски, отламывал от асфальта куски, принимал из рук Макашова короткоствольные автоматы, сидел при свечах в обледенелых кабинетах и залах, молился Богу и пел революционные песни, слушал похабщину „желтого Геббельса“, прорывал кордоны солдат, штурмовал ненавистные мэрию и „Останкино“, падал под пулеметами „витязей“ и „афганцев“, выходил с бутылкой бензина на „бэтээры“ Куликова, кричал проклятия стреляющим танкам Грачева, умирал под пытками генерала- „миротворца“ Романова, шел в „Матросскую Тишину“ и „Лефортово“, скрывался в подполье во время комендантского часа, выпускал за Уралом газету „Завтра“ и вез ее в Москву, скрываясь от сыщиков ФСБ, – какие итоги восстания?

Русский народ своей праведной кровью, смертями и жертвами в этот страшный период оккупации подтвердил свое величие, праведность, внес драгоценный вклад в копилку русской святости. Сочетался с несметным хором героев и праведников, чьи деяния и подвиги сберегают Россию. Икона Русской Истории, к которой припадают устами русские люди во дни торжеств и несчастий, сохраняются ее благодатью, – эта золотая Икона обрела в себе лики героев 93-го года.

Пожарище Дома Советов, подожженного танками, где сгорали дети и женщины, высветило Абсолютное Зло, которое до этого рядилось в личины Добра. Пряталось под фрак Ростроповича, пело голосом Окуджавы, умничало в кабинете Гайдара, обличало в трудах Волкогонова. Это Зло, его страшная кровавая харя, его мохнатые липкие лапы видны по сей день, как бы ни извивался Явлинский, ни похохатывал Черномырдин. Зло засвидетельствовано на виду, и его ожидает возмездие. Под светом прожекторов, как ослепшая летучая мышь, корчится Ельцин. Весь мир с отвращением и ужасом указывает на нетопыря» [8, с. 170].

Звучит остро, но через четверть века многие персонажи забыты напрочь и странно выглядят завершение статьи в условиях подъема народного духа в 2023 г.: «Но Победа еще далеко. Хрипит в Барвихе Ельцин, управляет „силовиками“, нацеливает их на народ. Лысоватый

чернявый Бирон, вхожий в опочивальню к царевне, крутит „семьей“, как рулеткой, пугает судьбой Чаушеску. Держит на цепи в сибирском углу овчарку, прикормленную на человечине, вот-вот ее спустит. „Еврейский фашизм“ страшает мир „русским фашизмом“, готовит отряды „Бейтар“.

Еще много русских людей, стариков и младенцев умрут от тоски, зачахнут у пустых материнских сосцов, найдут смерть в катастрофах. Но мы сдерем, сцарапаем, соскоблим с себя мерзкую, впившуюся в нас сороконожку. Омоемся чистой ключевой водой. Оботремся белым рушником. И прежде, чем взяться за плуг, сесть за штурвал, положить первый камень в фундамент, мы придем на поминальное место, где пять лет назад на баррикадах сражались наши товарищи. Помолимся об убиенных. Выпьем, не чокаясь, чарку. Поклонимся в ноги вдовам и сиротам. Обнимемся с генералом Макашовым, И пойдем в наш Русский Путь, крестный, сияющий» [8, с. 170]. Острота языка публицистики не отменяет точность исторических оценок, а напротив, их уточняет.

Список использованной литературы

1. Коэн С. Бухарин: политическая биография, 1888–1938. – М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1989. – 570 с.
2. Александр Зиновьев: Наше государство – «Рогатый заяц». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zinoviev.info/wps/archives/52>
3. Александр Зиновьев: Телега с турбодвигателем на гусеничном ходу. С философом Александром Зиновьевым беседует публицист Николай Губинский (август 2002 года) // «Московская правда», 2002, № 174. с. 3.
4. Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк). М. – Пг., 1923, сн.1. – 248 с.
5. Бакланов А. Путин повторно пошутил о бабушке с половыми признаками дедушки. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/82495/>
6. Оценка Специальной Военной операции с марксистских позиций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://teletype.in/@prorivists/RSz4JZxXk9W>
7. Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 173 с. (История сталинизма).
8. Проханов А. А., Животов Г. В., Нефедов Е. А. Слово, пронесенное сквозь ад. М.: ИТРК, 1999. – 272 с.

1.4. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА: НЕПОДВИЖНОСТЬ КОЛЛЕКТИВИЗМА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективизм крестьянской общины на определенном уровне развития общественного производства в эпоху индустриализации превращается в консервативную, а затем и в реакционную силу. Во второй модели социализма – «народной демократии» максимально использовались капиталисты, кулаки и помещики в деле строительства социализма. Не восстановление институтов родовых и семейных общин, а создание национальной продуктивной экономики – такова главная точка опоры развивающихся стран. Цивилизации, основанные на частной собственности, за пять тысяч лет своего существования не смогли до конца истребить коллективные социальные чувства, рожденные вместе с появлением человека как социального существа и эти человеческие качества возрождаются в новой формации объединенного человечества.

Тысячи лет относительная неподвижность крестьянского коллективизма была необходимым условием существования общественного производства и социального прогресса. Однако положительное историческое значение традиционного ручного труда и патриархального уклада жизни относится к эпохе становления и развития деревенской общины. Устойчивость внутри общин и сохранение равновесия между ними создавало возможность для повышения производительности труда, развития личности, формирования социальных чувств. Но коллективизм крестьянской общины на определенном уровне развития общественного производства в эпоху индустриализации превращается в консервативную, а затем и в реакционную силу. Он начинает препятствовать развитию производительных сил общества и тормозит формирование личности производителя.

В XX веке община начинает вызывать интерес как прямой путь к социализму в отсталых странах, где пролетариат не составлял большинство населения. Однако уже в XIX веке обнаружилось, что возможно, у российского крестьянства и российской интеллигенции есть своя естественно-историческая линия построения социализма. Народники полагали, что путь от общины ведет прямо в социализм. Крестьянский социализм постулировался ими как некая результирующая сила всего исторического развития России. Естественно

перерастание общины в социализм как разночинное конструирование будущего не требовало уничтожения крестьянства как класса. Напомним, что Россия в позапрошлом веке прошла три этапа освободительного движения. В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» выделял дворянский, разночинный и пролетарский этапы. Народники относятся ко второму этапу, и их конструирование будущего носило изначально утопический и надклассовый характер.

После того как крестьянство прошло через полосу классового расчленения – разделения на сельский пролетариат бедняков, середняков и кулаков – и из сословия превратилось тем самым в класс мелкой буржуазии, и стало возможным реализовать союз победившего в революции городского рабочего класса и колхозно-кооперативного крестьянства. Но это была первая модель победившего социализма в СССР. А во второй модели социализма – «народной демократии» после Второй мировой войны китайские коммунисты стали максимально использовать даже капиталистов, кулаков и помещиков в деле строительства социализма. История Мировой системы социализма показала, что, строя высшее, надо не уничтожать низшее, а максимально его использовать в деле строительства высшего и ставя низшее под контроль высшего – под контроль государственной и общенародной собственности. Китайские коммунисты не отказались от НЭПа, а И. В. Сталин отказался. Не это ли он имел в виду в последние годы жизни, говоря, что мы наделали много ошибок и «без теории нам смерть»?

В 1873 г. К. Маркс отложил работу над вторым и третьим томами «Капитала» и к ним не возвращался. Если прежде К. Маркс интересовался наиболее развитыми странами и уповал на степень зрелости в них пролетарского движения и особо его интересовала Германия, стоявшая на пороге буржуазной революции, но в последнее десятилетие жизни К. Маркс обратил взор на Россию. В 1848 г. в «Манифесте коммунистической партии» говорится, что коммунисты обращают главное свое внимание на Германию: «На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия» [1, с. 459].

В Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста» К. Маркс пишет: «До какой степени ограниченную область распространения имело тогда (декабрь 1847 г.) движение пролетариата, лучше всего показывает последняя глава „Манифеста“: „Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям“ в различных странах. В ней недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции, когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка» [2, с. 304].

Но со второй половины XIX в. именно в России возникло движение народнического социализма, которое в русской общине видело готовую ячейку коммунизма, развитие которой обеспечило бы некапиталистический путь развития и избавило крестьянство от мук пролетаризации и пауперизации. В феврале 1881 г. деятельница народнического движения России В. И. Засулич от имени своих товарищей обратилась к «гражданину К. Марксу» с просьбой высказать точку зрения о перспективах исторического развития России, и особенно о судьбах русской сельской общины. К. Маркс составил четыре наброска ответа на письмо В. И. Засулич. Однако в конце концов он ограничился коротким и амбивалентным ответом, что говорит о его колебаниях. Эти наброски были опубликованы лишь в 1924 г. и В. И. Ленин о них не знал. Можно предположить, что, если бы они были опубликованы раньше, не было бы раскола революционного движения на народников и марксистов, и русские марксисты были бы избавлены от заблуждений и поисков оригинальных путей к социализму в аграрной России. Полные тексты набросков размещены в 19 томе сочинений классиков марксизма [2, с. 400–421]. Ленинцы сумели обнаружить и развить советы рабочих и крестьянских депутатов как зародыш новой народной власти.

Однако община исчерпала свои социальные ресурсы к моменту созревания революционной ситуации в России. Ее рациональное позитивное зерно трансформировалось в колхозный строй, в артели, в кооперативы, коммуны, совхозы. На деле традиционная и уже исторически устаревшая община, путем передела и распределения

полос по жребию, могла всегда лишиться хозяина всех результатов его труда. Это был дамоклов меч, висящий над каждым из общинников, который вынуждал его придерживаться минимального, а не максимального уровня культуры в общине, чтобы потерять при передаче как можно меньше. Прямым следствием этой незаинтересованности человека в развитии производства стало истощение земли, застой в совершенствовании орудий земледелия и отсталость этих орудий.

В царской России, где до первой русской революции почти половина земли находилась в общинном пользовании, сельскохозяйственное производство было наиболее отсталым и рутинным. Именно поэтому в царской России в позднейший период общинного землевладения помощь голодающим крестьянам стала обычной функцией государства. Таким образом, важнейшей причиной разложения деревенской общины является ее экономическая несостоятельность и несамостоятельность. А в общественной психологии крестьян-общинников, в их социальных отношениях эти противоречия позднего общинного землепользования отражаются двояко. С одной стороны, они воспринимали их как аномалию общинной жизни и верили в ее нормализацию. Ждали нормализации. Крестьяне стремились к подворному землевладению, чтобы улучшить и оздоровить условия труда и жизни в общине. С другой стороны, разлагающаяся деревенская община порождала в психологии общинников антисоциальные чувства и мысли – индивидуализм, эгоизм как признаки разложения феодализма и рождения капиталистического способа производства.

Дуализм сельской общины естественным образом порождал амбивалентность социальных чувств общинников. И это то, что затем называлось мелкобуржуазной психологией и то, что вызывало неприятие левых радикалов-троцкистов. Поскольку эти чувства были направлены на защиту общины от разрушения и поглощения ее государством, менялами и ростовщиками, они, эти чувства развивали человечность, доброжелательность, искренность, свободолюбие и другие высшие свойства души, которые всегда считались чертами светлого будущего и райского состояния человечества. Эти качества были провозглашены и выращены в обществе победившего социализма, где в каждом парке культуры и отдыха можно было увидеть плакаты «Человек человеку друг, товарищ и брат».

Но по мере того, как эти человеческие чувства в крестьянской общине ограничивали личную инициативу и предприимчивость и замедляли прогрессивное развитие производительных сил, они порождали кастовый дух, нетерпимость, слепую ненависть к прогрессивным силам и новым веяниям. Этой реакционной стороной социальных чувств общинников пользовались в своих эгоистических интересах господствующие классы.

Без социалистической революции остающиеся сельские общины, будучи не связанными внутренне, экономически со стоящим над ними эксплуататорским государством, выступают удобной формой организации эксплуатации масс. Господствующий класс и его государство для видимости подчиняются требованиям общинных порядков, но только для того, чтобы использовать эти порядки против интересов общинников, в качестве орудия собственного процветания. Такова была бы судьба отсталых аграрных стран Восточной Европы. Если бы не произошли народные революции и Советский Союз не превратил их благодаря своей помощи и международного разделения труда в СЭВ и при обороне вооруженных сил Варшавского договора в развитые индустриальные державы.

Однако эта государственная организация эксплуатации масс общинников-крестьян во второй половине XX века прямо относится к странам Юго-Восточной Азии, Африки, Индии. Дж. Неру писал в своем труде «Открытие Индии»: «В Индии основой политического строя была самоуправляющаяся деревня, которая сохранялась без существенных изменений, в то время как правители приходили и уходили. Новые переселения извне и захватчики затрагивали лишь поверхность этого строя, но не его корпи. Власть государства при всем ее внешнем деспотизме обуздывалась тысячами обычаев и законодательных ограничений, и ни один правитель не мог свободно нарушить права и привилегии сельской общины» [3, с. 148–149]. Сущность этого процесса состояла в том, что ни один разумный правитель не стремился нарушить «права» и «привилегии» сельских общин и не нуждался в этом, ибо важнейшими из этих «привилегий» являлись покорность, зависимость, непротивление злу, прозябание в условиях закостеневших социальных порядков. В условиях колонизации Индии и господства Ост-Индской компании правители также эволюционировали – сначала они были союзниками колонизаторов,

затем их наместниками со своей внутренней политикой, наконец, марионетками, не имеющими какого-либо веса и влияния в обществе.

В антагонистических общественно-экономических формациях господствующему классу и его государству удобнее облагать налогом и эксплуатировать общину, чем отдельного производителя. Это относится не только к общинам коренного народа, но и к общинам зависимого народа – ирландцы в Британии. Восстановление общины в России после отмены крепостного права имело своей главной целью не оживление народной жизни, а усиление цепей эксплуатации, не развитие высших социальных чувств, а сохранение отживших чувств и суеверий крестьян. Действительное освобождение в этих условиях приходит не со стороны господствующего класса и его государства, а вследствие внутреннего развития производительных сил.

Догматические приверженцы общины не видят ее исторического, преходящего характера. Гимны «природному человеку», не испорченному цивилизацией, наукой и искусством, своей гносеологической основой имеют иллюзии «общинного социализма», которые под пером некоторых бойких публицистов превращаются в проекты «крепостного социализма» [4, с. 431].

Критикуя эти реакционные утопии русских народников, В. И. Ленин фактически дает ответ на вопрос, который был ранее задан К. Марксу. Он пишет: «Община давала (если давала; впрочем, мы готовы сделать какие угодно уступки автору) организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал *только членов одной общины*. Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве. „Индивидуализм“ состоит в разрушении общественных связей, но их разрушает рынок, ставя на их место связи между *массами индивидов*, не связанных ни общиной, ни сословием, ни профессией, ни узким районом промысла и т. п. Так как связь, создаваемая капитализмом, проявляется в форме противоречий и антагонизма, *поэтому* наш романтик не хочет видеть этой связи (хотя и община, как организация производства, никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства). Утопическая точка зрения превращает и его критику капитализма в критику *сентиментальную*» [4, с. 214].

В. И. Ленин был прав: в XX в. родовые, домашние и сельские общины или их остатки, как правило, превратились в реакционные социальные институты, которые не освобождают уже больше человека, а закабаляют его отжившими традициями и чувствами. Высшие социальные чувства, рожденные в период возникновения и подъема общин, превращаются в собственную противоположность (в частности, чувство родства – в чувство семейственности и трайбализма). В некоторых странах Тропической Африки общинно-трайбалистская психология (родовые барьеры, межродовая вражда, власть старейшин) является существенным тормозом на пути экономического и социального прогресса. Чувство родового коллективизма в период разложения общин превращается в круговую поруку, чувство человеческого достоинства – в угодничество перед властью имущими, чувство уверенности в силах коллектива – в чувство бессилия перед роком, чувство свободы и равенства – в чувство зависимости от внешних социальных сил.

Поэтому, говоря о путях уничтожения той «фискально-крепостнической обузы, каковой является, на три четверти, современная поземельная община», В. И. Ленин подчеркивал: «Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется „современным“ (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распавшись на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, – постольку „крестьянство“ продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это „поскольку – постольку“ существует в действительности в виде крайне сложного сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у нас самым причудливым образом» [5, с. 312].

В докладе редакции газеты «Искра» в 1902 г. «Аграрная политика русской социал-демократии» В. И. Ленин писал: «Никому и никогда не будем мы помогать „разрушать общину“, но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться, безусловно, безусловно, какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли и т. п.: в этом наше коренное отличие от явных и тайных, последовательных и непоследовательных, робких

и смелых народников, которые, с одной стороны, являются, „конечно“, демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно демократическим требованиям, как полная свобода передвижения, полное уничтожение сословности крестьянской общины, а следовательно, и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей» [5, с. 344–345].

Опираясь на силу реакционных социальных чувств оживающей общины, царское правительство не только поддерживало возрождение сельских общин в пореформенное время, но и искусственно закрепляло группировку на «роды», насаждало среди «иностранцев» – народов Сибири и Дальнего Востока «родовое управление», которое подчинялось «иностранческим управам» и губернатору. Отжившие социальные чувства и традиции родовой общины широко использовались империалистической буржуазией для сохранения своего господства в странах Тропической Африки. Опираясь на родовую аристократию и племенных вождей, империалистическая и компрадорская буржуазия выступала за сохранение реакционных общинных чувств и институтов в качестве орудия борьбы против прогрессивного развития стран «третьего мира».

Не восстановление институтов родовых и семейных общин, а создание национальной продуктивной экономики – такова главная точка опоры развивающихся стран. Не «родовая автономия», а национальная социал-патриотическая партия нового типа – вот рычаг прогрессивных социально-экономических и политических преобразований в странах «третьего мира». Изначально главной целью производства в родовой общине было производство и социальное развитие человека. Эта цель в качестве идеального момента сохранилась в сознании и поведении людей эпохи перехода к классовому обществу, в домашних и сельских общинах. Она активно воздействовала на развитие социальных чувств масс и тогда, когда материальная основа ее существования исчезала или находилась в процессе разрушения и упадка.

Производство и развитие человека было доминирующей целью материальной деятельности общества в период подъема и расцвета первобытнообщинного способа производства. В этих условиях сформировались чувства уравнительности, социального родства

и родового коллективизма, однако при переходе от предыстории к подлинной истории предполагает трансформацию традиционной общины и переход к бесклассовому обществу, в котором в новом коллективизме при преодолении частной собственности растворяются остатки традиционной общины. Цивилизации, основанные на частной собственности, за пять тысяч лет своего существования не смогли до конца истребить коллективные социальные чувства, рожденные вместе с появлением человека как социального существа и эти человеческие качества возрождаются в новой формации объединенного человечества.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: ГИПЛ, 1955. т. 4. – 616 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: ГИПЛ, 1961. т. 19. – 670 с.
3. Неру Дж. Открытие Индии. М.: Изд. иностр. лит., 1955. – 649 с.
4. Ленин В. И. ПСС, М.: ИПЛ, 1967. т. 2. – 677 с.
5. Ленин В. И. ПСС, М.: ИПЛ, 1967. т. 6. – 677 с.

1.5. ОБЩИННЫЕ УКЛАДЫ В ИСТОРИИ: КАК И ПОЧЕМУ ЭТОТ ИНСТИТУТ ОБРЕЧЕН НА ГИБЕЛЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

Главными причинами разложения родовых и домашних общин являются развитие производительных сил, рост частной собственности и развитие личности производителя. Рост собственности внутри большой домашней общины потребовал нового типа трудового коллектива — таким коллективом стала деревенская, или соседская, община, которая открывала простор для роста благосостояния труженика. В условиях роста частнособственнических отношений в русской деревне деятельность сторонников общинного социализма потерпела крах. Накопление богатств, рост имущественного неравенства сделали невозможным устойчивое существование деревенской общины, частная собственность из орудия прогресса превратилась в источник разложения деревенской общины.

Иерархия власти и культ верховных правителей пронизывают всю предысторию разъединенного человечества — вплоть до начала подлинной истории коммунистического объединенного человечества. Культom царей были пронизаны религиозные чувства масс в эпоху рабства, феодализма и капитализма. Разложение домашней общины во многих отношениях изменило религиозные чувства масс, но культ царя, государя, императора, правителя еще долго сохраняется в психологии крестьянства, буржуазии и широких масс. Эту особенность массовой психологии в своих интересах использовали не только древние колдуны, но и идеологи господствующих классов всех времен и народов, эксплуатируя глубинные пласты общественной психологии — социальные чувства и мифы, рожденные еще в домашней общине патриархального общества.

Главными причинами разложения родовых и домашних общин являются: развитие производительных сил, рост частной собственности и развитие личности производителя. Выросшие в недрах родовой и домашней общины, эти элементы общества не могли развиваться дальше в узких рамках первобытного коллектива. Прежде причины разрушения общины видели в нераздельности средств производства, что заставляет способных и трудолюбивых работать на ленивых и неспособных. Крестьяне стремились сбросить с себя узы общинного быта для того, чтобы иметь собственный очаг и быть собственными господами.

В период разложения родовых общин зарождается, а в эпоху крушения семейных общин вполне уже складывается противоречие между тружениками и тунеядцами, которое А. Сен-Симон называл основным противоречием всех цивилизаций. Потенциальные возможности родовой и семейной общины были исчерпаны. Дальнейшее развитие производства и совершенствование человека требуют других, более совершенных форм объединения людей, иных свобод, чем свобода человека в родовом или семейном коллективе. Против растущего эгоизма и индивидуализма в семейной общине выступает соседская община, где вместо прежней организации появляется новое равенство наделов. Чтобы развиваться дальше, людям необходимо было окончательно разрушить стесняющую их скорлупу родоплеменных связей. Путь к этому лежал через развитие форм собственности и более совершенное разделение труда между производителями. Семейная община была вызвана к жизни появлением производительной, продуктивной экономики в противовес присваивающей экономике родовой общины. Но рост собственности внутри большой домашней общины потребовал новых, более совершенных форм ее распределения, нового типа трудового коллектива. Таким коллективом стала деревенская, или соседская, община, которая открывала новые просторы для роста благосостояния труженика, для развития личности и высших социальных чувств.

Соседская территориальная община возникла как естественное продолжение, развитие и отрицание родовой и семейной общины. Крепкие, но узкие связи кровного родства в первобытной общине со временем превратились в тяжелые путы, которые препятствовали развитию производительности труда, совершенствованию личности и становлению высших социальных чувств, необходимых для развития человека и общества. Перед человечеством было два пути: либо разложиться в застое, задохнуться в тесной скорлупе первобытного коллектива, рассеяться и погибнуть от неумолимых, живых и вечно растущих сил природы, либо выработать новые формы общественных отношений, которые открыли бы возможность для развития производительности труда, совершенствования личности человека, роста его инициативы, сил и могущества. Многие роды и племена рассыпались и погибли для истории, но человечество выработало новый общественный строй – деревенскую общину, которая объединяла основную массу трудящихся в течение трех последующих тысячелетий истории человечества.

Деревенская, или соседская, община имела ряд существенных преимуществ перед родовыми и семейными общинами. В отличие от них она покоилась не на родоплеменных, а на территориальных связях и была первым чисто социальным объединением людей, не связанных кровными узами. Главным связующим звеном здесь становится общественная собственность на землю. Вместе с этим в деревенской общине появляется частная собственность на дом, двор, орудия труда, которые раньше находились в коллективном владении и лежали в основе социальной общности прежних родовых и семенных общин. Здесь, таким образом, отрицается прежняя форма социальных связей и ее основа.

В отличие от первобытных коллективов, где производство велось сообща и распределялись лишь продукты, в деревенской общине неотчуждаемая общественная собственность – земля периодически переделяется и обрабатывается силами отдельной семьи, а урожай присваивается лично производителями. Эти особенности деревенской общины сделали ее более живучей, способной приспосабливаться и расширяться. Разрывая сильную, но узкую связь, основанную на кровнородственных отношениях, соседская община оказалась более способной противостоять внешнему миру. В пору своего подъема и расцвета она воспитывала в человеке чувство коллективизма, чувство личного достоинства, чувство независимости от произвола власть имущих.

О том, насколько велика была социальная сила деревенских общин, говорит тот факт, что даже в ту пору, когда они попали в зависимость от феодалов, наблюдались случаи сохранения ими юридической власти. Даже феодал, если он пользовался общинными выгонами и лугами, вынужден был подчиняться решениям мирского схода. В ранних редакциях «Русской Правды» наряду с княжеским судом допускается функционирование общинных судов и устанавливается равное наказание за убийство. Только через 100–200 лет, как об этом рассказывают более поздние списки «Русской Правды», отменяются общинные суды и все яснее выступают классовые, феодальные принципы подхода к наказанию. Так, уже в Правде Ярославичей за убийство огнищанина платится двойная вира 80 гривен, а за убийство смерда – 5 гривен. Принципы обычного права деревенских общин выражали чувство крестьянского коллективизма и были проникнуты заботой о человеке, духом взаимопомощи и чувством доброжелательности.

Деревенская община выработала новые представления о правосудии и новое чувство справедливости. Кровная месть в обычном праве была заменена обязанностью возместить нанесенный ущерб потерпевшему или его общине. Хозяйственный и культурный прогресс деревенской общины был так велик, что государство часто просто овладевало в интересах господствующего меньшинства многими приобретениями крестьянского коллективизма. Там, где деревенские общины развивались в сравнительно мирных условиях, в стороне от феодальных междоусобиц, им удавалось в течение многих веков удерживать в своих руках общественную власть или делить ее с князьями и другими представителями развивающейся государственности.

Деревенская община и чувство крестьянского коллективизма, открывая новые возможности для развития личного почина и инициативы, кооперируя известную часть физических и нравственных сил трудящихся, создали условия для нового наступления на природу. Европа и значительная часть Азии покрылись деревнями: среди пустынных равнин и лесов выросли города, были проложены дороги.

Чувство коллективности деревенской общины было также основной силой крестьян-тружеников, которую они могли противопоставить поработителям и угнетателям. Ф. Энгельс писал: «Когда феодал – духовный или светский, приобретал крестьянское владение, он вместе с тем приобретал и связанные с этим владением права в марке. Таким образом, новые землевладельцы становились членами марки и первоначально пользовались в пределах марки только равными правами наряду с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже если это были их собственные крепостные. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а нередко им удавалось даже подчинить ее своей господской власти» [1, с. 338]. Острые классовые борьбы крестьянской общины было направлено против двух врагов – захватчика-феодала и кулака-миродея. Первый из них был внешним врагом, ставленником королевской или царской власти. Землевладельческая знать, опираясь на силу государственной организации и своего оружия, всюду притесняла крестьянские общины. Разлагающее влияние государства явилось одной из причин разрушения чувства коллективности и гибели деревенских общин.

Не менее острой была борьба крестьянских общин с кулаками, которые стремились захватить наделы обедневших общинников, вдов и сирот. Для того чтобы устоять в борьбе, общинники применяли различные меры безопасности, вплоть до известного ограничения свободы экономической деятельности. Так, например, в бывшей Олонецкой губернии, где почти не существовало крепостного права, русские крестьяне в борьбе с сельскими богачами в начале XIX в. создали общинные магазины для засыпки семян. Заставляя своих односельчан насильно засыпать нужное количество семян, община обеспечивала каждому своему члену посев в следующем году. Но это ограничение экономической свободы гарантировало известную свободу личности в условиях эксплуататорского строя. Без семян для крестьянина исчезает свобода труда, а вместе с этим и «свобода личности обратиться в фикцию».

Единственной силой, на которую могло опереться бедное крестьянство и которую могло противопоставить силе богатства кулаков и ростовщиков, была коллективность. Известная сплоченность деревенских общин является главной причиной их живучести и силы. Коллективные отношения деревенских общин рождали в среде крестьян высшие социальные чувства: чувство коллективизма, взаимопомощи, человечность, интерес к духовному развитию личности, презрение к корысти, лихоимству, зависти, жадности и эгоизму. В условиях роста частнособственнических отношений в пореформенной русской деревне деятельность сторонников «общинного социализма» потерпела крах. Но само существование утопических планов преобразования крестьянской жизни в соответствии с идеалами общинного строя свидетельствует о стойкости возвышенных социальных чувств крестьянства, воспитанных сельской общиной.

Дуализм сельской общины явился одной из причин дальнейшего развития производительных сил в феодальной деревне. Общественная собственность на землю создавала известную устойчивость социальных объединений, а индивидуальное присвоение продуктов деятельности повышало заинтересованность работника в результатах труда, способствовало развитию общественного производства и личности труженика. Но этот же дуализм деревенской общины со временем стал одним из главных источников ее разложения и гибели.

Накопление богатств, рост имущественного неравенства делают невозможным дальнейшее устойчивое существование деревенской

общины. Частная собственность из орудия прогресса превращается в источник разложения деревенской общины.

Ф. Энгельс писал из Лондона в Петербург Н. Ф. Даниельсону: «Несомненно, что переход от первобытного, аграрного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасной ломки общества, без исчезновения целых классов и превращения их в другие классы; а какие огромные страдания, какую растрату человеческих жизней и производительных сил это неизбежно влечет за собой, мы видели уже, хотя и в меньшем масштабе, в Западной Европе» [2, с. 129].

Далее в письме он разъяснил свою позицию по вопросу об общине и ее роли в истории и тем самым уточнил взгляды своего великого друга К. Маркса. Ф. Энгельс дал возможность таким образом занять взвешенную научную позицию В. И. Ленину в аграрной программе русской социал-демократии. Ф. Энгельс писал далее: «Что касается общины, то она возможна лишь до тех пор, пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия становятся значительными, как только некоторые ее члены становятся должниками-рабами других, более богатых членов, – так ее дальнейшее существование невозможно. Афинские кулаки* и мироеды* до Солона разрушили афинский род с той же неумолимостью, с какой кулаки и мироеды вашей страны разрушают общину. Боюсь, что этот институт осужден на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды» [2, с. 130]. Говоря о капитализме. Он пишет о его возможности для России: «Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе. Великая нация, подобная вашей, переживет любой кризис. Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким-либо историческим прогрессом. Лишь *modus operandi*** изменяется. Да свершится предначертанное!» [2, с. 130].

Редактор отмечает, что в письме «слова „кулаки“ и „мироеды“ написаны Энгельсом по-русски». Ф. Энгельс аргументирует историческую обреченность общины следующим образом: «в России развитие из первобытного аграрного коммунизма более высокой социальной формы могло бы стать возможным не больше, чем во всяком другом месте, если бы только эта более высокая форма не существовала уже в какой-либо другой стране и не служила бы в качестве образца. Эта более высокая форма – всюду, где она исторически возможна, – является

необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого ею социального дуалистического антагонизма, она не может развиваться непосредственно из земельной общины иначе, как в виде подражания примеру, уже где-либо существующему. Будь Западная Европа в 1860–1870 гг. созрелой для такой трансформации, будь эта трансформация проделана тогда Англией, Францией и т. д., – в этом случае русские действительно были бы призваны показать, что могло быть сделано из их общины, в то время еще более или менее нетронутой. Но Запад пребывал в застое, не пытался произвести такую трансформацию, а капитализм развивался все быстрее и быстрее. Итак, у России не было иного выбора, кроме следующего: либо развить общину в такую форму производства, от которой ее отделял еще ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия еще не созрели тогда даже на Западе – задача, очевидно, невозможная, – либо развиваться в направлении капитализма. Спрашивается, что оставалось еще, кроме этого последнего шанса?» [2, с. 129–130].

Письмо, написанное 17 октября 1893 г. выражает взгляды зрелого Ф. Энгельса, подводившего итоги идейной эволюции К. Маркса. Оно написано через десять лет после кончины К. Маркса и после обработки для издания второго и третьего томов «Капитала».

В этом письме Ф. Энгельс сравнивает США и Россию для понимания роли общины в истории. Он пишет, что П. фон Струве: «совершенно забывает, что Соединенные Штаты современны, буржуазны уже с самого их зарождения; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество. Между тем в России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция). В Америке денежное хозяйство вполне установилось более ста лет тому назад, тогда как в России натуральное хозяйство было общим правилом, почти без всякого исключения. Поэтому ясно, что в России эта перемена должна носить гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке» [2, с. 128].

Ф. Энгельс заглянул за горизонт лет после кончины своего великого друга К. Маркса, которого он пережил на 12 лет. Фактически, он застал старт империализма как высшей стадии капитализма и подготовку социалистических революций в «слабых звеньях» цепи капиталистических стран средне-слабого уровня развития. Фактически, Ф. Энгельс ответил на вопросы В. И. Засулич К. Марксу о судьбе крестьянской общины. На эти вопросы, не зная ответа К. Маркса, дал ответ гениальный практик социалистической революции В. И. Ленин.

Историки пытались найти ответ в работах Н. Г. Чернышевского и Д. Б. Рязанов в работе «Маркс и Чернышевский» писал: «Мне не удалось найти ни писем Маркса к Чернышевскому, ни писем Чернышевского к Марксу. Мне не удалось найти никаких рукописей Чернышевского, в которых он говорил бы о Марксе. Тов. Алексеев, несмотря на положительное обещание выкопать что-нибудь в этом роде, тоже оставил нас без всяких новых данных. Один из товарищей спрашивает меня в записке: „Маркс, несомненно, читал Чернышевского. Как же это Чернышевский не читал Маркса?“ Маркс чрезвычайно высоко ценил Чернышевского, которого он в предисловии ко второму изданию „Капитала“ называет „великим русским ученым и критиком, мастерски осветившим банкротство ‚буржуазной‘ экономики“. Маркс хотел „напечатать что-нибудь о жизни и деятельности Чернышевского, чтобы вызвать сочувствие к нему в Западной Европе“. Он перевел на немецкий язык „Письма без адреса“ Чернышевского. Маркс внимательнейшим образом читал не только „Примечания к Миллю“, но и другие сочинения Чернышевского. Это видно из его многочисленных пометок. Другое дело – Чернышевский. Мы не имеем никаких достоверных свидетельств. Существуют только легенды. В сочинениях и письмах Чернышевского мы не находим ни одной ссылки, которая бы позволила нам утверждать, что он читал какие-либо произведения Маркса и даже Энгельса» [3, с. 456].

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: ГИПЛ, 1961. т. 19. – 670 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: ИПЛ, 1966. т. 39. – 713 с.
3. Рязанов Д. В. Читываясь в Маркса... Избранные работы по марксоведению. М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 487 с.

Глава 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА

2.1. Эволюция понимания фашизма И. В. Сталиным

В 1924 г. И. В. Сталин в статье «К международному положению» обратил внимание на опасность фашизма как результата кризиса капитализма. На съездах партии он отмечал возможность возникновения мировой войны из агрессивных намерений пришедших к власти фашистов. Далее не раз перед Великой Отечественной войной и в ходе войны он показывает, что немецкие фашисты являются не националистами, а империалистами, захватывающими чужие страны и высасывающими из них кровь для того, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов. Налицо эволюция позиций правящей партии и ее вождя классового историко-материалистического понимания феномена фашизма как детища общего кризиса капитализма. Становится понятным, что фашисты как враги европейской культуры не просто являются носителями антикультуры варварства и не цивилизованности, как это полагал Н. И. Бухарин и пацифисты. И. В. Сталин доводит в форме приказа по РККА, что фашизм насаждает «рабовладельческую культуру» немецких банкиров и баронов.

Еще в 1924 г. И. В. Сталин опубликовал в журнале «Большевик» статью «К международному положению» с первой главой, посвященной пониманию фашизма [1]. В статье подвергались критике те коммунисты, которые полагали, будто послевоенное укрепление положения буржуазии в Европе откладывает вопрос о революции «в долгий ящик» и делает ненужным фашизм на фоне использования демократических институтов власти. Прошло десять лет и вопрос об активизации фашизма стал архиважным, что выразилось в отчетном докладе ЦК ВКП(б) сделанном И. В. Сталиным на XVII съезде партии [2].

Прошли еще годы и в беседе с А. С. Яковлевым – авиаконструктором, заместителем наркома авиационной промышленности 26 марта 1941 г. И. В. Сталин выслушивает его рассказ очевидца о положении в Германии. Тогда А. С. Яковлев командировался в Италию, Францию, Англию и Германию для знакомства с развитием военно-воздушных

сил. В течение разговора он сообщил следующее: «Евреи в Берлине обязаны носить на левой руке желтую повязку с черной буквой „Y“ („юде“). В такси часто можно видеть таблички: „Евреев не обслуживаю“, а в кинотеатрах у кассы: „Евреям билеты не продаются“. На бульварах скамейки для евреев с надписью „Фюр юден“ (для евреев) выкрашены в желтый цвет и повернуты спиной к бульвару И так по всей Германии. Имеют место еврейские погромы» [3, с. 15].

В ответ на это И. В. Сталин сказал: «Мне докладывали, что гитлеровцы готовят полное физическое истребление еврейского населения как в самой Германии, так и в оккупированных ею странах. С этой целью ими разработан специальный план уничтожения еврейского населения, закодированный под названием „План Ваннзее“. Жаль трудолюбивый и талантливый еврейский народ, насчитывающий шеститысячелетнюю историю. Многие его представители, будучи видными учеными в самых разнообразных областях, внесли существенный вклад в подготовку Советского Союза к обороне. Сегодня реальная надежда на спасение у еврейского народа – это Советский Союз. Единственная страна в мире, где граждане еврейской национальности по-настоящему чувствуют себя, как, впрочем, и все другие народы, населяющие нашу великую страну, равноправными и свободными людьми. Англичане и американцы же, выдающие себя за друзей евреев и в то же время создавшие и взрастившие гитлеровцев, много болтают о необходимости их спасения, но практически ничего для этого не делают, позволяют Гитлеру претворять в жизнь его людоедские планы» [3, с. 16–17].

Затем в ответ на вопрос А. С. Яковлева «А почему гитлеровцы так ненавидят евреев?» И. В. Сталин ответил: «Дело в капиталистической конкуренции. Рурские магнаты прибирают к рукам капитал евреев-капиталистов в Германии. А для маскировки, под флагом расовой теории, натравливают на всех евреев своих цепных псов в лице гитлеровцев» [3, с. 17]. Далее в ходе беседы он утверждал: «Нет, мы правильно поступаем, что так сурово караем националистов всех мастей и расцветок. Они лучшие помощники наших врагов и злейшие враги собственных народов. Ведь заветная мечта националистов – раздробить Советский Союз на отдельные „национальные“ государства, и тогда он станет легкой добычей врагов. Народы же, населяющие Советский Союз, в своем большинстве будут физически истреблены,

оставшаяся же, часть превратится в бессловесных и жалких рабов завоевателей. Не случайно презренные предатели украинского народа – лидеры украинских националистов, все эти мельники, коновальцы, бандеры уже получили задание от немецкой разведки разжигать среди украинцев, которые те же русские, ненависть к русским и добиваться отделения Украины от Советского Союза. Все та же старая песня древних времен еще с периода существования Римской империи: разделяй и властвуй. Особенно преуспели в деле разжигания национальной розни и натравливании одних народов на другие англичане. Благодаря такой тактике, подкупая жалких и продажных вождей разных народов, капиталистическая островная Англия – первая фабрика мира, ничтожно маленькая по своим размерам, сумела захватить огромные территории, поработить и ограбить многие народы мира, создать „Великую“ Британскую империю, в которой, как хвастливо заявляют англичане, никогда не заходит солнце.

С нами этот номер, пока мы живы, не пройдет. Так что напрасно гитлеровские дурачки именуют Советский Союз „карточным домиком“, который якобы развалится при первом серьезном испытании, рассчитывают на непрочность дружбы народов, населяющих сегодня нашу страну, надеются поссорить их друг с другом. В случае нападения Германии на Советский Союз люди разных национальностей, населяющие нашу страну, будут защищать ее, не жалея жизни, как свою горячо любимую Родину. Однако недооценивать националистов не следует. Если разрешить им безнаказанно действовать, они принесут немало бед. Вот почему их надо держать в железной узде, не давать им подкапываться под единство Советского Союза» [3, с. 17–18].

А затем уже в ходе Великой Отечественной войны эта концепция получила чеканное научное и идеологическое оформление в Приказе народного комиссара обороны СССР от 1 мая 1942 года, № 130. В Приказе сказано: «Кто же они, наши враги, немецкие фашисты? Что это за люди? Чему учит нас на этот счет опыт войны? Говорят, что немецкие фашисты являются националистами, оберегающими целостность и независимость Германии от покушения со стороны других государств. Это, конечно, ложь. Только обманщики могут утверждать, что Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Греция, Советский Союз и другие свободолюбивые страны покушались на целостность и независимость Германии. На самом деле немецкие фашисты являются не националистами, а империа-

листами, захватывающими чужие страны и высасывающими из них кровь для того, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов. Геринг, глава немецких фашистов, сам является, как известно, одним из первых банкиров и плутократов, эксплуатирующим десятки заводов и фабрик. Гитлер, Геббельс, Риббентроп, Гиммлер и другие правители нынешней Германии являются цепными собаками немецких банкиров, ставящими интересы последних превыше всех других интересов. Немецкая армия является в руках этих господ слепым орудием, призванным проливать свою и чужую кровь и калечить себя и других не ради интересов Германии, а ради обогащения немецких банкиров и плутократов. Так говорит опыт войны.

Говорят, что немецкие фашисты являются социалистами, старающимися защищать интересы рабочих и крестьян против плутократов. Это, конечно, ложь. Только обманщики могут утверждать, что немецкие фашисты, установившие рабский труд на заводах и фабриках и восстановившие крепостнические порядки в селах Германии и покоренных стран, являются защитниками рабочих и крестьян. Только обнаглевшие обманщики могут отрицать, что рабско-крепостнические порядки, устанавливаемые немецкими фашистами, выгодны немецким плутократам и банкирам, а не рабочим и крестьянам. На самом деле немецкие фашисты являются реакционерами-крепостниками, а немецкая армия – армией крепостников, проливающей кровь ради обогащения немецких баронов и восстановления власти помещиков. Так говорит опыт войны.

Говорят, что немецкие фашисты являются носителями европейской культуры, ведущими войну за распространение этой культуры в других странах. Это, конечно, ложь. Только профессиональные обманщики могут утверждать, что немецкие фашисты, покрывшие Европу виселицами, грабящие и насилюющие мирное население, поджигающие и взрывающие города и села и разрушающие культурные ценности народов Европы, могут быть носителями европейской культуры. На самом деле немецкие фашисты являются врагами европейской культуры, а немецкая армия – армией средневекового мракобесия, призванной разрушить европейскую культуру ради насаждения рабовладельческой „культуры“ немецких банкиров и баронов. Так говорит опыт войны. Таково лицо нашего врага, вскрытое и выставленное на свет опытом войны» [3, с. 103–104].

Таким образом, налицо эволюция классового историко-материалистического понимания феномена фашизма как уродливого детища общего кризиса капитализма. Становится понятным, что фашисты как враги европейской культуры не просто являются носителями антикультуры варварства и не цивилизованности как это полагал Н. И. Бухарин и иные поверхностные теоретики большевизма [4]. Эта пацифистская линия критики войны продолжилась в коммунистическом движении и была принята на вооружение модными публицистами, например поэтом-диссидентом Е. А. Евтушенко [5]. И. В. Сталин однозначно утверждает и доводит в форме приказа по РККА, что фашизм насаждает рабовладельческую «культуру» немецких банкиров и баронов.

В 2022–2023 гг. в России началась волна установления памятников И. В. Сталину. Устанавливает народ и общественные организации. Власти не препятствуют. Однако введение имени вождя в общественное сознание началось с 2005 г., когда И. В. Сталин стал пониматься как «эффективный менеджер», когда возник призыв сплотиться вокруг руководителя страны и победить. Однако И. В. Сталин в таком понимании не трактуется как коммунист, большевик, а Советский Союз рассматривается как держава, но не социалистическое государство трудящихся, детище классовой борьбы пролетариата. Все это говорит о том, что понимание И. В. Сталина сегодня узко, ненаучно и ограничено потребностями правящего класса. Это значит, что социальные ученые должны перейти к материалистическому пониманию истории и не создавать иллюзорные конструкции для описания реальности.

Список использованной литературы

1. Сталин И. В. Соч., М.: ГИПЛ, 1952, т. 6. – 430 с.
2. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г.: стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934. – VI, – 716 с.
3. Сталин И. В. Соч., М.: Издательство «Писатель», 1997, т. 15. – 244 с.
4. Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисловие С. Бабурина. Введение Ст. Коэна. Под ред. Г. Бордюгова. (Серия «АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 1070 с.
5. Евтушенко Е. А. Война – это антикультура. М.: Советская Россия, 1983. – 120 с.

2.2. ОФИЦИАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА ФАШИЗМА И. В. СТАЛИНЫМ

К середине 1930 гг. Советский Союз не только провозгласил себя центром антифашистской деятельности, но и был им благодаря Коминтерну. После заключения советско-германского пакта о ненападении, многие симпатизировавшие СССР были разочарованы, но только после нападения гитлеровской Германии роль СССР, как главной силы в борьбе против фашизма, снова стала ясна в полной мере. Связана ли была логика антифашизма с логикой формирования сталинизма и не противостоит ли антифашистская логика логике сталинизма? Существовали две позиции антифашизма и два понимания фашизма. Возникли позиции Н. И. Бухарина, понимающего фашизм как глобальную антикультуру, и И. В. Сталина, который имел в виду не только фашизм вообще, но фашизм германского типа. В результате сравнения двух позиций партия выяснила, что дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из кризисного положения, когда подготовка войны шла в четырех центрах, а потому были возможны четыре разных сценария мировой войны. В отличие от бухаринской глобальной стратегии И. В. Сталин предпочёл говорить о тактике и планах буржуазных политиков из капиталистических государств и не раз подчеркивал, что возможность улучшения отношений с Германией существует. Тем самым родина социализма выиграла время и подготовилась к глобальному столкновению с державами Оси, сумела расколоть единый капиталистический блок и создать антифашистскую коалицию с ведущими буржуазными демократиями.

Японский историк Харуки Вада в статье с говорящим за себя названием «Политическая логика советского антифашизма» пишет о возникновении целого ряда колебаний в идейном обосновании антифашистской позиции СССР. Он отмечает, что «к середине 1930-х гг. Советский Союз не только провозгласил себя центром антифашистской деятельности, но и заслужил уважение антифашистов всего мира. Однако в период, последовавший за заключением советско-германского пакта о ненападении, многие симпатизировавшие СССР были сильно разочарованы, и только после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в 1941 г. роль СССР, как главной силы в борьбе против фашизма, снова стала ясна в полной мере» [1, с. 105].

Поскольку далее автор ставит двойной вопрос, связана ли логика антифашизма с логикой формирования сталинизма и не противостоит ли антифашистская логика логике сталинизма, то постара-

емся понять саму логику двух позиций антифашизма и понимания фашизма.

Официальная позиция власти в Советском Союзе выражала интересы правящего класса и консолидированную точку зрения правительственных органов, центральных органов партии и, что особо важно для данного периода – руководителей Коминтерна. А поскольку верховным руководителем всего и генеральным секретарем партии был И. В. Сталин, то на протяжении всего этого времени официальная позиция по всем важным вопросам неотделима от его позиции и едина с ней. Но в этой позиции наблюдались идеологические сдвиги: широко известно, что сразу после заключения пакта о ненападении с нацистской Германией антифашистская борьба была закончена, а сама критика фашизма прекратилась. Политических заключённых ГУЛАГа стали называть «контрреволюционерами», и было запрещено именовать «фашистами» тех, кто попал в места заключения за «связь с агентами фашистов». Как это все оформлялось идеологически, терминологически и риторически?

В речи Н. И. Бухарина на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. на третий день работы съезда в ходе всесторонней самокритики, он перешёл к прославлению успехов социалистического строительства под руководством И. В. Сталина и достижений внешней политики. Во второй части выступления он внезапно стал критиковать фашизм и назвал «фашистскую Германию и императорскую Японию» – «двумя плацдармами контрреволюционного нападения, направленного против нас». Цитируя Гитлера, Розенберга, Араки, Хильшера, Бланка, Шпенглера, он представил их как идеологов, выступающих против Советского Союза и Октябрьской революции, против науки и культуры [2, с. 127–128]. Но с О. Шпенглером он явно ошибся.

Было сказано буквально, что все они проповедуют открытый разбой, открытую скотскую философию, окровавленный кинжал, открытую поножовщину. Н. И. Бухарин также привёл цитаты фашистского поэта Ганса Йоста: «Когда я слышу слово „культура“, я спускаю предохранитель своего браунинга» и «Народ должен требовать жрецов-вождей, которые проливают кровь, кровь, кровь, которые колют и режут!». Таков «звериный лик классового врага», с которым придётся вести войну не на жизнь, а на смерть, – заключает Н. И. Бухарин: «Мы – единственная страна, которая воплощает прогрессивные

силы истории, и наша партия, и лично товарищ Сталин, есть могущественный глашатай не только экономического, но и технического и научного прогресса на нашей планете. Мы пойдём в бой за судьбы человечества» [2, с. 129].

Главной задачей Н. И. Бухарин назвал победу над надвигающимся фашизмом и призвал к сплочению и единству все миролюбивые страны. Несомненно, речь Н. И. Бухарина основывалась на заранее подготовленном и одобренном тексте. Одобрил её и сам И. В. Сталин, но её логика полностью отличается от выступлений И. В. Сталина. В первый день съезда И. В. Сталин выступил с отчётным докладом ЦК партии, в котором заявил: «Дело явным образом идёт к новой войне. Еще больше обострится, ввиду действия тех же факторов, внутреннее положение капиталистических стран. Четыре года промышленного кризиса истощили и довели до отчаяния рабочий класс. Четыре года сельскохозяйственного кризиса разорили вконец неимущие слои крестьянства не только в основных капиталистических странах, но и – особенно – в зависимых и колониальных странах» [2, с. 10]. Для будущей войны капиталистические государства «сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе». Сказано это в таком контексте: «Этим, собственно, и объясняется тот факт, что господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на-нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры. Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, – вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков» [2, с. 11].

Назвав фашизм «модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков», И. В. Сталин подчеркнул, что имеет в виду «не только фашизм вообще, но фашизм германского типа». Говоря о победе германского фашизма, он снова употребил часто использовавшиеся им слова о «слабости рабочего класса» и «результате измен социал-

демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму», призывая рассматривать это и как «признак слабости буржуазии» [2, с. 11].

Иными словами, в речи И. В. Сталина германский фашизм стал считаться символом обострения кризиса господства буржуазии и в целом выводы звучали в речи так: «Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма. В этой связи победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, – как признак того, что она та в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны. Таково положение. Как видите, дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из нынешнего положения» [2, с. 11].

Подготовка войны идет в четырех центрах и потому возможны четыре разных сценария мировой войны. И. В. Сталин говорил: «Не мешает поэтому рассмотреть коротко те планы организации войны, которые вынашиваются теперь в кругах буржуазных политиков. Одни думают, что войну надо организовать против одной из великих держак. Они думают нанести ей уничтожающее поражение и поправить свои дела за ее счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого может получиться? Как известно, во время первой империалистской войны тоже хотели уничтожить одну из великих держав – Германию и поживиться за ее счет. А что из этого вышло? Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор еще не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут расхлебать ту отвратительную кашу, которую сами же заварили. Но зато они получили разгром капитализма в России, победу пролетарской революции в России и – ясное дело – Советский Союз. Где гарантия,

что вторая империалистская война даст им „лучшие“ результаты, чем первая? Не вернее ли будет предположить обратное?» [2, с. 11].

Вторые планировщики войны предполагают нападение на слабое государство, его разграбление и расчленение: «Другие думают, что войну надо организовать против одной из слабых в военном отношении, но обширных в смысле рынка стран, например – против Китая, который, оказывается, нельзя назвать к тому же государством в собственном смысле слова, а представляет лишь „неорганизованную территорию“, нуждающуюся в том, чтобы ее захватили сильные государства. Они хотят, очевидно, окончательно его поделить и поправить свои дела за его счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого может получиться? Известно, что в начале XIX века точно так же смотрели на Италию и Германию, как смотрят теперь на Китай, т. е. считали их „неорганизованными территориями“, а не государствами, и поработщали их. А что из этого получилось? Из этого получились, как известно, война Германии и Италии за независимость и объединение этих стран в самостоятельные государства. Из этого получилось усиление ненависти к поработителям в сердцах народов этих стран, результаты которой до сих пор еще не ликвидированы и, пожалуй, не скоро еще будут ликвидированы. Спрашивается: где гарантия, что то же самое не получится в результате войны империалистов против Китая?» [2, с. 11].

Далее анализ переходит к агрессивным планам немецких фашистов: «Третьи думают, что войну должна организовать „высшая раса“, скажем, германская „раса“, против „низшей расы“, прежде всего – против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как „высшая раса“ призвана оплодотворять „низшую“ и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли, – допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители „высшей расы“ на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их „низшей расой“, „варварами“, призванными быть в вечном подчинении „высшей расе“, „великому Риму“, причем, – между нами будь сказано, – старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней „высшей расы“ (гром аплодисментов).

А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все „варвары“ объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней „высшей расы“ не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?» [2, с. 12].

Этот вариант и реализовался в истории. Однако он слился с четвертым сценарием войны, который также реализовался, но результаты не совпали с тем, что предполагал И. В. Сталин: «Наконец, четвертые думают, что войну надо организовать против СССР. Они думают разбить СССР, поделить его территорию и пожить за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих „милостью божией“ (гром аплодисментов).

Одна такая война против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу – „нашествие 14 государств“. Вы помните, конечно, что эта война сплотила всех трудящихся нашей страны в единый лагерь самоотверженных бойцов, грудью защищавших свою рабоче-крестьянскую родину от внешних врагов. Вы знаете, чем она кончилась. Она кончилась изгнанием интервентов из нашей страны и созданием революционных „Комитетов действия“ в Европе. Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет

к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран» [2, с. 12].

Докладчик сделал такой вывод по анализу сценариев глобальных планировщиков: «Таковы военные планы запутавшихся буржуазных политиков. Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью (аплодисменты)».

Далее в отличие от стратегии И. В. Сталин предпочёл говорить о тактике и планах буржуазных политиков из капиталистических государств. Он подчеркнул, что возможность улучшения отношений с Германией существует: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной... У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, незаинтересованными в нарушении мира, мы идём на это дело без колебаний» [2, с. 13–14].

В сочинениях вождя этот момент воспроизведен так: «Некоторые германские политики говорят..., что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это не верно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был свергнут в пучину новой войны» [2, с. 302].

Итак, существовали две позиции антифашизма и два понимания фашизма. Возникли позиции Н. И. Бухарина, понимающего фашизм как глобальную антикультуру, и И. В. Сталина, который имел в виду не только фашизм вообще, но фашизм германского типа. В результате сравнения двух позиций партия выяснила, что дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из кризисного положения, когда

подготовка войны шла в четырех центрах, а потому были возможны четыре разных сценария мировой войны. В отличие от бухаринской глобальной стратегии И. В. Сталин предпочитал говорить о тактике и планах буржуазных политиков из капиталистических государств и не раз подчеркивал, что возможность улучшения отношений с Германией существует. Тем самым родина социализма выиграла время и подготовилась к глобальному столкновению с державами Оси, сумела расколоть единый капиталистический блок и перевести на свою сторону ведущие буржуазные демократии.

Сегодня, когда в условиях Специальной военной операции авторитет И. В. Сталина вырос в восприятии народа и руководства страны, ставятся памятники, публикуются выступления о вожде как государственнике, забывается, что это всего лишь работа с образом И. В. Сталина. В этом образе выхолащивается его коммунистичность и остается государственность, убирается социалистическая сущность СССР и вводится некий православный сталинизм, когда вождя объявляют скрытым православным, устраняется научность мышления, верность марксистской философии и материалистической диалектике, и пропагандируется переход к мистическому озарению и божественному промыслу русской истории, поскольку-де Россия напрямую управляется высшими силами Вселенной. При таком понимании неясны причины разгрома старой ленинской гвардии, неясны истоки раскола сталинцев и троцкистов-интернационалистов Коминтерна. В первом случае И. В. Сталин остается преступником, что полезно для внешней пропаганды российского руководства. Во втором случае И. В. Сталин становится успешным менеджером и блестящим полководцем, что полезно для внутренней пропаганды и в первую очередь для мировоззренческой подготовки новых поколений молодежи в школьных учебниках.

Список использованной литературы

1. Вада Харуки. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с.
2. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г.: стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934. – VI, – 716 с.

2.3. СОВЕТСКИЙ АНТИФАШИЗМ Н. И. БУХАРИНА И ПОНИМАНИЕ ФАШИЗМА И. В. СТАЛИНЫМ

Речь И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б) показала, что он прекрасно понимал опасность германского фашизма, но не видел принципиальных отличий нацистской Германии от других капиталистических стран. Фашизм понимался им как боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. После начала Великой Отечественной войны партия гитлеровцев рассматривалась уже как партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира. Гитлеровская партия понималась как партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов. А учитывая, что оголтелые империалисты и реакционеры продолжали рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то следовал вывод — это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность. Именно эта позиция была доведена в партийных документах, но и в приказах Верховного главнокомандующего и председателя ГКО.

Речь И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б) показала, что он прекрасно понимал опасность германского фашизма, но не видел принципиальных отличий нацистской Германии от других капиталистических стран. Именно поэтому отметив улучшение отношений СССР с Польшей, Францией и США, он выразил готовность установить связи с нацистской Германией и предложил Японии заключить договор о ненападении. Из доклада И. В. Сталина можно вывести и необходимость Пакта Молотова-Риббентропа, и обсуждение стратегии народного фронта в капиталистических странах.

Однако признанный теоретик партии, «любимец партии» Н. И. Бухарин со своей стороны видел в фашизме прежде всего признак глубокого кризиса всей буржуазной культуры. Можно вспомнить массу определений фашизма, данных идеологом партии: как «кризис ориентации на быстрый технический прогресс», «кризис ориентации на дальнейшую индустриализацию», «кризис ориентации на мировой рынок», «кризис либерального буржуазно-парламентарного государства» и наряду с этим как «кризис идеи развития», «кризис идеологии христианско-либерального „гуманизма“», «кризис идеи формального

равенства», «кризис рационального познания». Н. И. Бухарин пишет: «Важнейшим отягчающим развитие социализма условием является существование враждебного капиталистического окружения и особенно фашизма, ибо фашизм, это бешеная война против социализма и „всего прогрессивного человечества“» [1, с. 72]. Спрашивается с вершин исторического развития, победили бы мы в войне с такой общегуманистической идеологией понимания фашизма? Нет, мы победили только со сталинскими поворотами стратегии – предложениями соглашений о ненападении на пути классового анализа фашизма.

И. В. Сталин задолго до войны и даже в год смерти В. И. Ленина давал классовый анализ фашизма. Он был опубликован статьей «К международному положению» в журнале «Большевик» (№ 11, 20 сентября 1924 г.). В целом статья направлена против тех, кто полагал, что буржуазия упрочила свое положение и уже не нуждается в фашизме. А поскольку власть буржуазии укрепилась, то эру пацифизма следует считать длительной, а революцию в Европе – «отложенной в дальний ящик». Против сторонников полосы буржуазно-демократического пацифизма И. В. Сталин выдвинул свой тезис: «Во-первых, неверно, что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория. Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предположить, что боевая организация буржуазии может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неоформленный политический блок этих двух основных организаций, возникший в обстановке послевоенного кризиса империализма и рассчитанный на борьбу с пролетарской революцией. Буржуазия не может удержаться у власти без наличия такого блока». «К международному положению» [2, с. 282].

На XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин говорил: «Некоторые германские политики говорят... что СССР ориентируется теперь на Францию

и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это не верно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны» [3, с. 302].

В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 г. Верховный главнокомандующий дал важнейшие уточнения в понимании фашизма: «Немецких захватчиков, то есть гитлеровцев, у нас обычно называют фашистами. Гитлеровцы, оказывается, считают это неправильным и упорно продолжают называть себя „национал-социалистами“. Следовательно, немцы хотят уверить нас, что партия гитлеровцев, партия немецких захватчиков, грабящая Европу и организовавшая злодейское нападение на наше социалистическое государство, является партией социалистической. Возможно ли это? Что может быть общего между социализмом и гитлеровскими озверелыми захватчиками, грабящими и угнетающими народы Европы?

Можно ли считать гитлеровцев *националистами*? Нет, нельзя. На самом деле гитлеровцы являются теперь не националистами, а *империалистами*. Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т. п., их можно было с известным основанием считать националистами. Но после того как они захватили чужие территории и поработили европейские нации – чехов, словаков, поляков, норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев, французов, сербов, греков, украинцев, белорусов, прибалтов и т. д. и стали добиваться мирового господства, гитлеровская партия перестала быть националистической, ибо она с этого момента стала партией империалистической, захватнической, угнетательской. *Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира*» [4, с. 77].

Далее ставится вопрос о маскировке гитлеровцев термином социализм, ведь партия их Национал-социалистическая, да еще и рабочая: «Можно ли считать гитлеровцев *социалистами*? Нет, нельзя. На самом деле гитлеровцы являются заклятыми врагами социализма, злейшими реакционерами и черносотенцами, лишившими рабочий класс и народы Европы элементарных демократических свобод. Чтобы прикрыть свою реакционно-черносотенную сущность, гитлеровцы ругают англо-американский внутренний режим плутократическим режимом. Но в Англии и США имеются элементарные демократические свободы, существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент, а в Германии при гитлеровском режиме уничтожены все эти институты. Стоит только сопоставить эти два ряда фактов, чтобы понять реакционную сущность гитлеровского режима и всю фальшь болтовни немецких фашистов об англо-американском плутократическом режиме. По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим. *Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов.*

И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры все еще продолжают рядиться в тогу „националистов“ и „социалистов“, то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом „национализма“ и „социализма“ свою разбойничью империалистическую сущность. Вороны, рядящиеся в павлиньи перья. Но как бы вороны ни рядились в павлиньи перья, они не перестанут быть воронами» [4, с. 77].

В заключение этого определения геополитического и классового (или как сейчас говорят, онтологического и метафизического) врага, состоявшегося накануне парада 7 ноября 1941 г., в подземном помещении станции московского метро, Верховный главнокомандующий и председатель ГКО подвел итог: «И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации – нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского,

Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..

Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат. Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов. Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам!» [4, с. 78]. И после этого нам говорят, что 7 ноября на Красной площади столицы проходит парад в честь некоего парада 7 ноября 1941 г.

Список использованной литературы

1. Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. [Текст]. Предисловие С. Бабурина. Введение Ст. Коэна. Под ред. Г. Бордюгова. (Серия «АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 1070 с.
2. Сталин И. В. Соч., М.: ГИПЛ, 1952, т. 6. – 430 с.
3. Сталин И. В. Соч., М.: ГИПЛ, 1951, т. 13. – 418 с.
4. Сталин И. В. Соч., М.: Издательство «Писатель», 1997, т. 15. – 244 с.

Глава 3. ВАРИАНТЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

3.1. ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ И ВАРИАНТЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Первоначальное восприятие русской и всякой иной общины К. Марксом основывалось на представлении об иерархии высших и низших форм общественного устройства. Наличие крестьянской общины не может стать основанием для социалистического развития и прямой переход от общины к социализму оказался невозможным. Однако поскольку общинная собственность в России шла к своему разложению, социальные ученые поставили вопрос о возможности перевести эту общественную форму в высшую, не проходя через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Жизненная и теоретическая позиция К. Маркса относительно настоящего и будущего России менялась радикально – община перестала для него быть символом отсталости и русского варварства, исчезли пренебрежительные оценки народничества А. И. Герцена и появились похвалы в адрес великого русского ученого Н. Г. Чернышевского.

Первоначальное восприятие русской и всякой иной общины К. Марксом основывалось на представлении об иерархии высших и низших форм общественного устройства. Капитализм был высшей и прогрессивной формой личной независимости и денежной зависимости, а община всех типов была признана низшей первоначальной формой социальной связи личной зависимости, относящейся к первобытному обществу. В результате К. Маркс писал: «В этой общине все абсолютно, до мельчайших деталей, тождественно с древнегерманской общиной. В добавление к этому у русских... во-первых, недемократический, а патриархальный характер управления общиной и, во-вторых, круговая порука при уплате государству налогов и т. д. ...Но вся эта дрянь идет к своему концу» [1, с. 158]. Заметим выражение «вся эта дрянь»!

С этой точки зрения естественно, что наличие крестьянской общины не может стать основанием для социалистического развития и именно таков был первоначальный взгляд К. Маркса на русскую крестьянскую общину. Известно, что он писал в «Предисловии к первому немецкому изданию первого тома „Капитала“»: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: *De te fabula narratur!* [Не твоя ли история это!].

Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. венными отношениями и способом производства и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, и притом без указания источника, то это объясняется, конечно, соображениями пропаганды. Я не говорю, разумеется, о частных положениях и их практическом применении, к которым я совершенно непричастен» [2, с. 6].

Далее знаменитый автор «Капитала» пишет: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего. Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например на фабриках в собственном смысле, наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического

производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Le mort saisit le vif!* [Мертвый хватает живого!]» [2, с. 9]. Похоже, что русская община относилась им по умолчанию к тому, что он назвал выше: «стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения».

На этапе развитого производства и общества он, следовательно, считал, что Россия, как и Германия, следует примеру Англии! Однако К. Маркс изменил свои взгляды под влиянием русской культуры и русской жизни. Впервые желание изучить русский язык возникло у К. Маркса в октябре 1869 г., когда Н. Ф. Даниельсон, попросивший разрешения перевести «Капитал» на русский язык, прислал ему экземпляр недавно опубликованной книги В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», и Маркс пожелал прочитать это солидное издание самостоятельно. Он немедленно приступил к изучению русского языка и освоил его довольно быстро; к февралю 1870 г. он сумел прочитать целых 150 страниц из присланной книги [3].

К. Маркс нашел книгу полностью свободной от «русского оптимизма», что был очевиден у А. И. Герцена. В письме «моим дорогим детям» – Лауре и Полю Лафарг – 5 марта 1870 г. он пишет: «Книга Флеровского „Положение рабочего класса в России“ – выдающийся труд. Я очень рад, что в состоянии теперь довольно бегло читать ее с помощью словаря. Здесь впервые полностью обрисовано экономическое положение России. Это добросовестный труд. В течение 15 лет автор путешествовал от западных границ страны до Восточной Сибири, от Белого моря до Каспийского с единственной целью – изучить факты и разоблачить традиционную ложь. Конечно, он питает некоторые иллюзии относительно „la perfectibilite perfectible“ русской нации и о провиденциальном характере общинной собственности в ее русской форме. Но не в этом главное. После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция – разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития

Московии. Это – добрые вести. Россия и Англия – два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия» [1, с. 549].

Современный японский либеральный историк Харуки Вада пишет: «Однако изучение Марксом российских реалий, зашедшее к тому моменту так далеко, оказалось надолго прервано событиями, связанными с Парижской коммуной и борьбой внутри Интернационала. Только после Гаагского конгресса (сентябрь 1872 г.) Маркс смог вернуться к теоретическим изысканиям и русскому вопросу. Когда у Маркса вновь появилось время заняться теорией, он подготовил второе немецкое издание первого тома „Капитала“ и опубликовал его в начале 1873 г. По сравнению с первым изданием, кроме перестановки местами некоторых разделов и глав, в нем почти не было серьезных изменений. Среди немногочисленных важных поправок были: (1) убран восклицательный знак из абзаца в предисловии, который мы цитировали выше, про промышленно развитую страну, показывающую пример менее развитой; и (2) убрана добавленная сноска 9 в конце тома, где Маркс, как мы видели ранее, насмехается над Герценом и его „русским коммунизмом“. Кроме того, в „Послесловии ко второму изданию“ Маркс отдал дань уважения Чернышевскому, назвав его „великим русским ученым и критиком“» [4, с. 77].

Очевидно, что позиция К. Маркса относительно России изменялась радикально – община для него не стала символом отсталости и русского варварства, о чем свидетельствует исчезновение пренебрежительной ремарки о народничестве А. И. Герцена и появление похвалы в адрес теории экономики Н. Г. Чернышевского. К. Маркс был глубоко заинтересован вопросом о русской крестьянской общине, что очевидно из его письма П. Ф. Даниельсону от 22 марта 1873 г., в котором он просит прислать ему информацию о происхождении крестьянской общины: «Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне кое-какие сведения о взглядах Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и о его полемике на эту тему с Беляевым. Вопрос о пути, которым эта форма собственности образовалась (исторически) в России, является, конечно, второстепенным и не имеет ничего общего с вопросом о значении этого института. Однако немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора

А. Вагнера и др., используют это оружие, предоставленное в их распоряжение Чичериним. В то же время все исторические аналогии говорят против Чичерина. Как могло случиться, что в России этот институт был введен просто как фискальная мера, как сопутствующее явление крепостничества, тогда как во всех других странах этот же самый институт возник естественным путем и представлял собой необходимую фазу развития свободных народов?» [5, с. 240].

В дискуссии с П. Н. Ткачевым Ф. Энгельс делает важный вывод: «Из всего этого ясно, что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности» [6, с. 545–546]. Понятно, что это заявление, совпадающее с выводами Н. Г. Чернышевского (вплоть до использования терминов «высшая форма» и «промежуточная ступень»), и есть совместный вывод К. Маркса и Ф. Энгельса.

Статья заканчивается пророчеством о неизбежности надвигающейся русской революции: «эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса...». И далее: «эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции» [6, с. 548].

Хотя прямо об этом не говорится, для К. Маркса и Ф. Энгельса ясно, что если пролетарской революции суждено стать явью в Европе – где после поражения Парижской коммуны царило мертвецкое затишье – то это произойдет только после того, как вся Европа будет сотрясена русской революцией. Тем не менее, Ф. Энгельс настаивал, что «если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной

Европе» [6, с. 546]. Это, конечно, было преувеличение, призванное подкрепить его утверждение о том, что «г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и „собственники“, стоят „ближе к социализму“, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы».

Харуки Вада в конспирологическом духе пишет о причине таких оценок Ф. Энгельса: «В этом проявилась традиционная для Энгельса позиция: видеть Бакунина за высказываниями Ткачева и, в пику бакунинскому „панславизму“, отстаивать западноевропейскую гегемонию в международном пролетарском движении. Я подозреваю, что и по этому вопросу между Марксом и Энгельсом практически не было разногласий. Россия имела на выбор две возможности, два альтернативных пути развития: пойти путем капиталистического развития или путем, ведущим из крестьянской общины прямо в социализм. Тот же Чернышевский хорошо знал, что Россия уже вступила на первый путь, но все же думал, что она еще может свернуть с него и пойти вторым курсом, опираясь, в качестве предварительного условия, на существование Западной Европы. А Ткачев, правда без ссылки на это предварительное условие, настаивал, что раз в России уже идет капиталистическое развитие, то революция должна начаться как можно раньше, чтобы обеспечить скорейший переход от первого пути ко второму, пока не стало слишком поздно. Маркс и Энгельс, приняв точку зрения Чернышевского, пришли к мысли, что для России было бы возможно, взяв крестьянскую общину, прыгнуть прямо в социализм» [4, с. 85].

То есть они встали на позицию в пику П. Н. Ткачеву, что ситуацию разрешит победоносная пролетарская революция в Западной Европе и материальная помощь, которую эта революция обеспечит. Харуки Вада заключает: «Судя по всему, формулируя этот вывод, Маркс и Энгельс не испытывали недостатка во взаимопонимании» [4, с. 86]. Однако, ситуацию разрешила история и практический пролетарский революционер В. И. Ленин.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1961. т. 32. – 804 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1960. т. 23. – 907 с.

3. Харуки Вада. Карл Маркс и революционная Россия. Харуки Вада в «гефтеровском» проекте «Связь времен», год 1977-й. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/24390>
4. Вада Харуки. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1964. т. 33. – 788 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1961. т. 18. – 807 с.

3.2. ПРЕИМУЩЕСТВА АНГЛО-СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОАЛИЦИИ И РАЗРУШЕНИЕ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

Программы действия итало-германской и англо-советско-американской коалиции диаметрально противоположены. Помимо моральных факторов наличие человеческих и материальных ресурсов показало бесспорное преимущество на стороне англо-советско-американской коалиции. Эта коалиция состояла из разнородных элементов, имеющих неодинаковую идеологию и общественный строй государств. Создавшаяся угроза диктовала членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости. История показала, что логика вещей сильнее всякой иной логики. Была поставлена главная задача уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей. Другой задачей стало уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей. Третья задача состояла в том, чтобы разрушить новый порядок в Европе и покарать его строителей. Провозглашенная Рейхом тотальная война как кратчайшая война была запоздалым ответом на объявленную в первые же дни Великую Отечественную войну советского народа. В Великой Отечественной войне советский народ одержал военную, политическую и экономическую победу над врагами социалистической Родины. Эти формулировки сохранили свою силу после Победы и вновь актуальны для понимания начавшегося столкновения нашей страны с объединенным Западом.

С точки зрения И. В. Сталина, а мы твердо знаем, что все свои доклады он писал сам и делал это ночами, наибольший интерес представляет не просто германский национал-социализм или итальянской фашизм, но вся программа коалиции или «оси Берлин-Рим-Токио». Именно эта программа подвергается препарированию в докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1942 года, то есть через год после начала Великой Отечественной войны: «Теперь уже можно считать неоспоримым, что в ходе войны, навязанной народам гитлеровской Германией, произошла коренная размежевка сил, произошло образование двух противоположных лагерей – лагеря итало-германской коалиции и лагеря англо-советско-американской коалиции.

Неоспоримо также и то, что эти две противоположные коалиции руководствуются двумя разными, противоположными программами действия» [1, с.123].

Вычленяется программа действия итало-германской коалиции: «Программу действия итало-германской коалиции можно охарактеризовать следующими пунктами: расовая ненависть, господство „избранных“ наций; покорение других наций и захват их территорий; экономическое порабощение покоренных наций и расхищение их национального достояния; уничтожение демократических свобод; повсеместное установление гитлеровского режима.

Программа действия англо-советско-американской коалиции: уничтожение расовой исключительности; равноправие наций и неприкосновенность их территорий; освобождение порабощенных наций и восстановление их суверенных прав; право каждой нации устраиваться по своему желанию; экономическая помощь потерпевшим нациям и содействие им в деле достижения их материального благополучия; восстановление демократических свобод; уничтожение гитлеровского режима» [1, с. 124].

О преимуществе стран антигитлеровской коалиции И. В. Сталин сообщает: «Если рассмотреть вопрос о соотношении сил двух коалиций с точки зрения человеческих и материальных ресурсов, то нельзя не прийти к выводу, что мы имеем здесь бесспорное преимущество на стороне англо-советско-американской коалиции».

И далее в докладе идет интереснейший пассаж с точки зрения уточнения степени владения вождем диалектического мышления: «Говорят, что англо-советско-американская коалиция имеет все шансы на победу, и она наверняка победила бы, если бы не было у нее одного органического недостатка, способного ослабить и разложить ее. Недостаток этот, по мнению этих людей, выражается в том, что эта коалиция состоит из разнородных элементов, имеющих неодинаковую идеологию, и что это обстоятельство не даст им возможности организовать совместные действия против общего врага.

Я думаю, что это утверждение неправильно. Было бы смешно отрицать разницу в идеологии и в общественном строе государств, входящих в состав англо-советско-американской коалиции. Но исключает ли это обстоятельство возможность и целесообразность совместных действий членов этой коалиции против общего врага,

несущего им угрозу порабощения? Безусловно, не исключает. Более того, создавшаяся угроза повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и к средневековым зверствам. Разве программа действия англо-советско-американской коалиции недостаточна для того, чтобы организовать на ее базе совместную борьбу против гитлеровской тирании и добиться победы над ней? Я думаю, что вполне достаточно» [1, с. 125].

И. В. Сталин подчеркивает – «Выходит, что логика вещей сильнее всякой иной логики. Вывод один: англо-советско-американская коалиция имеет все шансы, чтобы победить итало-германскую коалицию, и она без сомнения победит». В разделе пятом доклада «Наши задачи» он резюмирует: «Война порвала все покровы и обнажила все отношения. Положение стало до того ясно, что нет ничего легче, как определить наши задачи в этой войне» [1, с. 126].

Он выделяет три задачи, всего три, но какие это грандиозные задачи: «Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей.

В той же беседе с тем же генералом людоед Гитлер продолжает: „Мы будем продолжать войну до тех пор, пока в России не останется организованной военной силы“. Кажется, ясно, хотя и безграмотно. У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить всякую организованную военную силу в Германии, ибо любой грамотный человек поймет, что это не только невозможно в отношении Германии, как и в отношении России, но и нецелесообразно с точки зрения победителя. Но уничтожить гитлеровскую армию – можно и должно.

Наша вторая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей.

Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны – мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей.

Но это не все. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую „систему заложников“. Они расстреливают и вешают ни в чем не повинных граждан, взятых „под залог“, из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или ограбить обывателей. Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них „новый порядок в Европе“. Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов.

Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный „новый порядок в Европе“ и покарать его строителей. Таковы наши задачи» [1, с. 127–128].

Германия проигрывала идеологическую борьбу и утрачивала инициативу. Только 18 февраля 1943 г. Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии доктор Й. Геббельс в знаменитой речи в Берлинском дворце спорта провозгласил лозунг тотальной войны. В окружении плакатов «Тотальная война – кратчайшая война» он 109 минут патетически возглашал: «Я спрашиваю вас в десятый и последний раз, вы хотите тотальной войны?!» Эта речь была слишком запоздалым ответом на объявленную И. В. Сталиным через 12 дней после вероломного нападения на нас «Великую Отечественную войну советского народа».

Фактически через год, или 6 ноября 1943 г. в докладе И. В. Сталина делается акцент на единстве советского общества и всенародной помощи фронту как источнике нашей победы.

Задолго до начала новой мировой войны было ясно, что возникшая на обломках Германской империи Веймарская республика была обречена и из ее недр вырастет фашистское государственное образование. На это обращал внимание еще И. В. Сталин в статье «К международному положению», опубликованной в журнале «Большевик» в год кончины В. И. Ленина в 1924 г. [2].

У. Ширер в книге «Взлет и падение Третьего рейха» писал об этом обстоятельстве так: «После Капповского путча 1920 года правительство предъявило 705 лицам обвинение в государственной измене, но лишь

один из них – начальник берлинской полиции был приговорен к пяти годам почетного заключения. Когда власти Пруссии лишили его пенсии, верховный суд принял решение о ее восстановлении. В декабре 1926 года германский суд постановил выплатить генералу фон Лютвицу, военному главарю Капповского путча, пенсию, причитающуюся ему за тот период, когда он открыто выступал против правительства, и за те пять лет, в течение которых он скрывался от правосудия в Венгрии. В то же самое время сотни немецких либералов были приговорены к длительным срокам тюремного заключения по обвинению в измене, поскольку в своих выступлениях в печати или на митингах раскрывали и осуждали постоянные нарушения Версальского договора со стороны армии. Обвинения в предательстве безжалостно предъявлялись сторонникам республики. Представителей же правых взглядов, которые пытались свергнуть республику, как в этом вскоре смог убедиться Адольф Гитлер, вообще не лишали свободы либо они отделялись легкими приговорами. Даже в отношении уголовников, если они принадлежали к правым, а их жертвами оказывались демократы, судебные инстанции были довольно снисходительны или, как часто случалось, им удавалось бежать из мест заключения при помощи армейских офицеров и правых экстремистов. Таким образом, умеренным социалистам, поддерживаемым демократами и католиками – центристами, пришлось возглавить республику, устои которой расшатывались с самых первых ее шагов. Им приходилось сносить ненависть, нападки, а иногда и служить мишенью для противников, число и решимость которых постоянно возрастали» [3, с. 62].

У. Ширер далее пишет: «В душе народа, – заявлял Освальд Шпенглер, прославившийся после выхода своей книги „Падение Запада“, – Веймарская КОНСТИТУЦИЯ уже обречена. Тем временем в Баварии молодой смутьян Адольф Гитлер осознавал силу нового националистического движения, которое впоследствии использовал и возглавил. Этому в значительной степени содействовал естественный ход событий, в частности падение курса немецкой марки и оккупация французами Рурской области» [3, с. 62]. Добавим, что в русском переводе «Падение Запада» всегда получало от издателей и переводчиков более поэтическое название – «Закат Европы». О. Шпенглер, которого возненавидел А. Гитлер, тогда увидел в культурных и цивилизационных расколах Запада признаки неизбежной гибели нового государ-

ственного образования на немецкой земле. Он определил западного человека как социальное существо, обладающее «фаустовской душой». Результатом этих расколов стали разделения интересов в фашистской блоке стран оси «Берлин-Рим-Токио», чем воспользовался блок западных демократий и Советского Союза.

В классическом партийном учебнике «История Коммунистической партии Советского Союза» последствия и результаты раскола в фашистском блоке и побед Красной армии описываются в такой последовательности: «В связи с продвижением Красной Армии на запад вставали важные вопросы государственной, экономической и культурной жизни народов европейских стран. Коммунистическая партия и Советское правительство провозгласили своей целью: 1. Освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих независимых национальных государств. 2. Предоставить освобожденным народам полную свободу в решении вопроса о своем государственном устройстве и социальном строе. 3. Принять меры к тому, чтобы главные военные преступники, виновники войны и страданий народов, понесли суровое наказание за совершенные ими злодеяния. 4. Установить в Европе порядок, полностью исключающий возможность новой агрессии со стороны Германии. 5. Установить длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество всех народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи, с целью восстановления хозяйства и культуры в странах, подвергшихся оккупации, разграбленных фашистами. Победоносное наступление Красной Армии привело к мощному подъему национально-освободительной борьбы европейских народов против гитлеровского „нового порядка“. Возросло влияние коммунистов» [4, с. 498–499].

Далее отмечается: «С середины 1944 года начался великий освободительный поход Красной Армии, оказавший прямую помощь народам Европы в их борьбе против фашистской тирании. Вместе с Красной Армией шли на запад освобождать свою родину Войско польское, чехословацкий корпус, румынская дивизия, югославская бригада» [4, с. 499].

Таким образом, в качестве основного вывода из Второй Мировой войны стало всемирно-историческое значение и выявленные источники победы Советского Союза в Великой Отечественной

войне: «В Великой Отечественной войне советский народ одержал военную, политическую и экономическую победу над врагами социалистической Родины. Он отстоял социалистические завоевания, самый передовой общественный и государственный строй, свободу и независимость народов СССР. В результате этой победы укрепилась безопасность границ СССР. Никогда на протяжении всей истории страна не имела столь справедливо и хорошо устроенных государственных границ. Героической борьбой советский народ не только отстоял свою Родину, но и спас народы Европы от фашистского рабства, оказал огромную помощь народам Китая и других стран Азии в их борьбе против японского империализма, избавил народы всего мира от угрозы закабаления фашизмом. Красная Армия с честью выполнила свою освободительную миссию. Опираясь на поддержку народов оккупированных стран, она изгнала иноземных захватчиков из Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Австрии, Северной Норвегии, северо-восточных провинций Китая и Северной Кореи. Страны, подпавшие под иго захватчиков, вновь обрели национальную независимость. Поражение японского империализма создало благоприятные условия для победоносной китайской революции. Советские Вооруженные Силы, разгромив Германию и ее военную машину, способствовали освобождению от фашистской неволи народов Франции, Италии и других стран. Разгром немецкого фашизма создал исключительно благоприятные условия для развития германского народа по пути мира, демократии и социализма. Вторая мировая война углубила общий кризис капитализма, положила начало его второму этапу. Мировая капиталистическая система ослабла. Народы ряда стран Европы и Азии свергли власть капиталистов и помещиков. Утвердившийся в этих странах народно-демократический строй открыл им путь к построению социализма. Освободительная борьба с фашистскими захватчиками подняла классовое самосознание пролетариата и укрепила влияние коммунистических и рабочих партий в массах» [4, с. 508].

Эти формулировки сохранили свою силу на десятилетия после Победы и вновь актуальны для понимания начавшегося столкновения нашей страны с объединенным Западом. Сегодня у нас иные союзники – те, которые сформировались в результате победы советского народа в Великой Отечественной войне. Что касается истинности

формулировок и истоков взглядов И. В. Сталина, то сегодня не следует пользоваться исторической публицистикой. Существуют 13 томов сочинений И. В. Сталина, изданных при его жизни. Есть ряд дополнительных томов, изданных в новом столетии, наконец, имеются отдельные работы – «Вопросы ленинизма», выступления в период Великой Отечественной войны. Этим мы и занимались в настоящих разработках и главах книги.

Список использованной литературы

1. Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. т. 15. – 422 с.
2. Сталин И. В. Соч., М.: ГИПЛ, 1952, т. 6. – 430 с.
3. Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М.: Воениздат, 1991. Т. I. – 474 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза/Б.Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1982. – 784 с.

3.3. Источники силы Советского Союза как источники победы народа в Великой Отечественной войне

На третьем году Великой Отечественной войны в СССР делался акцент на единстве советского общества и всенародной помощи фронту как источнике нашей победы. Проявились источники силы Советского Союза – рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция, советское государство, советский строй. Поскольку война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа, то история войн учит, что лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всем протяжении войны. Именно таким государством оказалось наше советское государство. Уроки Великой войны именно сегодня свидетельствуют о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время. В войне против СССР враг, объединивший Европу в крестовом походе против отечества социализма, натолкнулся на несокрушимую силу дружбы советских народов. История ставит вопрос о возможности восстановления советской модели общественной организации или о создании новой жизнеспособной системы социальных отношений уже не для конкуренции или выживания при вхождении в коллективный Запад, но для победы над ним и принуждения его к мирному сосуществованию с суверенными народами и цивилизациями планеты Земля.

6 ноября 1943 г. в докладе И. В. Сталина в 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы делался акцент на единстве советского общества и всенародной помощи фронту как источнике нашей победы: «Успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве. Советский народ в трудных военных условиях сумел обеспечить свою армию всем минимально необходимым и непрестанно совершенствовал ее боевую технику. На всем протяжении войны врагу не удалось превзойти нашу армию по качеству

вооружения. В то же время наша промышленность давала фронту все большее и большее количество боевой техники.

Истекший год был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе нашего тыла. Перед нами не стояли уже такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. Советское государство имеет теперь слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Стало быть, все усилия народа могли быть сосредоточены на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолетов, орудий, самоходной артиллерии. В этом мы достигли крупных успехов. Красная Армия, опираясь на всенародную поддержку, бесперебойно получала боевое снаряжение, обрушивала на врага миллионы бомб, мин и снарядов, вводила в бой тысячи танков и самолетов. Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю наряду с героической борьбой Красной Армии как беспрецедентный подвиг народа в защите Родины.

Рабочие Советского Союза, создавшие в годы мирного строительства высокоразвитую мощную социалистическую промышленность, во время Отечественной войны развернули напряженную и кипучую работу на помощь фронту, проявляя настоящий трудовой героизм.

Всем известно, что гитлеровцы располагали в войне против СССР не только сильно развитой промышленностью Германии, но и довольно мощной промышленностью вассальных и оккупированных стран. И все же гитлеровцы не смогли сохранить количественное превосходство в военной технике, которое они имели в начале войны против Советского Союза. Если теперь былое превосходство врага в количестве танков, самолетов, минометов, автоматов ликвидировано, если наша армия не испытывает ныне серьезного недостатка в вооружении, боеприпасах, снаряжении, то в этом прежде всего нужно усмотреть заслугу *нашего рабочего класса*» [1, с. 166].

Новое колхозное крестьянство, родившееся в коллективизации, стало новым источником силы СССР: «Крестьяне Советского Союза, преобразовавшие в годы мирного строительства на основе колхозного строя отсталое земледелие в передовое сельское хозяйство, во время Отечественной войны проявили небывалое в истории деревни высочайшее сознание общенародных интересов. Они самоотверженным

трудом на помощь фронту показали, что советское крестьянство считает нынешнюю войну против немцев своим кровным делом, войной за свою жизнь и свободу.

Известно, что в результате нашествия фашистских полчищ наша страна была временно лишена важных сельскохозяйственных районов Украины, Дона и Кубани. И все же наши колхозы снабжали без серьезных перебоев армию и страну продовольствием. Конечно, без колхозного строя, без самоотверженного труда колхозников и колхозниц мы не смогли бы решить эту труднейшую задачу. Если на третьем году войны наша армия не испытывает недостатка в продовольствии, если население снабжается продовольствием, а промышленность сырьем, то в этом сказались сила и жизнеспособность колхозного строя, патриотизм *колхозного крестьянства*» [1, с. 166–167].

И. В. Сталин отмечал, что «большую роль в деле помощи фронту сыграл наш транспорт, прежде всего железнодорожный транспорт, а также речной, морской и автомобильный транспорт. Транспорт является, как известно, важнейшим средством связи между тылом и фронтом. Можно производить большое количество вооружения и огнеприпасов, но если они не доставляются вовремя фронту при помощи транспорта, они могут остаться бесполезным грузом для дела фронта. Нужно сказать, что в деле своевременного подвоза на фронт вооружения, огнеприпасов, продовольствия, обмундирования и т. д. роль транспорта является решающей. И если, несмотря на трудности военного времени и недостаток топлива, нам все же удалось снабжать фронт всем необходимым, то в этом надо признать, прежде всего, заслугу наших *транспортных рабочих и служащих*.

От рабочего класса и крестьянства не отстает в деле помощи фронту и наша интеллигенция. Советская интеллигенция преданно работает на дело обороны нашей страны, непрерывно совершенствует вооружение Красной Армии, технику и организацию производства. Она помогает рабочим и колхозникам в подъеме промышленности и сельского хозяйства, двигает вперед в условиях войны советскую науку и культуру. Это делает честь *нашей интеллигенции*» [1, с. 167].

Другой источник силы – морально-политическое и культурное единство советского народа: «Все народы Советского Союза единовременно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся

без различия национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчеты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. *Дружба народов нашей страны* выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков.

В этом источник силы Советского Союза. Руководящей и направляющей силой советского народа, как в годы мирного строительства, так и в дни войны явилась партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия не имела и не имеет такого авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия. И это понятно. Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В дни Отечественной войны партия предстала перед нами как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия еще более сроднилась с народом, еще теснее связалась с широкими массами трудящихся. В этом источник силы нашего государства» [1, с. 167].

Справедлив показано, что война стала испытанием, из которого страна выйдет обновленной и усиленной: «Нынешняя война со всей силой подтвердила известное указание Ленина о том, что война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа. История войн учит, что лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всем протяжении войны. Именно таким государством является наше государство.

Советское государство никогда не было столь прочным и незыблемым, как теперь, на третьем году Отечественной войны. Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время. Созданная 26 лет назад Советская власть в короткий исторический срок превратила

нашу страну в несокрушимую крепость. Красная Армия из всех армий мира имеет наиболее прочный и надежный тыл. В этом источник силы Советского Союза» [1, с. 168].

Верховный главнокомандующий предвидел: «Нет сомнения в том, что Советское государство выйдет из войны сильным и еще более окрепшим. Немецкие захватчики разоряют и опустошают наши земли, стараясь подорвать мощь нашего государства. Наступление Красной Армии в еще большем, чем прежде, объеме раскрыло варварский, бандитский характер гитлеровской армии. Немцами истреблены в захваченных ими районах сотни тысяч наших мирных людей. Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения. Злодеяния немцев говорят о слабости фашистских захватчиков, ибо так поступают только временщики, которые сами не верят в свою победу» [1, с. 168–169]. Заметим постоянное повторение слов «В этом источник силы нашего государства. В этом источник силы Советского Союза». Такое повторение носит не риторический, но символический характер убеждения масс в своей правоте «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Сегодня эти слова во всех стримах и митингах повторяют представители «Движения за новый социализм». Это слова убеждения и обоснования, в народных сказках и мифах мы видим такие лингвистические построения.

И. В. Сталин отмечал далее в качестве резюме: «И чем безнадежнее становится положение гитлеровцев, тем более они неистовствуют в своих зверствах и грабежах. Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам. Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния!

В районах, где временно хозяйничали фашистские погромщики, нам предстоит возродить разрушенные города и села, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, культурные учреждения, создать для советских людей, избавленных от фашистского рабства, нормальные условия жизни. Уже теперь полным ходом развернулась работа по восстановлению хозяйства и культуры в освобожденных от врага районах. Но это только начало. Нам необходимо полностью ликвидировать последствия хозяйничания немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Это большая общенародная

задача. Мы можем и должны решить эту трудную задачу в короткий срок» [1, с. 169].

Военный опыт боевых действий показал, что источники силы Советского Союза превращаются в источники победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этот исторический факт свидетельствует в пользу того, что победа в войне с гибридной украинской армией, в которой рядовой и сержантский состав русский, офицерский состав состоит из убежденных фашистов, а генералитет составлен из военных и наемников НАТО с украинскими паспортами и валютной заработной платой, победа в такой народной священной войне может быть достигнута при возрождении источников силы Советского Союза. Признаками движения в этом направлении является использование символики СССР, восстановление советских названий городов и улиц Донбасса, восстановление памятников историческим личностям и героям советской истории. И это только начало процесса реконкисты.

В реконкисте всегда возникает неустойчивость, а даже самые малые ресурсы и неожиданные резервы на чаше весов истории могут перевесить силы противников. В статье «2023 год: опасная неустойчивость. Основные факторы» В. Овчинский и Ю. Жданов пишут: «По мере того как мир приближается к отметке первой четверти XXI века, глобальный ландшафт остается более изменчивым и неопределенным, чем когда-либо в недавней истории. Такой вывод делает аналитик The National Interest Марко Вичензино в статье „В 2023 году неопределенность будет формировать глобальный ландшафт“ (08.01.2023). 2023 год, по мнению автора, обещает стать одним из самых сложных за последние десятилетия из-за продолжающихся рыночных потрясений» [2].

Наши ресурсы Победы в Великой Отечественной войне ослабли, они подорваны, но не погибли. Посмотрим, что от них осталось. В партийном учебнике «История Коммунистической партии Советского Союза» они даны в таком порядке: «Победа Советского Союза над агрессорами – явление вполне закономерное. Источники силы и могущества советского народа и его вооруженных сил заложены в самой природе социалистического общественного и государственного строя, в его великих преимуществах перед прогнившим и отжившим свой век капиталистическим строем» [3, с. 508]. Социали-

стического строя нет, но плановое хозяйство сохранилось в сфере предприятий ОПК.

Далее отмечалось: «В Великой Отечественной войне еще более окрепла классовая основа могущества Советского государства – нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. Это главная и решающая сила советского общества, надежная гарантия его жизнеспособности как в мирное, так и в военное время, источник всех побед советского народа» [3, с. 509]. Увы, классовые противоречия в российском обществе подрывают его единство. Мы видим это в классовом составе армии и в классовом происхождении участников и добровольцев в Специальной военной операции.

Другой источник мощи советского народа отмечен так: «В войне против СССР враг натолкнулся на несокрушимую силу дружбы советских народов. Его расчеты на раскол союза народов нашей многонациональной страны и столкновение между ними потерпели полный крах». Нынешние национальные конфликты по административным границам бывших республик СССР основательно подорвали наши силы.

Еще один источник силы: «Советский социалистический общественный и государственный строй открыл невиданные просторы экономическому развитию страны, мобилизации всех сил народа для решения самых сложных экономических задач как в условиях мирного развития, так и в военное время. Преодолевая огромные трудности войны, было создано хорошо слаженное военное хозяйство, что позволило наладить массовое производство современного вооружения». Координационный совет при правительстве РФ и совещания президента России В. В. Путина с министрами и директорами предприятий ОПК стремятся возродить традиции работы Ставки Верховного главнокомандующего с министрами, конструкторами и генералами.

Обычно отмечается такое обстоятельство как единство армии и народа, фронта и тыла, идейное единство общества: «Победу в Великой Отечественной войне обеспечила непрерывно возрастающая мощь Советских Вооруженных Сил. Красная Армия неотделима от народа. Она впитала в себя его духовную мощь, дух пролетарского интернационализма, имеет перед собой ясную цель – оборону государства, строящего самое справедливое в истории человечества общество». Запрет

на государственную идеологию в Конституции РФ, указы президента России о поддержке традиционной культуры и законы о традиционной культуре направлены на исправление сложившегося положения после распада марксистско-ленинской идеологии как идеологии руководящей и направляющей силы общества – правящей партии.

Общий итог перечисленных источников нашей силы дается в следующей афористической форме: «Опыт Великой Отечественной войны красноречиво свидетельствует о неоспоримом превосходстве советского военного искусства как составной части военной науки в целом над стратегией и тактикой немецко-фашистских войск. Ход и исход войны убедительно доказали, что военная организация, базирующаяся на преимуществах социалистического общественного и государственного строя, превзошла во всех отношениях военную организацию капиталистических стран. Надежно опираясь на самый прочный и устойчивый тыл, Красная Армия смогла успешно выполнить свой священный долг перед Родиной; ее беззаветно поддерживали вся наша страна, все народы Советского Союза. Единство фронта и тыла, армии и народа – решающее условие победы.

В годы войны необычайно глубоко раскрылся такой могучий источник силы нашего народа и его армии, как животворный советский патриотизм. Великая Отечественная война – это беспрецедентный подвиг миллионов советских людей на фронте, в тылу и на оккупированной врагом территории во имя своей социалистической Родины. Высокий морально-политический дух советских войск обеспечивали политические органы и армейские партийные организации. Центральный Комитет партии направил в политорганы Вооруженных Сил тысячи руководящих партийных работников, имеющих большой опыт организаторской и политико-воспитательной работы» [3, с. 510].

Это перечисление ставит вопрос о возможности восстановления советской модели общественной организации или о создании новой жизнеспособной системы социальных отношений уже не для конкуренции или выживания при вхождении в коллективный западный мир, но для победы над этим миром и принуждения его к мирному сосуществованию с народами и цивилизациями планеты Земля.

Для изменения общественных отношений требуется историческая субъектность. В СССР это была партия и социалистическая идеология: «В годы войны с огромной силой сказалась духовная мощь

советского народа. Социалистическая идеология одержала победу над буржуазно-фашистской идеологией. Фашизм был разгромлен не только средствами военной техники и военным искусством наших Вооруженных Сил, но и великой силой марксизма-ленинизма, социалистической сознательности масс. Германский фашизм и японский империализм вели войну захватническую, несправедливую. Советский Союз вел войну в защиту своей социалистической Родины, войну антифашистскую, справедливую. Сознание этого удесятерило силы советского народа. Вдохновителем, организатором победы советского народа, его армии являлась Коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила советского общества. Партия подняла советский народ и его воинов на справедливую Отечественную войну, вдохновила их на великие подвиги, соединила и направила усилия советских людей на фронте и в тылу к общей цели – на разгром врага» [3, с. 511]. Каков будет исторический ход новой России демократического выбора в условиях судьбоносных испытаний? Историки и патриотические публицисты полагают, что главное тут не повторить печальный опыт царской России в русско-японской войне.

Список использованной литературы

1. Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. т. 15. – 422 с.
2. Овчинский В., Жданов Ю. 2023 год: опасная неустойчивость. Основные факторы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/2023_god_opasnaya_neustojchivost_
3. История Коммунистической партии Советского Союза/Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1982. – 784 с.

3.4. ФАКТОРЫ НЕМИНУЕМОЙ ГИБЕЛИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА

На съездах коммунистической партии всегда давалось определение основного противоречия нашей эпохи и главного врага. Из определения вытекали три основных фактора, которые должны были привести к неизбежному разгрому гитлеровского империализма. Эта гибель определялась помимо моральных факторов, но и другими факторами: непрочностью нового порядка в Европе, непрочностью германского тыла гитлеровских захватчиков, антигитлеровская коалиция стран против немецко-фашистских империалистов. Прежде чем И. В. Сталин сделал выводы в ходе начавшейся войны, он уже предупредил партию и народ о ее неизбежности на протяжении двух десятилетий, и делал все для подготовки страны к мировой войне. Поскольку В. И. Ленин различал войны захватнические и войны освободительные, справедливые, то было определено, что немцы ведут войну несправедливую, рассчитанную на покорение чужих народов. В решениях партии и правительство было уточнено, что две противоположные коалиции руководствуются двумя разными, противоположными программами действия. Поскольку прямое военное столкновение Запада с Россией никогда не приводило к победе и имело своим следствием раскол самого Запада, в новом столетии произошел переход к новой, а на самом деле забытой форме войны – когнитивной.

На съездах правящей коммунистической партии в отчетах ЦК съездам РКП(б), ВКП(б), КПСС всегда давалось определение основного противоречия нашей эпохи и определение главного врага. Такое определение обычно дает уточнение в виде указания направления главного удара и свидетельствует о неизбежности победы над врагом. И. В. Сталин в докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года отмечал: «Уже одно то, что в своей моральной деградации немецкие захватчики, потеряв человеческий облик, давно уже пали до уровня диких зверей, уже одно это обстоятельство говорит за то, что они обрекли себя на неминуемую гибель. Но неминуемая гибель гитлеровских захватчиков и их армий определяется не только моральными факторами.

Существуют еще три основных фактора, сила которых растет изо дня в день и которые должны привести в недалеком будущем

к неизбежному разгрому гитлеровского разбойничьего империализма.

Это, во-первых, непрочность *европейского* тыла империалистической Германии, непрочность „нового порядка“ в Европе. Немецкие захватчики поработили народы европейского континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Белоруссии до Балкан и Советской Украины, лишили их элементарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на кресте поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство в Германии. Это называется у них „новый порядок в Европе“. Но что это за „основа“, что это за „новый порядок“? Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что „новый порядок“ в Европе и пресловутая „основа“ этого порядка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик. Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует, как Наполеон, и что он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами. Только гитлеровские дурачки из Берлина не могут понять, что поработенные народы Европы будут бороться, и будут восставать против гитлеровской тирании. Кто может сомневаться в том, что СССР, Великобритания и США окажут полную поддержку народам Европы в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании?» [1, с. 80].

В докладе И. В. Сталин выдвигает следующие два главных фактора, определяющих неизбежность гибели немецко-фашистского империализма: «Это, во-вторых, непрочность *германского* тыла гитлеровских захватчиков. Пока гитлеровцы занимались собиранием Германии, разбитой на куски в силу Версальского договора, они могли иметь поддержку германского народа, воодушевленного идеалом восстановления Германии. Но после того, как эта задача была разрешена, а гитлеровцы стали на путь империализма, на путь захвата чужих

земель и покорения чужих народов, превратив народы Европы и народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии, в германском народе произошел глубокий перелом против продолжения войны, за ликвидацию войны. Два года с лишним кровопролитной войны, конца которой еще не видно; миллионы человеческих жертв; голод; обнищание; эпидемии; кругом враждебная против немцев атмосфера; глупая политика Гитлера, превратившая народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии, – все это не могло не повернуть германский народ против ненужной и разорительной войны. Только гитлеровские дурачки не могут понять, что не только европейский тыл, но и германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов.

Это, наконец, коалиция СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки против немецко-фашистских империалистов. Это факт, что Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз объединились в единый лагерь, поставивший себе целью разгром гитлеровских империалистов и их захватнических армий. Современная война есть война моторов. Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов. Если соединить моторное производство США, Великобритании и СССР, то мы получим преобладание в моторах по сравнению с Германией, по крайней мере, втрое. В этом одна из основ неминуемой гибели гитлеровского разбойничьего империализма.

Недавняя конференция трех держав в Москве при участии представителя Великобритании господина Бивербрука и представителя США господина Гарримана постановила систематически помогать нашей стране танками и авиацией. Как известно, мы уже начали получать на основании этого постановлений танки и самолеты. Еще раньше Великобритания обеспечила снабжение нашей страны такими дефицитными материалами, как алюминий, свинец, олово, никель, каучук. Если добавить к этому тот факт, что на днях Соединенные Штаты Америки решили предоставить Советскому Союзу заем в сумме 1 миллиарда долларов, то можно сказать с уверенностью, что коалиция Соединенных Штатов Америки, Великобритании и СССР есть реальное дело, которое растет и будет расти во благо нашему освободительному делу. Таковы факторы, определяющие неминуемую гибель немецко-фашистского империализма» [1, с. 81–82].

Обращаясь к великому образу «великого Ленина», И. В. Сталин выдвигает на первый план результат ленинского диалектического мышления: «Ленин различал два рода войн – войны захватнические и значит несправедливые и войны освободительные, справедливые. Немцы ведут теперь войну захватническую, несправедливую, рассчитанную на захват чужой территории и покорение чужих народов. Поэтому все честные люди должны подняться против немецких захватчиков как против врагов.

В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение порабощенных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании. Поэтому все честные люди должны поддерживать армии СССР, Великобритании и других союзников как армии освободительные.

У нас нет, и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, – все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана. Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига.

У нас нет, и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим порабощенным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!

Но чтобы осуществить эти цели, нужно сокрушить военную мощь немецких захватчиков, нужно истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения.

Но для этого необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всей нашей страны. Чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов. Чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране все больше и больше хлеба,

мяса, сырья для промышленности. Чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий. В этом теперь задача» [1, с. 82–83].

Через год, то есть уже 6 ноября 1942 г. И. В. Сталин гениально выдвигает требование: «Боевой союз СССР, Англии и США против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе». Он говорит: «Теперь уже можно считать неоспоримым, что в ходе войны, навязанной народам гитлеровской Германией, произошла коренная размежевка сил, произошло образование двух противоположных лагерей – лагеря итало-германской коалиции и лагеря англо-советско-американской коалиции. Неоспоримо также и то, что эти две противоположные коалиции руководствуются двумя разными, противоположными программами действия» [1, с. 123]. Поскольку прямое военное столкновение Запада с Россией никогда не приводило к победе и имело своим следствием раскол самого Запада на два противоположных лагеря, в новом столетии произошел переход к внешне новой, а на самом деле забытой форме войны – когнитивной. Многие авторы все чаще указывают на это обстоятельство.

Приведем вывод из работы С. И. Репко «Когнитивная война»: «Запад развил древнюю доктрину войны и в 1991–2013 годах применял в России метод войны способом коррупции, подкупа чиновников для навязывания выгодной иностранцам экономической политики. Модернистским методом войны в 1991–2013 годах стало строительство американцами в России большого числа табачных фабрик, добавлявших энзимы секретной формулы в сигареты, последствием чего стал выход России на первое место в мире по числу курящих (60 % мужчин, 20 % женщин) и гибель 400000 людей в год (2012) от болезней из-за курения. Еще один способ войны стратегией не прямых действий заключался в оккупации странами Запада Афганистана, последствием чего стало его превращение в плантацию опиумного мака, направление 90 % героина в Россию, отчего ежегодно гибло 100000 человек, а 2,5 млн россиян превратились в наркоманов (2012). Модернизация военной доктрины магов позволила их современным последователям в мирное время уничтожать жителей России сигаретами и героином

в 2,5 раза эффективнее, чем двумя атомными бомбами в Хиросиме и Нагасаки.

Когнитивная война внушает ложь о современной военной доктрине Запада, лжет об истории России. В XX веке Россия потерпела цивилизационное поражение в борьбе с Западом по причине повторения россиянами ложных западных легенд типа марксизма и либеральной экономической теории, разработанной в XIX веке англичанами хронологии. Чтобы понимать прошлое России и современную обстановку, следует прекратить повторять мифы когнитивной войны» [2, с. 199].

Наш современник В. Воловой в остроактуальной книге «Викиликс. Откуда НАТО нападет на Россию» предупреждает о новой холодной войне: «Соответствуют ли планы России ее возможностям – вот в чем вопрос. Сегодняшнее гражданское общество живет в постмодернистской эпохе, а военные – только догоняют. Они пытаются создавать вооружение, основанное на новых физических принципах, развивают координацию действий, тактику на поле боя, возможно, планируют генетическую модификацию воинов и т. д. Это уже полуархаичное мышление, концентрирующееся только на делах военных. В наши дни такие дихотомические понятия, как война-мир, нападение-оборона, враг-союзник, утратили однозначный смысл. Между тем, важную роль приобретает информационная война. Здесь крайне важен элемент пропаганды, борьбы за сознание людей. Государство может проиграть войну, даже не начав ее, при этом руководители и народ могут и не понять, что проиграли. Характерные примеры – распад СССР и „цветные революции“. Учтено ли это в новой российской военной доктрине? Нет. Правда, это не означает, что российские военные делают меньше, чем, например, американские, но самые серьезные работы предпочитают скрывать. Противник, не зная истинной ситуации, может либо решить, что Россия не ориентируется в новых реалиях (и тем самым принизить ее возможности), либо может предположить, что Россия скрывает нечто весьма значительное (и тем самым переоценить ее возможности). Если так пойдет и дальше, можно дожить и до новой холодной войны. А может, она и не кончалась?..» [3, с. 11].

Эти предупреждения не были услышаны, и начавшаяся холодная война переросла в новую горячую мировую войну. Прежде чем

И. В. Сталин сделал выводы в ходе начавшейся войны, он уже предупредил партию и народ о ее неизбежности на протяжении двух десятилетий, и делал все для подготовки страны к мировой войне. Это позволяет нам сделать вывод о том, что Коммунистическая партия – организатор коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. В классическом учебнике «История КПСС» отмечается: «Коммунистическая партия своевременно учла соотношение сил на фронте, сложившееся к концу 1942 года, и поставила задачу добиться коренного перелома в ходе войны. В боях на Волге Красная Армия истощила наступавшую крупнейшую вражескую группировку и перешла в контрнаступление. Стратегический план разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и широких наступательных операций зимой 1942/43 года на южном крыле советско-германского фронта являлся результатом большой совместной творческой деятельности Ставки, командующих видами и родами войск, командования фронтов» [4, с. 483].

Последствия этого перелома в ходе войны были наглядны: «Победа на Волге – крупнейшее военно-политическое событие второй мировой войны. Она положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны. Были подорваны военная мощь гитлеровской Германии, ее военный престиж. В то же время повысился международный авторитет СССР и его вооруженных сил. Эта победа способствовала подъему освободительной борьбы в Европе, укреплению антигитлеровской коалиции, усилению национально-освободительного движения народов Востока. Для всего мира она явилась убедительным доказательством обреченности фашизма, неизбежности его краха и оказала решающее влияние на позиции нейтральных стран. Исход битвы под Сталинградом пошатнул здание фашистского блока и обострил внутривнутриполитическое положение Германии. Среди широких слоев немецкого народа, в армии и даже среди части гитлеровского генералитета была подорвана вера в возможность выиграть войну. Обострилось внутривнутриполитическое положение в Румынии, Италии, Венгрии. Япония и Турция вынуждены были воздержаться от вступления в войну против Советского Союза» [4, с. 484].

Мы можем согласиться с авторами этого 6-го издания учебника, содержащего сжатое изложение истории и деятельности коммуни-

стической партии. В предисловии к книге сказаны торжественные волнующие пророческие слова, которые через половину столетия получают блестящее подтверждение даже после трагической гибели СССР: «Человечество будет вечно обращать свои взоры к Коммунистической партии Советского Союза, под руководством которой трудящиеся, свергнув эксплуататорские классы, первыми начали новую эпоху всемирной истории – эпоху строительства самого счастливого общества – коммунизма. Оно всегда будет обращаться к героической истории Коммунистической партии Советского Союза, восхищаться великими свершениями советского народа в строительстве первого в истории коммунистического общества» [4, с. 8].

Не следует полагать, что коммунистическая модель концептуального управления процессами истории возникла на пустом месте. Так же как марксизм возник на пересечении лучших интеллектуальных традиций Западной Европы, так и русский коммунизм унаследовал лучшие содержательные компоненты материалистической диалектики и российской геополитики позапрошлого столетия. Если марксизм родился на основе переработки немецкой классической философии, английской политической экономии и французского утопического социализма, то ленинизм и ленинский большевизм сформировался во многом на русских интеллектуальных традициях. В. И. Ленин открывает свою знаменитую статью «Три источника и три составных части марксизма» словами: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся» [5, с. 43]. Говоря о том, что философия марксизма есть материализм, автор этой кратчайшей статьи для всякого сознательного рабочего писал: «Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений – диалектика...»

И далее: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества. Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, – из крепостничества, например, вырастает капитализм» [5, с. 44].

Современный теоретик русской геополитики И. С. Панарин, говоря о гениальном труде Н. Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому», заложившего основы уже не формационного, а цивилизационного подхода в науке, фиксирует дальнейшие малоизвестные шаги отечественных теоретиков: «Р. Фадеев, отставной генерал, работавший одновременно с Данилевским, в своих „Мыслях о Восточном вопросе“ выдвинул гипотезу единого центра концептуального управления миром и впервые предложил методы геополитического противоборства. Представляет немалый интерес его труд „Русское общество в настоящем и будущем“, в котором Фадеев предложил принципы реорганизации общества с целью повышения его сплоченности и направленности выброса пассионарности (применяя более поздний термин). Но Фадеев известен также и как геополитический практик, один из организаторов панславянского движения, главный военный советник в египетской и черногорской армиях в период их борьбы с Турцией, командующий сербской армией в 1876 году (позднее он передал этот пост своему коллеге по геополитической практике М. Черняеву)» [6, с. 98]. Мы подчеркнем тут гипотезу о наличии единого центра концептуального управления миром и о методах геополитического противоборства путем создания альтернативного центра глобального проекта будущего.

Автор показывает, что хотя официально СССР не знал геополитических исследований, но партия и Генеральный штаб занимались именно геополитикой: «В СССР формально геополитикой не занимались. Но на самом деле с первых дней большевистского правления шла ожесточенная борьба двух геополитических направлений СТАЛИНСКОГО И ЛЕНИНСКО-ТРОЦКИСТСКОГО. В результате дли-

тельного политического противоборства победило СТАЛИНСКОЕ геополитическое направление» [6, с. 113].

Далее автор спрашивает: «Почему именно Сталин победил во внутрипартийной борьбе за власть в России? Он развивал некую синтезированную историческую русскую геополитическую идею (И. Волоцкого и Филофея + Н. Данилевского + К. Леонтьева). И. Сталин после 1934 года начал процесс воссоздания доктрины Руси „Москва – Третий Рим“ в новых исторических условиях.

3 июля 1941 года данная доктрина стала ДОМИНИРУЮЩЕЙ геополитической идеей СССР-Руси и заменила ленинско-троцкистскую идею мировой революции. Именно доктрина „Москва – Третий Рим“ привела СССР-Русь к Великой Победе над фашизмом в мае 1945 года! Поэтому вполне закономерно, что с именем И. Сталина связано послевоенное устройство Европы и мира вплоть до развала СССР» [6, с. 114].

И. С. Панарин громит антисталинскую мифологию перестройщиков, которая сейчас исключена даже из школьных учебников: «Длительное время врагами России целенаправленно создавался миф о том, что Сталин в первые дни войны был растерян. На самом деле именно в первые дни войны Сталин проделал титаническую работу по созданию организационного и информационного механизма Победы.

Уже 23 июня по инициативе Сталина создается Ставка Верховного Главнокомандования. Ее рабочие органы – Генеральный штаб, Управления наркоматов обороны и ВМФ. Сначала ее возглавил маршал С. Тимошенко, но уже в августе 1941 года Сталин взял всю полноту ответственности на себя и руководил Ставкой до конца войны. В этот же день по указанию Сталина Главное управление политической пропаганды Красной Армии подготовило директивы, согласно которым главной задачей военной прессы становилось воспитание героизма, мужества, военного искусства, дисциплинированности. Были сформулированы основные лозунги, которыми должна была руководствоваться пресса, в частности: „Фашизм – это порабощение народов. Фашизм – это голод, нищета, разорение. Все силы на борьбу с фашизмом!“, „Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!“. Эти и другие сталинские лозунги во многом и определяли основное содержание как военных, так и гражданских газет» [6, с. 159–160].

Можем сделать вывод, что неминуемая гибель немецко-фашистского империализма не может быть понята как некое природное и автоматически наступающее явление вроде восхода и захода Солнца. Для этого явления не нужен петух – солнце восходит само. Конечно, и с петухом нужно советоваться, как выразился руководитель Народной партии России Г. И. Райков при оценке реформы президента Д. А. Медведева о часовых поясах страны. Сказано было так: «с петухом забыл посоветоваться». Однако в социальной истории необходимы центры и штабы управления процессами. Эти центры в истории нашей Родины и всей планеты неизбежно связаны с русской цивилизацией и коммунистической общественно-экономической формацией, а идеологически – с русской геополитикой и марксизмом-ленинизмом. Именно поэтому мы не можем согласиться с позицией и уставной этногеополитикой В. В. Жириновского.

В объемном курсе лекций учебного пособия для студентов обучающихся по гуманитарным специальностям в Институте мировых цивилизаций В. В. Жириновский в заключении курса заявлял, пожалуй, самое интересное содержание своего подхода к геополитике: «Поэтому, как вывод, хочу вас настроить на антикоммунистический лад. Самую большую беду принесли нам коммунисты. Это идеология, доктрина, ее практика, реализация в нашей стране. Интернационализм в основе их политики, общественная собственность в основе их политики, атеизм в основе их политики, потому что они отвергают все. Они нас сделали голыми, ибо человек становится человеком, только когда обретает собственность. Он работает, когда это его дом, его земля, его машина. Он человек, когда верует в Бога. А они эту веру украли. Он гражданин, когда думает о своей стране. А не о том, как живут в Африке, в Азии или в Греции. Вот они все это нам вредное принесли, и до сих пор это в наших головах. Вы до сих пор не любите богатых, потому что они частные собственники. Вы до сих пор не верите в Бога. А идете в церковь просто посмотреть на обрядность. И до сих пор вы не хотите быть собственниками. Можно ими быть, но вы не хотите. Потому что несколько поколений перестали быть собственниками, и в этом виновата она, коммунистическая идеология.

Она страшнее птичьего гриппа. Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Ленин, Сталин – это пострашнее СПИДа, ибо из-за их идеологии из жизни ушли миллионы людей. Только у нас в России, в Китае,

в Европе. То есть огромное количество людей уже погибло. Чтобы это остановить, хотелось бы, чтобы лучше узнали такую дисциплину, как этногеополитика» [7, с. 208–209].

Автор в завершении своего курса этногеополитики ЛДПР для партийного Института Мировых цивилизаций, претендующей на третий путь, сравнивал эту дисциплину с очками и биноклем для студентов. Но следует отметить, что в бинокль можно смотреть с разных сторон и очки также могут не подойти к глазам. Приведенный фрагмент не присутствует в сети Интернет и представлен только в первом печатном издании учебного пособия, но он характерен для понимания остроты идейной борьбы в нашем обществе. Эта борьба неизбежна сегодня в условиях прекращения курса вхождения России в западную цивилизацию и необходимости выработки идеологии общества.

Сегодня добровольцы, отправляющиеся на Специальную Военную операцию, запасаются за свой счет не только элементами военного снаряжения, но и должны сами вырабатывать свою идеологию для определения врага и перспектив будущего мироустройства. Необходимость единой консолидирующей идеологии и стремление разрушить идейное единство народа и систем социального управления также входят в арсенал когнитивной войны.

Список использованной литературы

1. Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. т. 15. – 422 с.
2. Репко С. И. Когнитивная война. М.: Академия геополитики, 2013. – 200 с.
3. Воловой В. Викиликс. Откуда НАТО нападет на Россию. М.: Алгоритм. 2011. – 224 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза/Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1982. – 784 с.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1973. т. 23. – 594 с.
6. Панарин И. С. Информационная война и геополитика. М.: Поколение. 2006. – 560 с.
7. Жириновский В. В. Этногеополитика. Учебное пособие. М.: МГОУ, 2007. – 235 с.

3.5. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ СТАЛИ КОММУНИСТАМИ В БОРЬБЕ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ОПОРТУНИЗМА

«Манифест коммунистической партии» при его создании не мог быть назван социалистическим манифестом: под именем социалистов тогда были известны приверженцы различных утопических систем, а также всевозможные социальные знахари. Социалистами были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки у богатых классов. Те, кто провозглашал необходимость коренного переустройства общества, называли себя коммунистами. Социализм в Европе был respectable учением, коммунизм – гонимым. В. И. Ленин объявил себя коммунистом с начала Первой мировой войны, когда европейские социал-демократы проголосовали за империалистическую войну. Это был крах II Интернационала. Но чем можно было объяснить, что социалистические партии изменили социализму и потребовались партии коммунистические? Ограбление колоний дало возможность монополистам поделиться частью прибыли и создать течение мелкобуржуазных правых оппортунистов. Другая форма оппортунизма – центристское течение прикрывало свою измену рабочим левыми фразами. Троцкистский лозунг «ни побед, ни поражений» означал защиту царизма и сохранение власти господствующих классов. Партия большевиков дала правильные лозунги борьбы против империалистической войны, призвала к свержению рабочим классом правительств в каждой воюющей стране. В результате была осознана возможность победы социализма первоначально в одной стране.

Если посмотреть на социализм – идею и социальную реальность – глазами главного для марксистов ученого-историка и со-творца «Манифеста коммунистической партии» через 40 лет после его первого издания, то получается, что по мнению Ф. Энгельса, «история „Манифеста“ в значительной степени отражает историю современного рабочего движения; в настоящее время он несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии. И все же, когда мы писали его, мы не могли назвать его социалистическим манифестом» [1, с. 366]. Очень сильно сказано: они «не могли назвать его социалистическим манифестом»!

Ф. Энгельс в редко упоминаемом Предисловии к английскому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1888 г. пояснял эту ситуацию невозможности использовать, казалось бы, естественное

для нас название тем, что «в 1847 г. под именем социалистов были известны, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем: оуэнисты в Англии, фурьеристы во Франции, причем и те и другие уже выродились в чистейшие секты, постепенно вымиравшие; с другой стороны, – всевозможные социальные знахари, обещавшие, без всякого вреда для капитала и прибыли, устранить все социальные бедствия с помощью всякого рода заплат. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у „образованных“ классов. А та часть рабочего класса, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической. Это был грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный вид коммунизма; однако он нащупывал самое основное и оказался в среде рабочего класса достаточно сильным для того, чтобы создать утопический коммунизм: во Франции – коммунизм Кабе, в Германии – коммунизм Вейтлинга. Таким образом, в 1847 г. социализм был буржуазным движением, коммунизм – движением рабочего класса» [1, с. 366–367].

Далее Ф. Энгельс пишет: «Социализм, по крайней мере на континенте, был „респектабельным“, коммунизм – как раз наоборот. А так как мы с самого начала придерживались того мнения, что „освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса“, то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. Более того, нам и впоследствии никогда не приходило в голову отказываться от него» [1, с. 367].

Прошли годы и В. И. Ленин объявил себя коммунистом с 1914 г. С началом Первой мировой войны германские социал-демократы поддержали в рейхстаге кайзеровское правительство, проголосовали за войну. За империалистическую войну! За несправедливую войну! Это событие «вотирования» за военные кредиты своему правительству стало огромным, ошеломляющим потрясением для социалистов всего мира.

Говоря, что «Ленин – это апостол современного коммунизма» [2, с. 8], Г. Е. Зиновьев рассказывал детали этого перехода В. И. Ленина к самоназванию коммунист, которое впоследствии проявится в призыве к поражению своего, то есть царского правительства в империалистической войне: «В. И. уже задолго до войны не верил

в европейскую социал-демократию. Он хорошо знал: что-то гнило в царстве Датском... Когда разразилась война, мы жили в далекой глухой галицийской горной деревушке. Я помню, мы тогда держали пари с тов. Лениным. Я говорил: вы увидите, что господа германские социал-демократы не посмеют голосовать против войны, они воздержатся... А тов. Ленин говорил: нет, они все-таки не такие подлецы. Бороться против войны, конечно, они не будут, но для очистки совести они будут голосовать против... Тов. Ленин в данном случае ошибся, как ошибся и я» [2, с. 47].

Современный историк А.А Майсурия передает ленинский вывод так: «Это конец II Интернационала, – сказал Ленин. – С сегодняшнего дня я перестая быть социал-демократом и становлюсь коммунистом» [3, с. 184].

Окружающие восприняли это намерение не очень серьезно, как эмоциональный всплеск Ильича, поскольку как не раз им говорилось впоследствии «Социалисту всего тяжелее не ужасы войны, а ужасы измены вожаков современного социализма, ужасы краха современного Интернационала» [4, с. 8]. И далее он писал в статье «Европейская война и международный социализм», что «Не социализм потерпел крах в лице современного европейского Интернационала, а недостаточный социализм, т. е. оппортунизм и реформизм» [4, с. 9].

В официальной советской Биографии В. И. Ленина отмечалось, что он «вначале не поверил разнесшимся слухам, что Плеханов стал оборонцем. И когда ему стало известно, что прибывший из Парижа в Швейцарию Плеханов уже выступал с рефератом в Женеве и собирается 11 октября 1914 года выступать в Лозанне, Ленин решил поехать послушать этот реферат. Плеханов действительно развивал оборонческую точку зрения. Против шовинистической позиции оборонцев выступил Ленин. Оказавшись на трибуне рядом с Плехановым, он не подал ему руки. В своем выступлении Владимир Ильич называл Плеханова не товарищем, а докладчиком, что, разумеется, сразу же было подмечено собравшимися» [5, с. 267].

В работе 1915 г. «Крах Второго Интернационала» В. И. Ленин ярко описывает социалистических вождей и социал-демократическое движение. Он пишет: «Для сознательных рабочих социализм – серьезное убеждение, а не удобное прикрытие мещански-примирительных и националистически-оппозиционных стремле-

ний. Под крахом Интернационала они разумеют вопиющую измену большинства официальных социал-демократических партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям в речах на Штутгартском и Базельском международных конгрессах, в резолюциях этих конгрессов и т. д. Не видеть этой измены могут только те, кто не хочет видеть ее, кому это невыгодно. Формулируя дело научным образом, т. е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство социал-демократических партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата. Это – событие всемирно-исторической важности, и на возможно более всестороннем анализе его нельзя не остановиться. Давно признано, что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях. Несомненную пользу начала тоже приносить человечеству и европейская война 1914–1915 года, показав передовому классу цивилизованных стран, что в его партиях незрел какой-то отвратительный гнойный нарыв, и несетя откуда-то нестерпимый трупный запах» [4, с. 211–212].

В классическом кратком курсе «Истории КПСС» данная ситуация кратко описана так: «II Интернационал потерпел крах и распался: социалисты стран Антанты, в том числе русские меньшевики и эсеры, в 1915 году на конференции в Лондоне, а социалисты германского блока на конференции в Вене одобрили защиту своего буржуазного отечества» [6, с. 161]. Но нас интересует другой поворот: чем можно объяснить, что социалистические партии изменили социализму?

Официальный ответ КПСС таков: «Ограбление колоний дало возможность монополистам поделить часть своей прибыли с небольшими группами трудящихся. В течение десятилетий в ряде развитых капиталистических стран выделились рабочая аристократия, чиновники легальных профсоюзов, социал-демократические парламентарии и аппарат, их обслуживавший. Представители этих групп настаивали на сотрудничестве классов, отвергали борьбу классов. Они отказывались от революционных средств борьбы и помогали

своей буржуазии, своему правительству. Так во II Интернационале образовалось течение мелкобуржуазных оппортунистов» [6, с. 161].

Важно отметить другую форму оппортунизма – скрытую и более опасную, чем правый оппортунизм: «Кроме правого крыла, открыто защищавшего буржуазию, во всех партиях II Интернационала существовала и другая форма оппортунизма центристское течение, проявившее себя еще до войны. Центристы выступали за оставление открытых оппортунистов в партии, тем самым сохраняли при их посредстве союз с буржуазией. Каутский, Троцкий, Мартов представляли центристское течение. В. И. Ленин считал их „во сто раз вреднее и опаснее для рабочего движения“, чем открытых оппортунистов, поскольку центристы прикрывали свою измену рабочим левыми фразами. Троцкий выдвигал лозунг „ни побед, ни поражений“, а это означало, что все остается по-старому, сохраняется, следовательно, и царизм. Это был явно шовинистический лозунг, означавший на деле оборону царского правительства, защиту царизма» [6, с. 162].

«Кто стоит за лозунг „ни побед, ни поражений“, тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов» [4, с. 290].

Обоснование этого тезиса следующее и достаточно тонкое: «Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами невозможна революционная тактика. Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда – усиление религии. Церкви снова стали наполняться, – ликуют реакционеры. „Где страдания, там религия“, говорит архиреакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к „врагу“ – чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии – чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть „продолжение политики“ империализма, и отвечают на нее „продолжением“ своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что „война войне“ есть пошлая фраза без революции против своего правительства. Нельзя

возбуждать ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения, – и нельзя быть нелицемерным противником „гражданского (= классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!!

Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, „не веря“ в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желая помогать развитию таких действий – задаче, бесспорно, не легкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских социал-демократов, в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне» [4, с. 290–291].

Позиция Троцкого и центристов получила развитие в революции и в послереволюционное время. Троцкисты тогда оказались агентами погибшего II Интернационала. Что касается партий бывшего II Интернационала, то им КПСС с высоты развитого социализма давала такую оценку: «Большинство партий II Интернационала изменило социализму, встало на защиту империализма и тем самым несет ответственность перед человечеством за чудовищные последствия кровавой войны. II Интернационал потерпел крах. Только партия большевиков показала пример верности делу социализма и образец революционной работы в массах, образец борьбы за подготовку масс, включая и армию, к революции. Только партия большевиков дала правильные лозунги борьбы против империалистической войны, за свержение рабочим классом правительств в каждой воюющей стране. Партия развила марксизм, обогатив его учением Ленина об империализме, о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране» [6, с. 184].

Партия успешно развивала марксизм, но партийные идеологи развитого социализма глушили ростки новых идей в марксизме-ленинизме. После 1991 г. возникла иллюзия, что с марксизмом покончено. Возникли радикальные теории «четвертой мировой теории»

(А. Г. Дугин), которая преодолевает ограниченности либерализма, марксизма и национализма. Эта новая теория, выросшая из неоевразийства, планировалась в качестве национальной идеи России и, возможно, всего мира. Однако это была реакционная идея, зовущая в прошлое. А. Г. Дугин был долгое время удивлен своей невостребованностью и невостребованностью самой теории. Его дело продолжила убитая украинскими националистами дочь Дарья Дугина, взявшая псевдоним Платоновой.

Н. Мелентьева – мама Дарьи – вспоминает восприятие всей семьей эволюции идей в России: «Всей семьей мы недоумевали, почему слабо привлекаются наработки по политологии, геополитики России, истории мировой и русской философии, основаниям цивилизаций Дашиного отца (автора эпохальной интеллектуальной эпопеи „Ноомахия: войны ума“), в которых логически стройно и ясно показаны парадигмы мировых цивилизаций и логика их диахронического и синхронического противостояния. Изучению и популяризации этих бесконечно ценных концепций, стратегий и систем мысли Даша посвящала практически всё свое время и силы» [7].

Но если марксизм и наука не нужны, то что нужно для нашей культурной гегемонии с тем, чтобы преодолеть гегемонию западного постмодернизма? Н. Мелентьева формулирует нужное так: «Дарья полагала, что именно сегодня пришло время нас – мыслителей предела, священного служения, наследников Христа. Она считала, что необходимо совершить сверх-усилие и вернуть миф, Традицию, геополитику, философию, культуру, мысль как таковую растерявшимся народам и самим себе, чтобы строить миры нового небесного порядка на земле. Именно вторжение культуры и философии на территорию сухого политологического менеджмента и было ее гуманитарной задачей, ее целью» [7].

В чем можно согласиться с Дарьей, которая вводила классическую философскую тематику в актуально-острую политическую проблематику? С тем, что мы оказались в обществе людей без мысли, без идеи, без концепта: «В современном мире при общении с людьми часто возникает странное ощущение: любая мысль, высказывание, замечание, коль скоро в них содержится какая-то отчетливость, попытки минимальной структуризации любого феномена, будучи донесенным до человека, проваливаются куда-то, как в омут, в бездну, в темноту

безвольного неприятия определенности. Люди отлучены от платонической стройности, иерархии, ментальной дисциплины, структуры, понимания того, что есть сущность. Люди вообще отлучены от мысли. Современный, либеральный мир внушает, что свобода – это неупорядоченность, хаос, беспечное скольжение по поверхности. И это внушение принимается – бессознательно или осознанно. Даша часто устало сетовала, что при встречах с некоторыми, чаще случайными, собеседниками складывается впечатление, будто имеешь дело с людьми постоянной изменчивости, чистого становления, не подчиненными никакой идее вообще – безыдейными людьми, с „беспредельной“, неструктурированной психикой, находящимися в чистом „плыве“ сиюминутности, в моменте мгновенного интереса. Такой человек избегает идеи как таковой, считая её слишком „сильной“ реальностью, чурается иерархии ценностей, выскальзывая из-под нее. Самое главное, что при этом он не остается свободным. Точнее, эта текучесть человека есть темная свобода» [7]. Даже нацистский лозунг «Слава Украине, героям слава!» является концептуальным собирательным призывом таким же как «Хайль» в Третьем Рейхе. И нам остается только привносить философию в самые обычные банальные человеческие отношения. И тут мы согласны с Дарьей Дугиной.

Однако концепция падения мира и ухода в прошлое не близка нам, но именно она возникает под влиянием термина традиционализм и традиционные ценности. Н. Мелентьева пишет: «Но мир ветшает, человек глупеет. Об этом говорит и сам Платон в диалоге „Политик“, красочно описывая, что бывает, когда творение удаляется от своего Творца, и практически все религии, утверждающие, что по мере приближения конца времен, эсхатологической „точки омега“, мир и человечество вырождаются, деградируют, утрачивают свои духовные свойства, теряя сходство с оригиналом. Так или иначе, наступил Модерн, а затем – Постмодерн. И в глазах философа-традиционалиста, а Дарья была именно философом-традиционалистом, западноевропейское Новое время представлялось именно подобным процессом резкого падения, от-падения, утраты смысла и цели. Постмодерн же оказывался закономерным финалом цивилизационной дегенерации» [7]. Позиция изложенная здесь сугубо религиозная и недаром Ф. Энгельсом Платон называется отцом христианства и особенно православия, а Сенека – дядей христианства.

Нам крайне неприятно, как Ж. Делез подвергает насмешливо-му пародированию Платона. Ведь автор этой книги писал статьи и диссертации в 80 гг. именно по работам Ж. Делеза и внес его в оборот в советской философии в те годы, когда Институт философии АН СССР пришел в восторг от этого философа [8]. Что произошло, когда марксисты Института вдруг обнаружили ризому и поняли, что человек – гриб? «Ризому принято определять как горизонтальную структуру соединения против вертикальной структуры дерева... Ризома как модель децентрированной сети возникает в конце 1970-х. Её инспирацией является биология, корневая система грибов, её актуальностью – децентрированные состояния, постоянное прирастание связей, непреднамеренный рост с неожиданными встречами и случайными событиями, которые изменяют природу сети. Ни встречи, ни новое содержание непредсказуемы, не устанавливаются заранее... Сеть включает контексты переживаний и аналогий... В интернет-организованном обществе всякий узел может быть новым и поворотным моментом. Все это не критично было воспринято и российскими философами, прежде всего из Института Философии РАН, которые едва ли не восхищаются „тёмными свободами“, присягая Постмодерну и его стратегиям. Именно такое впечатление создается из большинства их публикаций» [7].

Н. Мелентьева отмечает в 2023 г. зловещую роль Ж. Делеза: «Профет Постмодерна XX века француз Жиль Делёз насмешливо фальсифицирует Платона (как раз на полях его трудов, то есть отталкиваясь от платонической картины и искажая её). Он утверждает, что платонизм говорит не о дуализме идей и материи, а о двойственности в материи того, что внимает идеям – то есть копий, и того, что целиком избегает воздействия идей, скрывается от них, ускользая от влияния умных образцов, логосов. Иными словами, в мире есть вещи, которые скользят, избегая любой формы, любого определения. Это Ж. Делёз обозначил „чистым становлением“, „беспредельностью“, „тенью копии“, а Ж. Бодрийяр назвал „симулякром“ – „копией без оригинала“.

Дарья, будучи всецело верной Платону, интересовалась и этими искаженными, опрокинутыми онтологиями Постмодернизма, стараясь распутать их хитросплетения, разобраться в их подделках, расшифровать их иронию и понять, как устроены эти лживые, но в чем-то гипнотически притягательные теоретические построения, основан-

ные на иронических протечках, сдвигах и трансгрессиях» [7]. Почему Дарья и философы-традиционалисты предложили всем заняться распутыванием траекторий смыслов Постмодернизма и почему они не встретили понимания у людей и высшего политического руководства России? Эта работа требовала сверхусилий во всех делах, то есть перехода на монастырский режим существования.

Автор начинает всю статью указанием на эти объективные сложности жизненного и познавательного процесса: «Жизнь в современном мире требует от нас огромного усилия – и не просто в житейских делах и внешних движениях. Речь идет об усилиях ума, мысли, интеллекта. „Умное делание“ – так называлось это в монашеской практике святых отцов. И этот труд необходимо ежеминутно совершать не только для того, чтобы мир не слился в нерасчленимый хаос, чтобы можно было отличать добро от зла, ценное от неценного, случайное от судьбоносного, производя диакрисиc, различение, как говорили платоники, но и чтобы совершать работу по смысловому наполнению мира, его структурализации, проектированию и целеполаганию в нем, соблюдению пропорций, не позволяя энтропии превратить все в однородное месиво. Мы живем в тотально поврежденном, искореженном мире, в изломанной цивилизации, где все пропорции искажены. У нее сломан становой хребет – вертикаль, представления об иерархиях высшего. И умное напряжение необходимо для того, чтобы восстановить пропорции интеллектуально стройного, иерархического мира, идеальная модель которого описана Платоном и платониками» [7].

Источники иллюзий философов следует искать в их специфической жизни: «Даша родилась, была воспитана и сложилась как личность в семье философов. С пеленок мы учили ее мыслить, и повзрослев, она выбрала философию, стихию мысли, своей судьбой». А судьба философов известна в истории: «Люди нередко боятся ума, как огня. В свое время городские обыватели Афин казнили Сократа, жители Александрии убили Гипатию. Сегодня управляющие элиты мира так же оголтело чураются свободной содержательной мысли. Действительно, в современном мире орбиты мышления постепенно все больше сужаются, „большие нарративы“ подвергаются уничижительной критике, занятия философией намеренно превращаются в технический разбор микроскопических деталей. Никаких обобщений

не позволено. И разумеется, первой мишенью этой эпистемологической политики раздробления стали глобальные обобщения Платона и платоников» [7]. Согласимся, что философы подвергаются гонениям, но те философы, которые предлагают иллюзорные идеалистические картины мира, зовут общество в сословное прошлое и должны если не критиковаться, то не обсуждаться.

Но Институт стоит как скала, и он все еще в руках представителей Фонда Д. Сороса. Н. Мелетьева бессильно вопрошает: «Сегодня мы наблюдаем первые за долгие десятилетия прорывы парадоксального вторжения мифа, истории, философии, Традиции, религии на территорию политологии и международных отношений, последние лет пятьдесят осваиваемой лишь прагматическим, сухим, калькулирующим рассудком. И напротив, мы не можем не заметить обидный неприход глубокой мысли туда, где она должна была бы быть, где она жизненно востребована до сих пор. Совершенно непонятно, почему такие структуры как Институт Философии всё ещё в руках постмодернистского врага. И эту крепость еще не взята, в отличие от „Азовстали» [7].

Не владеющий марксизмом и диалектикой не способен ответить на все заданные Н. Мелетьевой вопросы. Вопросы тем не менее заданы правильно и это уже половина пути к ответу. В свое время мы уже давали ответы на эти вопросы и это было еще в СССР, в социалистическом Свердловске [9]. Впрочем, и автора никто не услышал, хотя гонений не последовало, они начались через год, когда автор публично не согласился с буржуазным переворотом и уничтожением СССР.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., М.: ГИПЛ. 1961. т. 21. – 745 с.
2. Зиновьев Г. Е. Н. Ленин: Владимир Ильич Ульянов: очерки жизни и деятельности. – Пг.: Гос. изд-во, 1922. – 70 с.
3. Майсурян А. А. Другой Ленин – М.: Вагриус. 2006. – 480 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1969. т. 26. – 590 с.
5. Ленин В. И. Биография. М.: Политиздат, 1987. т. 1. – 401 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза/Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат. 1982.– 784 с.

ГЛАВА 3. ВАРИАНТЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

7. Мелентьева Н. Дарья Дугина: нам нужна революция духа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/dar_ya_dugina_nam_nuzhna_revoljucija_duha

8. Некрасов С. Н. К критике теорий «дискурсии власти» и «власти дискурсии» // Вопросы философии. № 9, 1987. с. 141–150.

9. Некрасов С. Н. Социальный прогресс и проблема фетишизма. Постструктуралистская семиология фетишизма и марксистское обществознание. Свердловск, 1989. – 196 с.

Глава 4. БОЛЬШЕВИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ

4.1. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРИАЛИЗМА В БОЛЬШЕВИЗМЕ

Мы можем высказать предположение о двух моделях империализма в большевистской партии и двух пониманиях империализма. Таковы теории империализма В. И. Ленина и Н. И. Бухарина: картины капиталистического хозяйства тут различаются. Бухаринское понимание империализма как политики финансового капитала узко. Ленинская трактовка военного государства как государственно-монополистического капитализма и процесс перерастания капитализма в высшую планомерную форму, канун социалистической революции. В. И. Ленин предложил использовать механизм «государственно-монополистического капитализма» для перехода к социализму, но с точки зрения концепции социализма Н. И. Бухарина, этот путь не является путем к социализму. Историческая практика показала, что путь В. И. Ленина оказался выходом из кризиса и путем построения социализма после взятия власти пролетариатом под руководством революционной партии.

Японский историк Харуки Вада пишет о сложной эволюции концепции империализма в большевистской партии. Мы можем даже высказать предположение о наличии двух моделей империализма в большевистской партии, о двух разных пониманиях империализма в партии. На наш взгляд, речь идет о разных и не совпадающих между собой разработках теории империализма В. И. Лениным и Н. И. Бухариным – двумя ведущими идеологами партии. Харуки Вада подчеркивает: «В конце 1915 года Ленин, по просьбе Петроградского издательства „Парус“ (это издательство М. Горького), наконец решил написать свою книгу „Империализм“ для серии „Европа перед войной и в войне“. С середины января 1916 года он начал думать над планом книги и в феврале переехал в Цюрих, для того чтобы читать систематически книги и другие материалы по теме» [1, с. 184].

Он начал писать книгу весной и окончил работу 19 июня (2 июля – нов. ст.) 1916 г. Как явствует из предисловия к французскому и немецкому изданиям 1924 года, В. И. Ленин намеревался в этой книге «показать по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была итоговая картина всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистической войны» [2, с. 303].

Но в одиннадцати тетрадях, содержащих подготовительные материалы для книги В. И. Ленина, не было записей о работе Н. И. Бухарина. Более того, имя Н. И. Бухарина не было названо в книге среди пионеров-исследователей империализма – в отличие от Й. Гобсона, Гильфердинга и К. Каутского. Но поскольку именно Н. И. Бухарин занимался империализмом, можно сделать предположение о том, что две концепции империализма не сошлись, а разошлись. Известно, что В. И. Ленин не поддержал бухаринскую концепцию «государственно-капиталистического треста» и остался безразличен к его «государственному капитализму». Исторически В. И. Ленин определил империализм как «высший этап» капитализма и в то же время как систему «паразитизма и загнивания капитализма». Итоговая картина капиталистического хозяйства у В. И. Ленина и у Н. И. Бухарина вырисовывалась по-разному.

Однако партийная литература и учебники по истории партии утверждали, что «В. И. Ленин первым из марксистов дал глубокий анализ новой эпохи, развил учение Маркса и Энгельса о социалистической революции. В 1916 году он написал работу „Империализм, как высшая стадия капитализма“. Анализируя огромный конкретно-исторический материал, Ленин пришел к выводу, что к началу XX века капитализм перерос в новую стадию – в империализм» [3, с. 172].

Действительно, «Империализм, – писал он, – есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [2, с. 387]. «Империализм есть канун социальной революции пролетариата» именно так интегрально характеризовал В. И. Ленин последнюю стадию капитализма [2, с. 308]. В письме к Г. Е. Зиновье-

ву В. И. Ленин показал несогласие с позицией Н. И. Бухарина: «Статья Бухарина безусловно не годна. Ни тени „теории империалистического государства“ нет. Есть сводка данных о росте государственного капитализма, и только. Заполнять этим легальнейшим материалом нелегальный журнал – абсурд. Надо отклонить (архи-вежливо, обещав всякое содействие легальному помещению)». Ленин сам дописал к этому параграфу следующее примечание. «Приватно, от себя, я добавлю Бухарину совет: изменить заглавие и оставить одну экономическую часть. Ибо политическая совсем переделана, недодумана, никчемна» [4, с. 287].

Сам Н. И. Бухарин в докладе на торжественном заседании Коммунистической академии «Ленин как марксист», то есть уже после кончины В. И. Ленина, 17 февраля 1924 г. отмечал, что вопрос об империализме – это главное и новое, что внес В. И. Ленин. Он говорил – «Вы не можете назвать из области теоретических работ, касающихся империализма, ни одной такой работы, которая была бы так *актуальна*, как работа В. И., потому что там буквально всякое теоретическое положение и цифровые иллюстрации этих теоретических положений связаны с теми практически-политическими выводами, которые из них В. И. делает. Перед нами простой анализ, теоретический анализ определенной эпохи: этот анализ взят под таким углом зрения. Что совершенно ясно, сразу намечаются те пути, по которым рабочий класс должен идти в связи с развитием господствующего класса, в связи с развитием империализма» [5, с. 69].

В работе 1915 г. «Мировое хозяйство и империализм» его собственное понимание империализма выражено так: «мы определили империализм как политику финансового капитала. Этим самым раскрыто ее функциональное значение. Она является носителем финансово-капиталистической структуры, она подчиняет мир господству финансового капитала, на место старых докапиталистических или старых капиталистических производственных отношений она ставит производственные отношения капитализма» [6, с. 76].

Понимание это достаточно узкое в отличие от ленинского: «Объективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой... Монополистический капитализм перехо-

дит в государственно-монополистический капитализм, общественное регулирование производства и распределения, в силу давления обстоятельств, вводится в ряде стран, некоторые из них переходят к всеобщей трудовой повинности» [7, с. 449].

В речи в защиту резолюции о текущем моменте В. И. Ленин сказал, что «мы имеем военное государство – государственно-монополистический капитализм», и «прямое перерастание капитализма в высшую планомерную форму его» [7, с. 444]. В самой резолюции были названы такие практически назревшие шаги к социализму, как национализация земли, государственный контроль за всеми банками, страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами и всеобщая трудовая повинность.

В. И. Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» писал: «А что такое государство? Это организация господствующего класса, – например, в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют „военным социализмом“, на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов.

Ну, а попробуйте-ка подставить вместо юнкерски-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства государство революционно-демократическое, т. е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!» [8, с. 191]. Автор заключает: «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией.

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от монополий (а война удесятерила их число, роль и значение) вперед идти нельзя, не идя к социализму» [8, с. 192].

Историк Харуки Вада подтверждает нашу версию о двух моделях империализма в большевистской партии, когда пишет: «В мировой войне, потребовавшей от воюющих держав мобилизации и напряжения всех сил и охватившей политику, экономику, общество и культуру

этих стран, российское царское государство не выдержало испытаний и потерпело полный крах. В условиях кризиса, вызванного развалом государства, революционная власть была вынуждена пойти по пути восстановления сильной власти и введения эффективного государственного регулирования. В этой обстановке Ленин предложил использовать механизм „государственно-монополистического капитализма“ для перехода к социализму. С точки зрения концепции Бухарина о социализме, этот путь не является путем к социализму. Но надо признать, что путь Ленина оказался действительно путем к выходу из кризиса. В эпоху, на которую Бухарин взирал неподвижно от страха, Ленин двинулся решительно, исполненный надежд. Этот путь вел к другому варианту „Нового Левиафана“, нарисованного Бухариным» [1, с. 201]. Историческая практика показала, что ленинский путь оказался выходом из кризиса и путем построения социализма после взятия власти пролетариатом под руководством революционной партии.

Список использованной литературы

1. Вада Харуки. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1969. т. 27. – 643 с.
3. История Коммунистической партии Советского Союза/Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1982. – 784 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1970. т. 49. – 706 с.
5. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. – 499 с.
6. Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. – 512 с.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1969. т. 31. – 671 с.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1969. т. 34. – 584 с.

4.2. РОЖДЕНИЕ БУХАРИНИЗМА КАК НЕ-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА И ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

С началом Первой мировой войны пролетарский интернационализм отступил перед национализмом воюющих стран, и по итогам краха II Интернационала социалистов возникла идея III Коммунистического Интернационала. Война вызвала разногласия между Н. И. Бухариным и В. И. Лениным. Империалистическая война и предательство II Интернационала подтолкнули к созданию марксизма-ленинизма. Практически одновременно Н. И. Бухарин создает бухаринизм, а В. И. Ленин создает ленинизм. Бухаринизм был направлен против «ультраимпериализма» К. Каутского. Н. И. Бухарин ужасался мощью капиталистического государства – «нового Левиафана». Такая позиция для партии в революции была непродуктивной, но она вписывалась в культурно-пропагандистскую деятельность победившего социализма. Новая теоретическая позиция бухаринизма входила в серьезные противоречия с теорией революции ленинизма.

Американский исследователь биографии Н. И. Бухарина, С. Коэн пишет: «Война оказала решающее влияние на историю большевизма. В конечном итоге она вызвала падение царского режима и подготовила почву для победы партии в 1917 г. Поначалу же она резко противопоставила выступавших против войны большевиков широкой ассоциации социал-демократических партий, известной как II Интернационал, подавляющее большинство членов которого проголосовали за поддержку своих правительств в надвигавшейся войне. Когда эмоциональный пролетарский интернационализм, который давал социалистам ощущение единства, отступил перед национализмом воюющих стран, родилась идея III Интернационала, осуществленная четыре года спустя. Для большевиков, которые, подобно Бухарину, считали себя европейскими социал-демократами и последователями передового марксизма Австрии и Германии, „предательство“ социал-демократов было „величайшей трагедией... жизни“. После этого значительная часть большевиков западной ориентации, таких, как Бухарин, стала более сектантской в своих взглядах и менее склонной искать идеологические и политические образцы за пределами русского большевизма» [1, с. 48].

Война определила и целый этап в длительной истории разногласий между Бухариным и Лениным [1, с. 48–49]. Автор обратил внимание на особенности ориентации тех большевиков, которые «считали себя европейскими социал-демократами и последователями передового марксизма Австрии и Германии». Но мы знаем, что и сам В. И. Ленин был в шоке от предательства западных социал-демократов.

Н. К. Крупская писала в воспоминаниях, что вернувшийся из Парижа Г. В. Плеханов выступал в Женеве и собирается читать реферат в Лозанне об отношении к войне. В. И. Ленин «верил и не верил, что Плеханов стал оборонцем», а потому он пришел на это чтение в зале с преимущественным составом меньшевиков среди слушателей: «С первой частью реферата, где Плеханов крыл немцев, Ильич был согласен и аплодировал Плеханову. Во второй части Плеханов развивал оборонческую точку зрения. Уже не могло быть места никаким сомнениям. Записался говорить один Ильич, никто больше не записался. С кружкой пива в руках подошел он к столу. Говорил он спокойно, и только бледность лица выдавала его волнение. Ильич говорил о том, что разразившаяся война не случайность, что она подготовлена всем характером развития буржуазного общества. Международные конгрессы – Штутгартский, Копенгагенский, Базельский – определили, каково должно быть отношение социалистов к предстоящей войне. Только тогда социал-демократы исполняют свой долг, когда борются с шовинистическим угаром своей страны. Надо превратить начавшуюся войну в решительное столкновение пролетариата с правящими классами.

У Ильича было только десять минут. Он сказал лишь основное. Плеханов с обычными остротами возражал ему. Меньшевики – их было подавляющее большинство – бешено аплодировали ему. Создалось впечатление, что Плеханов победил» [2, с. 247].

Получается, что В. И. Ленин был первым большевиком, который став марксистом на русской почве, перешел на этой русской почве на позиции передового марксизма, который впоследствии получил название «ленинизм». Именно империалистическая война и предательство II Интернационала подтолкнули к созданию марксизма-ленинизма.

Н. К. Крупская далее сообщает, что «14 октября, через три дня, – в том же помещении, где читал доклад Плеханов – в Maison du Peuple

(в Народном доме), – был назначен доклад Ильича. Зал был битком набит. Доклад вышел очень удачным, Ильич был в приподнятом, боевом настроении. Он развил полностью свой взгляд на войну как на войну империалистскую» [2, с. 247].

Далее она уточнила результаты отстаивания Ильичом такой принципиальной точки зрения: «Реферат Ильича имел громадный успех. Тот же реферат „Пролетариат и война“ он читал в Женеве» [2, с. 248].

Получается, что именно осенью 1914 г. родился в полном объеме ленинизм и идея нового Коммунистического интернационала. Н. К. Крупская делает ценные свидетельства о движении партии и идей большевизма в этом направлении: «В конце октября Ильич опять поехал с рефератами сначала в Монтре, потом в Цюрих. В Цюрихе на его реферате выступал Троцкий, который возмущался, что Ильич называл Каутского „предателем“. А Ильич нарочно ставил очень остро все вопросы, чтобы создать ясность в отношении того, кто какую линию занимает. Борьба с оборонцами шла во-всю. Борьба, которая шла, не носила внутривнутрипартийного характера, касалась не только русских дел, она носила международный характер. „II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом“, – утверждал Владимир Ильич. Надо было собирать силы для нового, для III Интернационала, очищенного от оппортунизма» [2, с. 249].

А чем занимался Н. И. Бухарин в это время? Он прибыл в Стокгольм. С. Коэн сообщает: «Он поселился здесь, чтобы закончить свою книгу „Мировое хозяйство и империализм“ (она была завершена осенью 1915 г., но полностью не опубликована до 1918 г.) и затем начать переосмысление марксистской теории государства. Этими двумя работами он сделал вклад в новую большевистскую идеологию, и они определяют его главные достижения в период эмиграции.

Работа „Мировое хозяйство и империализм“ в гораздо большей степени, чем ранняя книга о маргинализме, может считаться первым и наиболее значительным изложением совокупности взаимосвязанных идей, которые, собственно говоря, можно назвать „бухаринизмом“. Впервые Бухарин выдвигает концепции и темы, которые в той или иной форме появятся в его размышлениях о внутренних и международных проблемах в последующие двадцать лет. Маленькая книжка содержит теоретические послышки, которые повлияют на его политическую линию лидера левых и правых большевиков.

Книга явилась вехой и в другом смысле – это было первое систематизированное объяснение империализма большевиком. Эта работа на несколько месяцев предвосхитила более знаменитую ленинскую „Империализм, как высшая стадия капитализма“, причем Ленин многое почерпнул из нее» [1, с. 52]. Н. И. Бухарин создает бухаринизм, В. И. Ленин создает ленинизм.

Ленинизм победил и в партии, и в истории – он нам прекрасно знаком. А каково было содержание новорожденного бухаринизма? Поскольку С. Коэн вводит это понятие, следует обратиться к нему за уточнением и аргументацией. Он описывает книгу, в которой и содержится ядро нового, но исторически не оправдавшего себя учения так: «Книга была оригинальна не столько отдельными своими положениями, сколько методом, который применил Бухарин, распространив существующий марксистский анализ на природу современного капитализма. Глубокие изменения капитализма после смерти Маркса, его громадный рост внутри стран и экспансионистская политика ведущих капиталистических держав за рубежом изучались и обсуждались марксистами более десяти лет. Большинство из них соглашались, что Маркс в лучшем случае только намекал на эти новые явления; теперь капитализм, к сожалению, стал абсолютно непохож на классическую систему свободного предпринимательства, которая анализировалась в „Капитале“. Многообразная литература, приложившая марксистские теории и прогнозы к развитию современного капитализма, существовала уже к 1915 г. Бухарин, как он охотно признавал, многое почерпнул из нее, но его отправной точкой и источником вдохновения послужила работа Гильфердинга „Финансовый капитал“, опубликованная в 1910 г. и сразу получившая признание как книга, оплодотворившая марксистскую мысль.

Бухарин воспользовался теорией империализма Гильфердинга, но с намерением ее обновить и придать ей значительно более радикальный характер. Бухарин тоже определял империализм как политику финансового капитализма» [1, с. 53].

Это определение в отличие от ленинского крайне узко и чисто функционально. Оно не дало понимания сути войны, а значит и не позволило понять политику пролетариата и его партии. Убежденность его, что в эпоху империализма войны неизбежны была направлена против фантазий европейских социал-демократов, будто империали-

стические нации могут существовать без войн и дальнейшей стадии капиталистического развития будет присуща мирная организация мировой экономики – или «ультраимпериализм» по К. Каутскому.

Н. И. Бухарин, побивающий К. Каутского в вопросе об ультраимпериализме, – это слишком мало для мировой революции. Признание войн, а не малых территориальных захватов при империализме ничего не дает в части выработки стратегии выхода из империалистических войн. Однако внимание Н. И. Бухарина к новой интервенционистской роли государства обращает внимание на то, что государство перестает быть простым политическим инструментом правящего класса, арбитром рыночной конкуренции между группами буржуазии. Н. И. Бухарина занимает в первую очередь мощь нового государства, которое В. И. Ленина не поражала.

С. Коэн так излагает эмоциональное восприятие Н. И. Бухариным государства: «Оно стало в действительности, через посредство финансового капитала, прямым организатором и собственником в экономике, „крупнейшим пайщиком государственно-капиталистического треста“, его „вышей и всеобъемлющей организационной инстанцией“. Исполинская, почти чудовищная мощь нового буржуазного государства произвела на Бухарина настолько сильное впечатление, что он, закончив книгу „Мировое хозяйство и империализм“, сразу же пишет большую статью, озаглавленную „К теории империалистического государства“. Завершенная в июле 1916 г., она была, по существу, продолжением его книги» [2, с. 55]. И до трагического конца своей жизни Н. И. Бухарин ужасался мощью новой «железной пяты» капиталистического государства. Он называл его «новым Левиафаном». Такая позиция для партии и коммунистического правительства была непродуктивной, но она вполне вписывалась в культурно-пропагандистскую деятельность победившего социализма. Однако надо было еще прийти к власти и построить социализм. А для этого бухаринизм не годился.

Новая теоретическая позиция бухаринизма входила в серьезные противоречия с теорией революции ленинизма. Она становилась неленинским большевизмом. Прежде уже была такая опасность со стороны группы А. А. Богданова, но она была теоретически разгромлена. А. Ю. Морозова пишет в своем авангардистском исследовании иного большевизма: «Партия и Ленин – близнецы-братья. Кто

более матери-истории ценен? Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин. Эти строки В. В. Маяковский написал в 1925 г. К этому времени усилиями большевистской пропаганды в сознание советских людей было прочно вбито „знание“ о том, что большевистская/коммунистическая партия – это партия В. И. Ленина, который всегда был ее вождем и учителем. Это положение было затем закреплено в „Кратком курсе“, растиражировано в миллионах экземпляров пропагандистских и агитационных брошюр» [3, с. 5]. Тем не менее первый опыт альтернативного большевизма был опасен для выбора путей исторического развития, а от Н. И. Бухарина исходила опасность второго большевизма.

Список использованной литературы

1. Коэн С. Бухарин: политическая биография, 1888–1938. М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1989. – 570 с.
2. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Второе изд. М.: ИПЛ. 1968. – 503 с.
3. Морозова А. Ю. «Неленинский большевизм» А. А. Богданова и «впередовцев»: идеи, альтернативы, практика. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 440 с.

4.3. БУХАРИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО НЕОКАПИТАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Вожди II Интернационала не поняли особенности империалистской эпохи, они видели в империализме историческую случайность — в результате большевики поставили вопрос о государстве вообще и создали новое понимание марксистских взглядов на государство. В основе этого понимания было представление, что каждая эпоха имеет свою специфическую форму государства и империализм как финансовый капитализм (или государственный капитализм) соответствует империалистическому государству. В результате был поставлен вопрос — можно ли в эпоху гражданской войны организовать пролетарское государство в формах старой буржуазной демократии, уже уничтоженной финансовым капиталом? Н. И. Бухарин полагал, что поскольку в мире не существует демократических государств, то на первый план выходит система Советской власти с особой ролью рабочих организаций и профсоюзов в ней. В этой трактовке Советской власти, когда все рабочие организации становятся частями аппарата власти — в ходе дискуссии о профсоюзах — проявилось его первое расхождение с ленинизмом. Второе расхождение — представление империалистического разбойничьего государства, железная организация которого как Новый Левиафан охватывает живое тело общества. В итоге вводится образ «железной пяты» для описания милитаристского государства. Через 100 лет современные постмарксисты-патриоты говорят о наступлении «железной пяты», отказываясь под прикрытием этого устрашающего образа от коммунистической перспективы общества и материалистического понимания истории.

Н. И. Бухарин начинал свою работу «Теория пролетарской диктатуры» словами: «„В конечном счете“ всякая теория имеет практические корни. Но если это верно по отношению к любой науке, это „верно в квадрате“ по отношению к общественным наукам. Они являются направляющей всем видимой двигательной силой, и тут особенно ярко сказывается положение Маркса, что „и теория становится силой, если она овладевает массами“.

Но, чтобы теория двигала массы по правильному пути, нужно, чтобы она сама была правильной теорией. А чтобы она была правильной теорией, для этого она должна удовлетворять некоторым общим „методологическим“ требованиям. Таким требованием для

общественно-теоретических построений является требование историчности» [1, с. 1].

На непонимании историчности и сломался II Интернационал, учитель которого К. Каутский растерялся перед лицом новой эпохи. Н. И. Бухарин пишет: «Каутский абсолютно не понял особенностей империалистской эпохи, ее специфического характера. В империализме он видел лишь историческую случайность, какой-то „грех“ капиталистического развития, патологическое явление, которое можно было излечить заклинаниями и формулами третейских судов и разоружении – формулами, взятыми напрокат у убогого буржуазного пацифизма» [1, с. 1–2]. Большевики со своей стороны были убеждены, что на самом деле наступает эпоха разложения капитализма, за которой непосредственно следует диктатура пролетариата, рождающаяся в муках гражданской войны. Как человек, претендующий на звание «теоретика партии» и бывший «любимцем партии», Н. И. Бухарин предпочитал «глубоко копать» как тогда говорили: «Но для того чтобы понять историческую правомерность диктатуры пролетариата, необходимо, как говорят немцы, „проветилировать“ сперва вопрос о государстве вообще» [1, с. 2].

Далее он подробно разработал свою собственную теорию империализма и государственного капитализма и затем изложил новое революционное понимание марксистских взглядов на государство. Отметим, что он встал на защиту первоначальных представлений классиком марксизма о государстве. Американский биограф Н. И. Бухарина, С. Коэн так понимал мотивацию большевика: «Бухарин пояснял, что необходимо снова повторить эти „старые истины“, потому что социал-демократические ревизионисты сознательно замалчивали или обходили их, стремясь к сотрудничеству с буржуазным государством и переустройству его путем реформ» [2, с. 56].

Н. И. Бухарин полагал, как и В. И. Ленин, что в период Мировой войны произошла теоретическая деградация социалистических партий и их вождей: «Если даже оставаться в плоскости чисто теоретических оценок, можно заметить, какой громадный шаг назад сделали многие „выдающиеся мыслители“ за время войны как раз в этой области». Он говорит – взрослые люди залепетали, как двухлетние ребята. Множество пустых идеалистических пониманий государства не имеют никакого смысла – «Государство же невозможно понять иначе,

как явление социальное. Необходима, следовательно, социологическая теория государства. Такую теорию и дает марксизм» [1, с. 2–3].

С. Коэн излагает эволюцию нового бухаринского понимания государства следующим образом: «В противоположность реформистам Маркс считал государство „не вечным явлением“, но „исторической категорией“, присущей классовому обществу, продуктом классовой борьбы. Бесклассовое коммунистическое общество должно быть, по Марксу, обществом без государства. Между тем, продолжает Бухарин, структура и характер государства отражают изменяющуюся экономическую основу классового общества. Каждая эпоха имеет свою специфическую форму государства: капитализм свободного предпринимательства находит свое выражение в либеральном государстве, не вмешивающемся в экономические отношения; финансовый капитализм (или государственный капитализм) – в империалистическом государстве» [2, с. 56].

Сам Н. И. Бухарин писал: «Наши противники, и в их числе Каутский, толкуют о демократии, как о чем-то существующем. Но это *заведомая ложь*. Сейчас не существует демократических государств. То, что существует сейчас в Европе, Америке и Японии, есть диктатура финансового капитала. Именно это – исходный пункт развития. Следовательно, вопрос должен быть поставлен так: можно ли в эпоху гражданской войны организовать пролетарское государство в формах старой буржуазной демократии, везде и всюду уничтоженной финансовым капиталом?» [1, с. 13].

При всей правильности критики реформистов и верности понимания революции как гражданской войны у Н. И. Бухарина возникает двойное расхождение с ленинизмом: в понимании системы Советской власти и роли профсоюзов в ней. В сущности, знаменитая дискуссия о профсоюзах это расхождение выявила – позиция Н. И. Бухарина была «буферной»: «Совсем иное видим мы в Советской республике. Советы – непосредственная классовая организация. Это – не забронированные учреждения, ибо проведено право отзыва каждого депутата: это – сами массы в лице их выборных, в лице рабочих, солдат и крестьян.

Но дело не только в одних Советах, составляющих, так сказать, верхушку всего государственного аппарата. Нет, все рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой

организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих – важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении экономической диктатуры – Высшем совете народного хозяйства, фактически ведущие работу Комиссариата труда; фабрично-заводские комитеты – нижние ячейки государственного регулирования; комитеты деревенской бедноты – один из важнейших органов местной власти и в то же время распределительного аппарата страны; рабочие кооперативы – точно так же ячейки этого последнего. Все они принимают участие в выработке всяческих проектов, решений, постановлений, которые потом проходят через центральный аппарат – Центральный Исполнительный Комитет или Совет Народных Комиссаров» [1, с. 20–21].

Второе расхождение касалось понимание государства при империализме. С. Коэн так описывает его позицию: «Современное государство отличается от предыдущих форм государства своей колоссальной экономической мощью. Повторяя свою теорию возникновения „государственного капиталистического треста“, Бухарин, опираясь на факты (Германия во время войны послужила ему главным примером), описывает такое развитие государства, в результате которого оно проникает во все сферы экономической жизни, регулируя и милитаризируя всю экономику» [2, с. 56].

Далее С. Коэн отмечает: «Сосредоточив свое внимание на экономических аспектах „государствления“, и особенно на слиянии воедино в буржуазном обществе политических и экономических функций, Бухарин в то же время подчеркивает, что государство, как бы охватившее безудержной алчностью, протягивает свои организационные щупальца во все сферы общественной жизни. Разграничение между государством и обществом систематически сводится на нет; „можно даже с известным правом сказать, что нет ни одного уголка общественной жизни, который буржуазия оставила бы совершенно не организованным“. Все прочие общественные организации постепенно становятся только „частями гигантского государственного механизма“, покуда не останется оно одно, всеядное и всемогущее» [2, с. 57].

Получается, что Бухарин рисовал кошмарную картину того, как вырастает законченный тип современного империалистического раз-

бойничьего государства, железная организация, которая охватывает своими цепкими загребистыми лапами живое тело общества. Это Новый Левиафан, перед которым фантазия Т. Гоббса кажется наивной.

Концепция национального неокapитализма как государственного капитализма составляла ядро бухаринской теории империализма. Государственные капитализмы отдельных стран как Левиафаны сражаются на международной арене. От образа нового Левиафана Н. И. Бухарин перешел к образу «железной пяты» из одноименной повести Д. Лондона для описания милитаристского государства. Современные постмарксисты-социальные патриоты постоянно говорят о «железной пяте», отказываясь под прикрытием этого образа от коммунистической перспективы общества и материалистического понимания истории.

Так, ведущий левый историк-публицист и интеллигент патриотического лагеря России А. И. Фурсов в книге с названием «Колокола истории», подводящим итоги истории, пишет о закате марксизма и всякой идеологии: «Марксизм – составная часть идейной и интеллектуальной традиции Запада, капиталистического общества. Он – элемент треугольника „консерватизм – либерализм – социализм (марксизм)“». До тех пор пока будут существовать западная цивилизация и капитализм, будет существовать и марксизм, если не как идеология, то как интеллектуальная традиция. Большинство интеллектуальных прорывов в социальной мысли XX в. так или иначе связано с марксизмом. От этого никуда не уйти, даже если очень хочется. Дав в свое время неплохие (для того времени) результаты в анализе капитализма, марксизм как антикапиталистическая теория, методологически – по части анализа некапиталистических форм – не только не уступает иным интеллектуальным традициям, но и превосходит их. Более того, анализ с помощью марксистской интеллектуальной традиции антикапиталистических и вообще некапиталистических форм, включая сам марксизм как идеологию и практику, позволяет понять в этих формах то, что либеральные схемы неспособны объяснить в силу своей капиталоцентричности. Помимо прочего, эти процедуры способствуют вытеснению идеологического содержания из марксистской традиции.

Я думаю, это вообще единственно возможный путь борьбы с марксизмом в частности и с идеологией вообще. Только либеральная ин-

теллектуальная традиция способна окончательно подорвать либерализм как идеологию; только консервативная – консерватизм. Таким образом, окончательная, положительная деидеологизация современного знания и мира требует, во-первых, обособления интеллектуальных традиций от идеологии; во-вторых, объединения этих традиций на единой основе, которая будет лежать вне каждой из указанных идеологий и в то же время не будет чуждой их традициям мысли, напротив, будет общей и объединит их. Создание такой идеологии, которое и есть задача „номер один“ Севера в противостоянии Югу, биосфере и самому себе, становится необходимым условием побед в XXI в.» [3, с. 7]. Эти выводы у автора вытекают из слепого принятия ужаса непобедимой «железной пяты», наступившей на лицо человечества. Но все дело в том, что этот образ ненаучен и приводит к мистифицированному пониманию истории. По меньшей мере, к идеалистическому пониманию истории.

Приведем образец такого идеализма из той же книги: «„Даешь капитализацию в мировом масштабе!“, „Все нынешнее поколение превратится в средний класс!“. Вот два других квинт-эссенциальных лозунга. Лозунги эти, как и вера в торжество капитализма, были многократно усилены эйфорией по поводу победы США над Ираком. Здесь не место оспаривать эти лозунги-тезисы и снимать восторги по поводу американской победы в Заливе, хотя массовый средний класс – это на самом деле массовая беднота; массовый капитализм – это грошовый капитализм, „капитализм“ кули; военная победа американцев обернулась целым рядом политических проблем, Саддам Хусейн не смотрится проигравшим и т. д. Но в данном случае интереснее другое: на чем основано убеждение в том, что падение коммунизма открывает путь в капитализм и светлое будущее, точнее, в том, что капитализм становится светлым будущим – реальным, зримым и самое главное – материальным?

Основа эта очень проста: жесткая дихотомия „коммунизм – капитализм“, жесткое противопоставление двух этих начал по манихейскому принципу „или – или“; борьба между ними – это борьба Света и Тьмы, Добра и Зла (знаки расставляются в зависимости от политической позиции). А потому, если коммунизм потерпел поражение, то это автоматически победа капитализма. При этом капитализм

и коммунизм автоматически рассматриваются как автономные, равновеликие системы, вырастающие из разных корней.

А что, если это не так? Если капитализм – двуликий Янус? Если коммунизм – специфическое проявление капитализма, его мировая некапиталистическая зона и подпорка одновременно? Тогда крушение коммунизма – это не победа капитализма, а его метаисторическое поражение, первый стук Судьбы в его дверь. Стук Судьбы из Пятой симфонии Бетховена. Но ведь есть и Реквием Моцарта» [3, с. 3].

Лучшее, что мы можем через столетие сказать о взглядах А. И. Фурсова и иных некоммунистах-патриотах, это повторить слова В. И. Ленина о Н. И. Бухарине в письме к съезду: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [4, с. 345].

Список использованной литературы

1. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. – 499 с.
2. Коэн С. Бухарин: политическая биография, 1888–1938. – М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1989. – 570 с.
3. Фурсов А. И. Колокола истории. М.: ИНИОН РАН, 1996. – 1996. – 461 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 45. – 729 с.

4.4. СИЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ И МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Материал контент-анализа и дискурс-анализа четырех стратегических выступлений И. В. Сталина дает обильную пищу для размышлений и выводов. В последний год войны ключом победы было определено — держать Германию в тисках между двумя фронтами. Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и армии великую и непреодолимую силу. Советский народ стяжал славу героического народа-патриота. Сила советского патриотизма в том, что он имел своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа Советской Родине. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Лозунг «За нашу Советскую Родину!» шел рука об руку с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Западные историки говорят о доктрине Сталина — «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается» — но на самом деле народы СССР всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. Уроки Великой Отечественной войны до сих пор служат грозным предостережением для любителей военных авантур и поджигателей мировой войны.

Автору пришлось провести самый простой поиск истины в контексте понимания нашими предками природы и источников силы советского социалистического строя как источников победы в мировой войне — автор взял неизданный при жизни Верховного главнокомандующего пятнадцатый том сочинений И. В. Сталина. Этот том, как говорит его редактор Р. И. Косолапов, был написан «на коленке» в эпоху ельцинского беспредела. При сравнении речей и приказов эпохи Великой войны за четыре военных года мы получаем уникальный для аналитики материал. Выступления на самых важных мероприятиях периода войны с точки зрения идеологической, культурной и мировоззренческой оказываются уникальными для прояснения динамики целостной позиции правящей партии и правительства. Съезды партии в войну прервались, выступления по общим вопросам были заменены поручениями, распоряжениями и короткими приказами оперативного и стратегического звучания: ими наполнен весь пятнадцатый том. Но уже материал контент-анализа и дискурс-анализа четырех стратегических выступлений И. В. Сталина дает обильную

пищу для размышлений и выводов. Осталось уточнить детали. Позиции противника были значительно слабее и достаточно только посмотреть запись застольных бесед Гитлера [1].

6 ноября 1944 г. в Докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы И. В. Сталин формулирует ключ победы: «Задача состоит в том, чтобы держать Германию и впредь в тисках между двумя фронтами. В этом ключ победы» [2, с. 195]. Но далее речь идет о великом подвиге советского народа: «Если Красная Армия смогла успешно выполнить свой долг перед Родиной и изгнала немцев из пределов Советской земли, то она сделала это благодаря тому, что ее беззаветно поддерживала с тыла вся наша страна, все народы нашей страны. Самоотверженная работа всех советских людей – рабочих, крестьян, интеллигенции, равно как руководящая деятельность наших государственных и партийных органов, проходила в истекшем году под знаменем „все для фронта“.

И. В. Сталин подчеркивает: „Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреборимую силу. Советское государство, несмотря на тяжелое бремя войны, несмотря на временную оккупацию немцами весьма больших и экономически важных районов страны, в ходе войны не сокращало, а год от года увеличивало снабжение фронта вооружением и боеприпасами. Теперь Красная Армия имеет танков, орудий, самолетов не меньше, а больше, чем немецкая армия. Что касается качества нашей боевой техники, то в этом отношении она намного превосходит вооружение врага. Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом. Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспремерные трудности нынешней войны не сломили, а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа“» [2, с. 196].

И. В. Сталин утверждает: «Наш рабочий класс отдает все свои силы для дела победы, непрестанно совершенствует технику производства,

увеличивает мощность промышленных предприятий, воздвигает новые фабрики и заводы. Рабочий класс Советского Союза совершил великий трудовой подвиг в нынешней войне.

Наша интеллигенция смело идет по пути новаторства в области техники и культуры, успешно развивает современную науку, творчески применяет ее достижения в производстве вооружения для Красной Армии. Советская интеллигенция своим созидательным трудом внесла неоценимый вклад в дело разгрома врага.

Армия не может воевать и побеждать без современного вооружения. Но она не может также воевать и побеждать без хлеба, без продовольствия. Красная Армия на четвертом году войны благодаря заботам колхозного крестьянства не испытывает недостатка в продовольствии. Колхозники и колхозницы снабжают рабочих и интеллигенцию продовольствием, а промышленность сырьем, обеспечивают нормальную работу заводов и фабрик, изготовляющих вооружение и снаряжение для фронта. Наше колхозное крестьянство активно и с полным сознанием своего долга перед Родиной содействует Красной Армии в достижении победы над врагом.

Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин и нашей славной молодежи, вынесшей на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Во имя чести и независимости Родины советские женщины, юноши и девушки проявляют доблесть и героизм на фронте труда. Они оказались достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищающих Родину от немецко-фашистских извергов.

Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм.

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью.

В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза» [2, с.197].

Лозунг «За нашу Советскую Родину» шел рука об руку с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Западные историки говорят о доктрине Сталина – «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», но на самом деле все обстояло по-иному. Сам И. В. Сталин пояснял это так: «В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами.

Советские люди ненавидят немецких захватчиков не потому, что они люди чужой нации, а потому, что они принесли нашему народу и всем свободолюбивым народам неисчислимые бедствия и страдания. В нашем народе издавна говорят – „Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что он овцу съел“.

Немецкие фашисты избрали своим идеологическим оружием человеконенавистническую расовую теорию в расчете на то, что проповедь звериного национализма создаст морально-политические предпосылки господства немецких захватчиков над поработченными народами. Однако политика расовой ненависти, проводимая гитлеровцами, стала на деле источником внутренней слабости и внешнеполитической изоляции немецко-фашистского государства. Идеология и политика расовой ненависти являются одним из факторов развала гитлеровского разбойничьего блока.

Нельзя считать случайностью тот факт, что против немецких империалистов поднялись не только поработченные народы Франции, Югославии, Польши, Чехословакии, Греции, Бельгии, Дании, Норвегии, Голландии, но и бывшие вассалы Гитлера – итальянцы, румыны, финны, болгары. Гитлеровская клика своей людоедской политикой восстановила против Германии все народы мира, а так называемая «избранная немецкая раса» стала предметом всеобщей ненависти.

В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев.

Теперь, когда Отечественная война идет к победоносному концу, во всем величии встает историческая роль советского народа. Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества» [2, с. 198].

После Победы И. В. Сталин поднял два великих тоста. Так, после парада Победы он сказал:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!» [2, с. 228].

А 27 июня того же года он произнес: «Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало

и звание незавидное. За людей, которых считают „винтиками“ великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо „винтик“ разладился – и кончено. Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за „винтики“, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей» [2, с. 323].

В августе 1945 г. мы победили императорскую милитаристскую Японию. С детства автор помнит разговоры о том, что мира с самураями еще нет. Но Победа над ними была и есть. И мы помним это, учитывая принятый ГД РФ в 2023 г. закон о восстановлении Дня победы над милитаристской Японией и окончания Второй Мировой войны.

На отцовской медали «За победу над Японией» профиль вождя правый, а на медали «За победу над Германией» – профиль левый. Таким было сталинское воплощение двуглавого орла в 1945 г. после Второй Мировой войны. Начало Третьей мировой войны (по определению Папы римского) в 2013 г. ставит заново вопрос об источниках победы той или иной стороны. А Папа Римский сказал, что война уже началась: «На траурной мессе в память о ветеранах Первой мировой войны, которая прошла на мемориальном кладбище в Редипулья на северо-востоке Италии, Папа Римский Франциск произнес речь, явно не внушившую оптимизма верующим. Понтифик заявил, что Третья мировая война уже началась» [3]. В сообщениях это звучит так: «Война – это безумие! Войны уничтожают надежды и чаяния поколений. Третья мировая война уже началась, частично», – цитирует слова Франциска агентство ИТАР-ТАСС [3].

Начало и развитие войны на протяжении девяти лет обостряет вопрос о необходимости использования мобилизационного опыта социалистического общества и идеологических источников победы социалистического строя в мировом столкновении. Напомним, что дата начала Второй Мировой войны до сих пор является плавающей в работах видных историков. Официальная дата 1 сентября 1939 г.

подвергается сомнению и часто относится к началу войны в Испании 1936–1939 гг. или к японскому вторжению в Манчжурию в 1931 г. [4]. Иногда началом войны считают ремилитаризацию Рейнской области как хорошо продуманное действие со стороны А. Гитлера и важную часть его плана войны.

Начало и конец любой войны, в том числе мировой являются лишь продуктами исторической хронологии событий. Главный урок в другом: в роли и векторе движения народных масс. В известном базовом учебнике «История Коммунистической партии Советского Союза» это фиксируется так: «Уроки Великой Отечественной войны, всей второй мировой войны наглядно подтверждают величайшую роль народных масс в процессе исторического развития. Именно благодаря усилиям народных масс, боевой деятельности их авангарда – коммунистических и рабочих партий вторая мировая война из империалистической, какой она была вначале с обеих воюющих сторон, превратилась со стороны антигитлеровской коалиции в справедливую, освободительную войну. Победа Советского Союза над фашистскими агрессорами – это победа советского строя, его Вооруженных Сил над империалистическими захватчиками, претендовавшими на мировое господство. Империалисты рассчитывали, что во второй мировой войне будет уничтожена или непоправимо ослаблена страна социализма. В действительности же огромный урон понесла капиталистическая система. От нее отпал ряд стран Европы и Азии, в которых утвердился народно-демократический строй.

Красная Армия спасла народы Европы от фашистского порабощения, а народы Азии – от гнета японского империализма. В операциях по освобождению зарубежных стран участвовало свыше 7 миллионов советских воинов. Более 1 миллиона из них отдали свою жизнь за их освобождение. Оказав помощь угнетенным народам, советский народ показал на деле свой пролетарский интернационализм, международную солидарность с трудящимися всех стран. Все прогрессивное человечество воочию убедилось, что Советский Союз – стойкий поборник свободного национального развития народов, несокрушимая опора в борьбе за демократию, мир и свободу.

Уроки Великой Отечественной войны служат грозным предостережением для разных любителей военных авантур. Они наглядно подтверждают, что враг, начавший войну против Советской стра-

ны, неизбежно терпит поражение, что силы социализма, прогресса неодолимы, планы империалистических претендентов на мировое господство неосуществимы» [5, с. 514].

Однако великая Победа сняла вопрос о необходимости определения врага и создания образа врага. На съездах коммунистической партии в отчетных докладах ЦК партии съезду еще говорилось об основном противоречии нашей эпохи, а также об основной опасности в рядах международного рабочего и коммунистического движения. Но образ геополитического врага в послевоенные годы под влиянием хрущевской концепции мирного сосуществования стран с различными политическими системами. А. Тюрин пишет в статье «Враг есть. А образа врага нет. Западной системой правит принцип накопления капитала – фактически, машина, голем»: «Образ врага – важнейшая часть западной идеологии. У божьего избранника, носителя свободы и демократии обязан быть враг – исчадие ада, дикарь, полуживотное, раб, тиран, который, криво улыбаясь, источает яд и угнетает всех подряд. И которого приятно и полезно уничтожить (а затем прикарманить ресурсы его страны).

Эта идеология – следствие бинарной логики, лежащей в основе западной цивилизации. Полезный – бесполезный, приносящий доход – снижающий доход, повышающий издержки – снижающий издержки. Отсюда четкое деление на Людей-Плюс и Людей-Минус. Людей-Минус можно приравнивать к зверям или порождениям ада (half devils из известного стихотворения Киплинга), можно истреблять, если они являются помехой для доступа к ресурсам или же снижают стоимость активов. Можно ловить и продавать, использовать как одушевленный инструмент, если они являются пригодным ресурсом. Их земли можно называть terra nullius – ничейные и прибирать к рукам, „отблагодарив“ прежних хозяев бусами и зеркальцами, или просто избавившись от них» [6].

Автор далее уточняет: «Для Людей-Плюс любые переговоры с Людьми-Минус лишь способ добиться выигрыша, когда сил еще недостаточно, чтобы покончить с их сопротивлением. Но едва баланс сил изменится, сделка отправляется в мусорную корзину. К примеру, так было почти со всеми договорами, которые заключал Вашингтон с индейскими племенами. И с СССР/Россией тоже.

Слово „совесть“ не присутствует в понятийном аппарате Людей-Плюс. Полученная выгода и прибыль оправдают любое их преступление, которое можно потом будет замазать потоками вранья про „обретение свободы“ и „борьбу против авторитаризма“. Однако без образа врага это не будет работать» [6]. Получается, что у врага есть наш образ, как врага, а нас нет образа нашего врага. Тут как в анекдоте для детей про мягкое место – слово «ж...», а ж... нет.

Что есть в наших учебниках? И автор вопрошает: «Разве есть в наших учебниках, что культурно-экономический подъем Европы, известный как ренессанс, начался после того, как „христоролюбивые“ рыцари ударно разграбили Восточную Римскую империю, попутно перерезав всех, кто мог им помешать» [6]. Далее сообщается реальная картина того, что оказывается белым пятном в наших учебниках: «Разве есть в наших учебниках, что промышленная революция, просвещение и введение парламентаризма на Западе недвусмысленным образом совпали с колониальным разграблением остального мира, тогда появились деньги для больших инвестиций, манипуляций общественным мнением и подкупа обширного электората. А остальной мир исправно платил за вампирический прогресс Запада, в том числе исчезновением сотен племен, народностей и культур, всех альтернативных вариантов и путей развития. Не очень фигурируют в наших учебниках истории о том, как ради прироста западного капитала истреблялись аборигенные народы и культуры пяти континентов (в том числе и Европы). Полабские славяне, которые были многочисленны ещё перед Тридцатилетней войной, и оставили от себя только топонимы и гидронимы. Ирландцы, которых отправляли „в ад или Коннахт“. Сокращенные на 90 % (с 75 млн до 9 млн чел.) коренные американцы. Уничтоженные на 90 % коренные австралийцы. 12 млн африканцев (да и не только их), которых, по сути, украли и доставили в трюмах „слейверов“ на американские плантации, причем 40 млн погибло при отлове и транспортировке. Уполовиненное население Конго, ставшее жертвой большого каучукового бизнеса. Гибель 10 млн жителей Бенгалии, вскоре после того, как они оказались под властью английской Ост-Индской компании. „Умелое“ правление англичан, сопровождавшееся регулярными вспышками истребительного голода по всему Индостану („равнины Индии белеют костями ткачей“), которые унесли 26 млн жизней только в последнюю четверть просве-

щенного XIX столетия. 45 млн китайцев, которые стали жертвами Опиумных войн, проведенных наркодилерской британской короной, и наступившей затем смуты. (А до прихода западных прогрессоров Индия и Китай давали 60 % мирового производства.)» [6].

Согласимся с автором, что и на пике Великой Отечественной войны у нас все же не было концептуализации образа врага: «Даже в период Великой Отечественной войны Россия не обладала концептуальным образом врага. Уже к концу ВОВ, стоившей нам невиданных в мировой истории потерь, девиз „убей немца“ быстро заместился на „гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается“, как будто дело в одном конкретном злодее. Это связано и с прекрасной мирной религией нашей, православием, согласно которому главные враги человека – его грехи, и лишь грех надо ненавидеть. Потому-то о вражеских нашествиях мы читаем в русских летописях, что они – „за грехи наши“.

Из-за потери цивилизационного смысла и отсутствия образа врага – погиб поздний СССР, несмотря на то, что обладал мощнейшей армией в мире, унеся с собой Большую Россию с огромным количеством достижений наших предков, одарив Запад огромным количеством трофеев; русские стали самым большим разделенным народом. Посмотрите на нашу демографическую пирамиду – периоды приобщения к „общечеловеческим ценностям“ там хорошо видны громадными утратами. Именно в эти периоды наше противостояние с внешним врагом превращалось во внутреннюю войну всех против всех, и кладбища усиленно пополнялись людьми цветущего возраста, потерявших работу и смысл жизни, спившихся, погибших в криминальных разборках. Десять миллионов жизней, самая скромная оценка демографических потерь 90-х.

Враг есть. А образ врага так и не сформировался. Никакая цивилизационная идентичность невозможна без понимания, что есть чужое, враждебное и вредоносное» [6].

Тогда кто же враг? Ответ поражает воображение современников, но мы с ним согласны: «У нас есть враг, чья жизнедеятельность это, по сути, функционирование капитала. Западной системой правит принцип накопления капитала – фактически, машина, голем. На этом уровне нет ни души, ни эмоций. В западной цивилизации и религия, и культура, и социальные институты, и правительства,

и СМИ являются лишь оболочками этого неодоушевленного принципа. Его обслугой являются существа в человеческом облике, а на самом деле периферийные устройства, и души у них столько же, сколько у зомби. Он создал всю историю Запада, начиная от работорговли, пиратства, грабежа колоний, истребления племен и народностей, которые мешали бизнесу, и, кончая корпоратократией, ЛГБТ-движением и трансгендерством. С ним невозможно договориться и мирно сосуществовать» [6].

В духе царской полиции можно прийти еще к одному выводу, что есть и «внутренний враг – скубент, сицилист – тот, кто злоумышляет против царя». Именно такие выражения мы часто встречали в культовой серии советской книг «Пламенные революционеры» Издательства политической литературы. Сегодня возникла другая серия, издаваемая теоретиками правой реакционной мысли – «Пламенные реакционеры».

И вот тут мы видим поворот автора к реакционной мысли, к призыву сплотиться вокруг государя и поддержать внешнюю экспансию и внутреннюю сверхжадность новой российской буржуазии. А. Тюрин пишет в русле такого поворота и открывается как идеолог правых сил: «И у нас есть враг ближний – порождение привилегий и благ, которые мы ему дали за счёт себя. Россия создала или возродила десятки наций. Подбирая их под свое крыло, спасала одних от геноцида и этноцида, других выводила из состояния нищего бесправного быдла, третьим создавала национальные территории. Мы сами приучали созданные национальные элиты брать у Российского государства, не давая ничего взамен, и в итоге создали у них чувство превосходства над нами. Британца в пробковом шлеме его бывшие рабы чтут как господина до сих пор. А нас ненавидят, даже те, кого мы спасли от исчезновения – особенно стараются национальные интеллигенции. Ведь они считают себя частью западной цивилизации, превосходящей нас, „азиатов“. И мы так сами считали» [6].

Получается, что цитируемым автором сформулирован открытый вопрос, на которой в конце статьи дается открытый ответ: «Мы выиграем войну, потому что сейчас даже греф-элиты понимает, что капитулянтские игры закончатся плохо и для неё. Однако выиграв войну, мы можем проиграть мир, как уже бывало в нашей истории. Когда, не закрепив результаты победы, мы давали возможность

врагу восстановить силы, заморочить нам голову, навязать нам свои идеи. Чтобы вероятность этого стала нулевой, надо иметь образ врага. Это фактор национального сознания, который делает невозможным ни капитулянтство, ни потерю исторических земель, ни соглашательство с противником, ни всепрощенчество, за которым стоит сдача национальных интересов.

Если мы имеем образ врага, то мы его уничтожаем без разговоров о „братсконародности“. Должны быть на 100 % могилизированы и те, кто стрелял в русских, и те, кто мучил и убивал „ватников и колорадов“, и те, кто глумился над нашими павшими, даже если понадобится выковыривать врага из всех нор и щелей. Уничтожение врага не должно быть у нас поводом для радости и веселья, но вызывать чувство удовлетворения от хорошо проделанной работы» [6]. Последние абзацы подлежат дальнейшему обсуждению среди левых мыслителей.

Список использованной литературы

1. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1998. – 484 с.
2. Сталин И. В. Сочинения, М.: Писатель, 1997. т. 15. – 244 с.
3. Третья мировая война началась – Папа Римский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/201409131745-2lkz.htm>
4. Сория Ж. Война и революция в Испании, 1936–1939. М.: Прогресс, 1987. т. 2. – 324 с.
5. История Коммунистической партии Советского Союза/Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1982. – 784 с.
6. Тюрин А. Враг есть. А образа врага нет. Западной системой правит принцип накопления капитала – фактически, машина, голем. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/vrag_est_a_obraga_net

4.5. ЛЕГКОСТЬ ПОБЕДЫ РЕВОЛЮЦИИ И МИР КАК УСЛОВИЕ УЧИТЬСЯ ВОЕННОМУ ДЕЛУ НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ

После Октябрьской революции стало понятно, что в Европе революция придет не так скоро, как ждали и не так быстро, как в России. Мучительный период начала социалистических революций имел место в европейских странах и в России: быстро или медленно, но мучительно как роды нового общества. При угрозе гибели революции в войне русская революция была готова принять условия грабительского договора с империалистическими державами. В обстановке, когда европейская революция запоздала, а немецкий империализм наступал было принято решение о тяжелом мире. Империализм уподобляется В. И. Лениным зверю. Современный Запад и НАТО уподобляется президентом России В. В. Путиным образу Шерхана, а в битве с ловким зверем надо ловить момент и пользоваться передышкой. Советская организация масс облегчила передышку и поставила главную задачу учиться военному делу настоящим образом с тем, чтобы привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять.

В. И. Ленин 7 марта 1918 г., то есть через полгода после победы Октябрьской революции на Седьмом экстренном съезде РКП(б) в политическом отчете ЦК съезду партии отмечал, что в Европе революция придет не так скоро, как ждали и все произойдет не так быстро, как это произошло в России: «немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, – когда мы в любой город приходим, провозглашаем Советскую власть, и девять десятых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, – может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит перебраться и до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петрограда до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция

не наступит, – мы погибнем. Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России – стране Николая и Распутина, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там народы на окраинах живут, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило – перышко поднять» [1, с. 15–16].

И далее В. И. Ленин доказывал: «А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, – неправильно, нелепо. Тут мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть, – это вполне возможно, – она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но это нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра, и когда начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет» [1, с. 16].

Выделим использованное очень сильное выражение – «мучительный период начала социалистических революций». Это выражение относится как к европейским странам, так и к России: быстро – мучительно и медленно – мучительно, поскольку все это называется роды нового общества.

Далее в докладе идет негативный прогноз развития революционной войны и вариант поражения революции. Тема поражения революции преследовала и возможность своей гибели В. И. Ленина еще до революции. Так, в записке Л. Б. Каменеву в июле (!) 1917 г. он сообщает исключительно «абсолютно между нами» следующее развитие событий «если меня укокошат»: «Тов. Каменеву. Entre nous: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: „Марксизм о государстве“ (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная.

Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно *entre nous!*» [2, с. 432].

А в докладе 1918 г. вариант убийства всей революции описан следующим образом: «А немецкого хищника мы „на ура“ не возьмем, не скинем, как скинули Керенского, Корнилова. Вот урок, который массы вынесли без оговорок, которые пытались преподнести им некоторые, желающие отделаться от горькой действительности. Сначала сплошное триумфальное шествие в октябре, ноябре, – потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником, русская революция готова принять условия грабительского договора. Да, повороты истории очень тяжелы, – у нас все такие повороты тяжелы» [1, с. 17].

Учитывая, что эти слова легли в основу подготовки будущего «тяжелого и похабного» Брестского мира, то ожидание помощи русской революции со стороны революций западных возникло уже после легкости революции в России и тяжести проведения ее на Западе. В. И. Ленин говорил в начале доклада: «Первые успехи Февральской революции были обусловлены тем, что за пролетариатом шла не только деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом, чего не удалось нам достигнуть в 1905 году. Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в Февральскую революцию повторило опыт 1905 года – нам пришлось провозгласить принцип Советской власти. Массы учились задачам революции из собственного опыта борьбы. События 20–21 апреля – своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания. Этого было достаточно для падения буржуазного правительства. Начинается длительная соглашательская политика, вытекающая из самого существа мелкобуржуазного правительства, ставшего у власти. Июльские события не могли еще осуществить диктатуру пролетариата – массы еще не были подготовлены» [1, с. 3].

У революционеров возникла иллюзия неизбежности Советской власти. Как это получилось? Докладчик сообщает: «Ошибка желавших разделить и в октябре власть – в том, что они не связали октябрьской победы с июльскими днями, наступлением, корниловщиной и т. д.,

и т. д., что подвело многомиллионные массы к сознанию того, что Советская власть стала неизбежна. Далее следует наше триумфальное шествие по всей России, сопутствуемое стремлением всех к миру. Мы знаем, что односторонним отказом от войны мы не получим мира; это указывалось нами еще на Апрельской конференции. Солдаты так ясно осознали в эпоху с апреля по октябрь, что соглашательская политика все затягивает войну, ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами.

Вот на этой почве необходимо было во что бы то ни стало перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. И вот эта политика, этот лозунг „власть Советам“, насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие» [1, с. 4].

В. И. Ленин фиксирует, что несмотря на мирное победное шествие Советской власти, гражданская война стала фактом: «То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны, и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно превращение империалистской войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко» [1, с. 4–5].

Для большевиков бойкот третьей Думы был испытанием революционной фразой, соблазном договора с царизмом и Столыпиным и В. И. Ленин вспоминает об этом так: «Когда в 1907 году мы подписали неслыханно позорный внутренний договор со Столыпиным, когда мы вынуждены были пройти через хлев столыпинской Думы, принимали на себя обязательства, подписывая монархические бумажки, мы переживали то же самое в маленьком масштабе, по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежащие к лучшему авангарду революции, говорили (у них тоже не было тени сомнения в своей правоте):

„Мы – гордые революционеры, мы верим в русскую революцию, мы в легальные столыпинские учреждения никогда не пойдем“. Пойдете. Жизнь масс, история – сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, так вас история заставит. Это были очень левые, от которых при первом повороте истории ничего, как от фракции, кроме дыму, не осталось. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти из этого положения снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась потому, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать. Тут надо уметь отступить» [1, с. 17–18].

Прямо на съезде В. И. Ленин дает блестящие образы столкновения ожиданий творцов истории и самой истории: «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно. Дело происходит так, что гражданская война началась как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что поднимаются пролетарские элементы внутри каждой армии» [1, с. 18–19].

Далее мы встречаемся с образом революции как прекрасной сказки для детей: «Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, – я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция, то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которые история преподнесла» [1, с. 19].

В. И. Ленин заключает: «Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу – организовываться,

дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы – погибший народ и вечно будем лежать в рабстве.

Так, и только так, шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унижительному» [1, с. 23].

В докладе звучит пожелание русскому народу, которое через четверть века актуализировалось в работах И. В. Сталина, прозвучало в его победном тосте за великий русский народ-победитель. У В. И. Ленина это звучало так: «пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне, – и это, может быть, предстоит на днях. Каждый человек должен быть готовым» [1, с. 23–24]. Нам представляется, что в 2023 г. эти слова звучат особенно актуально и не устарели в смысловом отношении.

Империализм уподобляется В. И. Лениным зверю. Современный Запад и НАТО уподобляется президентом России В. В. Путиным образу тигра Шерхана и шакалу Табаки из киплингковского «Маугли». В. И. Ленин учил – в битве с ловким зверем надо ловить момент и пользоваться передышкой: «Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я – оборонец, потому что я стою за подготовку армии – пусть в самом отдаленном тылу, где печат сейчас теперешнюю демобилизованную

больную армию. Мы не знаем, какова будет передышка, – будем пытаться ловить момент» [1, с. 24].

Далее он завершает доклад знаменитой фразой: «Советская организация масс облегчит нашу задачу. Наш лозунг должен быть один – учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война – вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет» [1, с. 26].

В современной России нового демократического выбора начала 90 гг. прошлого столетия от вывода осталась только фраза, которая еще осталась в военных городках в виде лозунга советского времени – «учиться военному делу настоящим образом». Однако важен смысл – учиться порядку, создавать энергию масс, ловить передышку, создавать в тылу новые армии можно при советской организации масс.

А потому и указание, данное в статье «Странное и чудовищное» по поводу заключения Брестского мира, еще более актуально для нас сегодня, поскольку оно сформулировано как заданный в 1918 г. жизненный вопрос активизации энергии народа: «Почему тягчайшие военные поражения в борьбе с колоссами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?» [3, с. 405].

Итальянский исследователь Карпи Гуидо в книге об истории старого марксизма показал эволюцию большевизма в понимании войны: «Суть дела заключается в самой империалистической войне как самоупразднении „загнивающего“ капитализма: войну не следует ни поддерживать, как делают оборонцы, ни критиковать с пацифистскими лозунгами, как большинство участников конференций Циммервальда и Кинталя (24–30 апреля 1916 года), но необходимо качественно из-

менить характер самой войны. Государства-участники войны вынуждены централизовать и планомерно организовывать экономику, вооружать пролетариат и обучать его вооруженной борьбе: значит, рабочая партия должна агитировать за превращение империалистической войны в гражданскую; милитаризованные пролетарии должны захватить власть и переориентировать на социалистический манер плановую экономику, организованную капиталистами для военных целей. Тем не менее в военные годы перспектива скорого перехода к социализму казалась Ленину весьма сомнительной...» [4, с. 180–181].

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 36. – 741 с.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 49. – 706 с.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
4. Гуидо К. История русского марксизма. М.: Common place, 2016. – 344 с.

4.6. ДВА МИРА: КАК КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ПОМОГАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

За год до полного окончания гражданской войны в России были разгромлены интервенты, и выдано неустойчивое равновесие в международных отношениях. В отличие от прямолинейных представлений большевиков реальность оказалась такой, что в мире осталась единственная Советская республика в окружении враждебных империалистических держав. Как могло это получиться? Советская Россия устояла благодаря союзу рабочих и крестьян, и хотя она не получила той быстрой прямой поддержки от трудящихся масс всего мира. Но поддержку не прямую получили настолько, что именно сочувствие трудящихся масс во всем мире было решающей причиной краха нашествий, и союз трудящихся всех стран закреплён, а в республике осуществлён. Другая причина — объективно и помимо воли капиталистов крупная промышленность передовых стран оказывала помощь в деле восстановления нашего хозяйства. Марксов «крот истории» роет так, что все капиталистические страны попали в такое положение, что им переплачивают, но они помогают социалистическому хозяйству. Эти страны грозили столетие назад, не сумев сломать социализм войной, экономической блокадой и разрывом отношений, как и сейчас Запад проводит санкции против России. Как и тогда вновь стоит вопрос о цене блокады — неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует. Председатель Совнаркома пришёл к выводу, что есть два мира и они борются, причём старый мир помимо своей воли помогает новому, а новый мир использует против старого оружие ВЧК.

Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин в отчете ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г. «О внутренней и внешней политике республики» с самого начала отчета с удивлением заметил: «Первый раз приходится мне давать такой отчет в обстановке, когда прошел целый год, и ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было. Первый год, как мы воспользовались, хотя и в самой неполной мере, но все же относительным отдыхом от нашествий и могли хоть сколько-нибудь приложить свои силы к тому, что является главной и основной нашей задачей, — к восстановлению хозяйства, разоренного войнами, к излечению тех ран, которые были нанесены России командующими эксплуататорскими классами, и к тому, чтобы заложить фундамент социалистического строительства» [1, с. 291].

Далее он – другими словами – повторил констатацию все того же удивительного положения, в котором столетие назад оказалась молодая Советская республика, то есть за год до окончания Гражданской войны: «Прежде всего, касаясь вопроса о международном положении нашей республики, я должен высказать то, что мне уже приходилось говорить, а именно: что известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все же равновесие в международных отношениях создано. И мы его теперь наблюдаем. В высокой степени странно для тех из нас, кто пережил революцию с самого начала, кто знал и непосредственно наблюдал неслыханные трудности прорыва нами империалистических фронтов, видеть теперь, как сложилось дело. Никто, наверно, не ожидал и не мог ожидать тогда, что положение сложится так, как оно сложилось» [1, с. 291–292].

Наиболее интересный момент социоанализа мышления большевиков-революционеров используется оратором далее, когда говорится о прямолинейности прежнего представления партийцев о будущем и о том, что это представление оказалось исторически неточным: «Мы представляли себе (и это, пожалуй, не лишнее теперь напомнить, потому что это пригодится для нас и для наших практических выводов по главным хозяйственным вопросам) грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный, и, разрывая империалистическую войну революцией, мы открываем единственно возможный выход из этой преступнейшей бойни для всех народов. Нам казалось тогда, – и не могло казаться иначе, – что эта дорога является ясной, прямой и наиболее легкой. Оказалось, что на эту прямую дорогу, которая только одна действительно вывела нас из империалистических связей, из империалистических преступлений и из империалистической войны, продолжающей угрожать всему остальному миру, оказалось, что по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, на эту дорогу другим народам вступить не удалось. И если тем не менее мы видим теперь то, что получилось, видим единственную социалистическую Советскую республику, существующую в окружении целого ряда бешено-враждебных ей империалистических держав, то мы задаем себе вопрос: как могло это получиться?» [1, с. 292].

Однако исторический опыт и практика трудящихся масс в революционной войне свидетельствует, что оценки были в целом верны, но не совсем точны по причине неустойчивости положения на международной арене. Сегодня социологи любят говорить о турбулентности, но понятие неустойчивости и неравновесности, использованное столетие назад, точнее: «Можно без всякого преувеличения ответить: получилось это потому, что в основном наше понимание событий было верно, что в основном наша оценка империалистической бойни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна. Только поэтому получилось такое странное положение, такое неустойчивое, непонятное и все же до известной степени несомненное равновесие, которое мы видим теперь и которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными в экономическом и в военном отношении, чем мы, сплошь и рядом открыто враждебными к нам до бешенства, тем не менее мы видим, что им не удалось осуществить дело, на которое они три года затрачивали столько средств и сил, – дело непосредственного и немедленного душения Советской России» [1, с. 292–293].

Оставалось только ответить на вопрос, как мы устояли и каковы были наши источники силы? На вторую часть вопроса у В. И. Ленина всегда был ответ – это союз рабочих и крестьян, который надо всемерно крепить. Так, в речи на собрании рабочих Прохоровской мануфактуры, посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской революции 6 ноября 2021 г., он сказал знаменитую фразу, выбитую на постаменте памятнике на площади 1905 г. в г. Екатеринбурге. Фраза предпоследняя в приводимой нами ниже цитате и знакома нам с детства: «Оглянувшись на истекшие четыре года, мы видим, что ни один пролетариат в мире, кроме русского, не одержал полной победы над буржуазией. Если же это удалось нам, то только потому, что крестьяне и рабочие знали, что борются за свою землю и за свою власть. Война с Деникиным, Врангелем и Колчаком была первой в истории, когда трудящиеся успешно боролись со своими угнетателями. Вторая причина нашей победы – Антанта не могла бросить против России достаточного количества верных себе войск, так как солдаты Франции и матросы Англии не желали идти угнетать своих братьев. Четыре года дали нам осуществление невиданного

чуда: голодная, слабая, полуразрушенная страна победила своих врагов – могущественные капиталистические страны.

Мы завоевали себе невиданное, никем не предвиденное, твердое международное положение. Теперь остается еще громадная задача – наладить народное хозяйство. Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу – на силу рабочих и крестьян. Это дает нам уверенность, что следующую годовщину мы встретим под знаком победы на фронте труда» [1, с. 234].

А вот на первую часть вопроса ответ оратора куда более сложный получался: «Когда мы задаем себе вопрос, как могло это получиться, как могла произойти такая вещь, что одно из безусловно наиболее отсталых и крайне слабых государств, к которому открыто враждебны самые могущественные державы мира, устояло против направленного на него натиска, – когда мы разбираемся в этом вопросе, мы ясно видим, в чем было дело: мы оказались правы в самом основном. Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах. Оказалось, что хотя мы не получили той быстрой, прямой, непосредственной поддержки от трудящихся масс всего мира, на которую мы рассчитывали, которую мы клали в основу всей нашей политики, но поддержку иного рода, поддержку не прямую, поддержку не быструю, мы получили настолько, что именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся масс – и рабочих и крестьянских, земледельческих масс – во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно эта поддержка и это сочувствие были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплён, а в пределах нашей республики и осуществлен, что он оказал действие на все страны. Как ни шатка эта опора, пока существует капитализм в других странах (это мы, конечно, должны ясно видеть и прямою должны признать), как ни шатка вся эта опора, нужно сказать, что на нее опереться уже сейчас можно» [1, с. 293]. Шаткая опора сочувствия трудящихся могла проявиться только в решающие моменты истории. Например, при требовании вывода французского флота из Одессы. В целом сочувствие было пассивным примерно, как в стихотворении В. В. Маяковского «Стихи о советском паспорте»: «Моргнул многозначаче глаз носильщика, хоть вещи снесет задаром вам» [2].

Далее оратором затрагивался вопрос о поддержке, содействии и сочувствии, а это все разные формы деятельности и отношения: «Если мы совершенно хладнокровно взвесим сочувствие большевизму и социалистической революции, если мы рассмотрим международное положение просто с точки зрения подсчета сил, независимо от того, за правое или за неправое дело стоят эти силы, за эксплуататорский класс или за трудящиеся массы, – мы на это смотреть не будем, а попытаемся взвесить, как эти силы в международном масштабе сгруппированы, – то мы увидим, что. силы эти сгруппированы так, что в основном подтвердились наши предвидения, наши расчеты, что капитализм разлагается, и после войны, которую завершил сначала мир Брест-Литовский, а потом мир Версальский, – уже не знаю, который хуже, – чем дальше, тем больше ненависти и отвращения к ней растет и в тех странах, которые вышли победительницами. И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится не только для трудящихся, но, в очень и очень больших размерах, и для буржуазии стран-победительниц, что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на все одержанные победы. Вот почему мы, будучи неизмеримо слабее всех остальных держав и в экономическом, и в политическом, и в военном отношениях, в то же время сильнее их тем, что мы знаем и правильно оцениваем все, что выходит и что должно выйти из этой империалистической путаницы, из этого кровавого клубка и тех противоречий (возьмите хотя бы противоречие валютное, об остальных я уже не буду говорить), в которых они запутывались и запутываются все глубже, не видя выхода» [1, с. 294].

И тут мысль оратора после долгого вхождения в детали положения и экономики переходного периода делает необыкновенный кульбит и оказывается, что объективно, помимо воли капиталистов – «крупная промышленность передовых стран оказывает нам помощь, это значит то, что крупная промышленность капиталистических стран оказывает нам помощь в деле восстановления нашего хозяйства несмотря на то, что все они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас. Все они объединены правительствами, которые продолжают непрерывно печатать в своей прессе о том, как обстоит дело с признанием Советской России де-юре, и является ли большевистское правительство законным или незаконным. И после долгих изы-

сканий оно оказывается законным, но признанным быть не может. Эту грустную правду, что нас еще не признают, я не вправе скрыть, но должен вам сказать, что торговые отношения все же у нас развиваются» [1, с. 302–303].

Фантастика исторического хода того самого «крота истории», который хорошо роет, говоря словами К. Маркса! Революция находит себя через поражение, она выполняет свое дело методически, сводя буржуазные политические институты к их «самому чистому выражению», чтобы «сконцентрировать против нее все свои силы разрушения». К. Маркс пишет в «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2 декабря 1851 г. она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: Ты хорошо роешь, старый крот!» [3, с. 205].

Получается особая революционная и неустойчивая шаткая ситуация, когда «все эти капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, что мы им переплачиваем, но все же они помогают нашему хозяйству. Как же это так случилось? Почему же они действуют против своей воли, против того, что беспрерывно твердит пресса, – а ведь эта пресса не чета нашей по количеству экземпляров и по силе и ненависти, с которой они выступают против нас. Они объявляют нас преступниками, но все же нам помогают. И выходит, что они экономически связаны с нами. Выходит так, как я уже говорил вам, что наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать, – наоборот, у них их больше, чем у нас, – а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели» [1, с. 303].

Чуть ранее оратор задает вопрос, который позволяет понять, как такая ситуация шаткой неустойчивости отражается в сознании буржуазии и буржуазных правительств, как они воспринимают факт их гибели через помощь социалистическому государству? Неужели верно высказывание о веревке, которая приписывается В. И. Ленину – де капиталисты продадут нам веревку, на которой мы их и повесим?

В Викицитатнике она идет в разделе цитат неизвестного происхождения: «Капиталисты сами продадут нам веревку, на которой мы их повесим. – Варианты: „империалисты продадут нам веревку, на которой мы их повесим“, „Капиталисты готовы продать нам веревку, на которой мы их повесим“, „Капиталисты не просто продадут нам веревку, на которой мы их же и повесим, они дадут нам ее в кредит“, „Мы подарим капиталистам верёвку, на которой они повесятся“. Цитата апокрифична. Ни в сочинениях Ленина, ни в мемуарах современников такой фразы нет. Возможно, восходит к английской поговорке „Give him enough rope and he'll hang himself“ (The Concise Oxford Dictionary of Proverbs, 1998), или к мемуарному очерку Ю. Анненкова „Владимир Ленин“ (опубл. в 1961 г.), где приводятся (по памяти) записи Ленина, якобы увиденные мемуаристом в Институте Ленина в 1924 г.: „Капиталисты всего мира и их правительства в погоне за завоеванием советского рынка ...‘ откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техниками, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против наших поставщиков. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства!“. См. К. Душенков. Цитаты из русской истории. От призвания варягов до наших дней. Справочник. М.: Эксмо, 2005» [4].

В отчете В. И. Ленина далее заданы острейшие вопросы: «Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немислимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну а связь, помощь, обмен услуг отсталой разоренной земледельческой России с передовой промышленно богатой группой капиталистических держав, – это возможно? Разве нам не грозили

тем, что нас окружают колючей проволокой и что поэтому никаких экономических отношений не будет существовать? „Войны они не испугались, так мы их возьмем блокадой“.

Товарищи, много мы за эти четыре года видели угроз и таких страшных угроз, что ни одной из них мы бояться не можем. Насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует.

Опыт показал, несомненно, что за этот первый год, когда я могу вам дать отчет, как за период хотя бы сравнительно элементарного отдыха от прямо зверского насилия, нас не признавали, нас отвергали, сношения с нами объявлялись несуществующими (ну пускай они по суду буржуазному признаются несуществующими), но они все-таки существуют» [1, с. 301].

Оратор пришел к выводу, что сегодня есть два мира и они борются. Причем старый мир помимо своей воли помогает новому: «Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый – капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим» [1, с. 299]. В завершении отчетного доклада даются уникальные соображения о формах борьбы нового мира против старого и в качестве образца приводится ВЧК!

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1970. т. 44. – 725 с.
2. Владимир Маяковский. Стихи о советском паспорте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/vladimir-mayakovskij-stix-o-sovetском-pasporte/>
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., М.: Политиздат, 1957. т. 8. – 705 с.
4. Владимир Ильич Ленин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikiquote.org/wiki/Владимир_Ильич_Ленин

Глава 5. НОВЫЙ МИР И СТАРЫЙ МИР

5.1. СПОСОБЫ БОРЬБЫ НОВОГО МИРА СО СТАРЫМ МИРОМ

После окончания гражданской войны и интервенции борьба переходит в дипломатическую плоскость, но и в войну и в мир дипломатия старого мира строилась на обмане, на старой дипломатии тайных сговоров. История возложила на большевиков работу по переводу великого политического переворота в высокий культурный экономический уровень жизни народа. Была поставлена задача не перестраивать, а помочь исправить многочисленные недостатки, которые имелись в советском строе и во всей системе управления. Инструментом исправления недостатков и контрреволюционных заговоров выступала ВЧК. Работа ВЧК была основана на принципах защиты интересов трудящихся, у которых не было другого ответа, кроме создания учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и было немедленно карающим. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, но реформа ВЧК требует осуществления большей революционной законности при ответном ударе на всякий удар заговорщиков. В борьбе нового мира со старым решалась судьба не только России и советского трудового народа, она носила всемирно-исторический характер. Через столетие способы борьбы старого мира с новым не изменились – война нового гибридного типа и блокада. Сегодня РФ как и СССР представляет новый мир, нацеленный на преодоление старого мира эксплуатации и социального неравенства.

Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин в отчете ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г. «О внутренней и внешней политике республики» в итоге отчета пришел к выводу, что сегодня есть два мира и они борются. Причем старый мир помимо своей воли помогает новому: «Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый – капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим» [1, с. 299].

В. И. Ленин обратил внимание, что после окончания гражданской войны и интервенции борьба переходит в дипломатическую плоскость,

но и в войну и в мир дипломатия старого мира строилась на обмане, на старой дипломатии тайных сговоров: «Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может верить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть. (Аплодисменты и смех.) Когда представитель этого всемогущего в экономическом и военном отношении старого мира прислал к нам – это было уже давно – одного из представителей американского правительства, Буллита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, что хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне; когда мы сказали это прямо, сказали с малым употреблением изысканного дипломатического тона, – то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками.

И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с зашумением, заставили выйти в отставку, – и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу, по принятому империалистическому обычаю, за тайное сочувствие большевикам. (Смех. Аплодисменты.) А вышло то, что мы, предлагавшие тогда мир, худший для нас, получили мир на условиях для нас лучших. Это маленький урок. Я знаю, нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нами и были восприняты другими державами, они все же совсем бесследно пройти не могли, они все же в памяти кое-кого, наверное, остались. (Смех.) И поэтому наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего ценят блага мира, но что они лишь до известного предела потерпят в этом отношении отступление, – было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гражданскую войну они вынесли. Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем съездом, всей массой рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, я уверен, что это напоминание, как бы к нему ни отнеслись, какую бы тут дипломатическую хитрость, по старой дипломатической привычке, ни заподозрили, безусловно не пройдет бесследно и хоть некоторую роль все-таки сыграет» [1, с. 299–300].

В. И. Ленин заключает в духе глобальной философии истории марксизма: «На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе развитие и не могло идти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т. е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем, за великим политическим переворотом встает, однако, другая задача, которую нужно понять: нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй плох и что нужно его перестраивать. У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс, это я знаю превосходным образом и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в том дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Вот в чем штука» [1, с. 326].

Далее идет архиактуальный разговор о перестройке, о том, что она не нужна, поскольку ведет к развалу: «Не перестраивать, а, наоборот, помочь надо исправить те многочисленные недостатки, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет, что это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу» [1, с. 326–327].

«Не перестраивать!» И так, вождь предупреждал нас насчет перестроек, а мы это предупреждение не услышали или забыли про него или просто не читали. Ведь кто в позднем социализме читал работы Ильича? Не секретари горкомов и обкомов, которые только фотографировались на фоне синих корочек пятого полного собрания сочинений. Эти работы изучали наиболее интеллектуально развитые заключенные. В колониях в библиотеках был слабый подбор литературы, но сочинения В. И. Ленина были всегда. И люди, лишённые гражданских прав в заключении, их читали. А затем по выходу на свободу они блестяще использовали полученные знания и могли цитировать целые страницы с указанием тома. Один знакомый автора этой книги, который после перестройки начал выпускать коммунистический журнал «Изм», настолько блестяще знал сочинения вождя, что задавал партаппаратчикам вопросы «на засыпку»: «сколько признаков коммунистического труда и в каком порядке выделяет В. И. Ленин?» А в советское время, приезжая затем в занятые хозяйственными работами райкомы и горкомы, спрашивал секретарей «как у вас с коммунизмом?». Заменим, не как у вас с уборкой, подготовкой к зиме?

Вернемся к В. И. Ленину, который после предупреждения насчет перестроек, перешел в духе материалистической диалектики на конкретные вопросы – ведь научная философия позволяет делать такие переходы от родового к видовому определению, от общего к частному. И мы видим любопытный и очень полезный совет из прошлого нам, современникам в новое столетие.

Он говорит, что полезно распространить урок диалектического перехода от общего к частному: «Прежде чем закончить, я еще позволю себе распространить этот урок, – что недостатки являются иногда продолжением наших достоинств, – на одно из наших учреждений, именно: на ВЧК. Товарищи! Вы, конечно, все знаете, какую дикую ненависть внушает это учреждение российской эмиграции и тем многочисленным представителям правящих классов империалистических стран, которые с этой российской эмиграцией живут. Еще бы! – это то учреждение, которое было нашим разящим оружием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас. У них, у капиталистов и помещиков, остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка

государств, несравненно более могучих, чем наше. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это – достоинство нашей ВЧК. Мы всегда это будем подчеркивать, когда мы услышим, в прямой или в отраженной форме, как часто слышим из-за границы, вопли тех из русских представителей, которые на всех языках умеют употреблять слово „ЧК“ и считать его образом, типом русского варварства. Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу» [1, с. 328].

Росказни о зверствах ЧК выстраивались на идеологии чистой надклассовой демократии. Работа ВЧК была основана на принципах защиты интересов трудящихся: «У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желаний преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов. Это мы очень хорошо знаем, но знаем вместе с тем, что достоинства человека могут стать его недостатками, и мы знаем, что та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической, сосредоточить его на тех задачах, при которых обстановка и условия помогают ему. Если попытки контрреволюции будут таковы, как они были до сих пор, – а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований, – то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать» [1, с. 328].

Далее Председатель СНК отметил: «Но вместе с тем мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, – этого требует новая экономическая политика, – а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло» [1, с. 328–329].

«Та задача, которую мы решаем сейчас, пока – временно – в одинокую, кажется задачей чисто русской, но на деле это – задача, которая будет стоять перед всеми социалистами. Капитализм гибнет; в своей гибели он еще может причинить десяткам и сотням миллионов людей невероятные мучения, но удержать его от падения не может никакая сила. Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы выработать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики. Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут» [1, с. 329]. Получается, что в борьбе нового мира со старым решалась судьба не только России и советского трудового народа. Эта борьба носила всемирно-исторический характер.

Как отразились эти слова и предвидения В. И. Ленина в том будущем, о котором он говорил – двадцать лет раньше или позже? На Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников Л. М. Каганович, открывая съезд сказал о победах социализма: «Эти победы стали возможными потому, что партия, большевиков, руководимая Лениным и Сталиным, на протяжении десятков лет постоянно, упор-

но и настойчиво добивалась разгрома капиталистов и помещиков, ликвидации кулачества и освобождения миллионов трудящихся масс от гнета и эксплуатации. Победы, товарищи, давались нам нелегко, а благодаря героической борьбе миллионов и до революции и в гражданскую войну, где сотни тысяч лучших сынов трудящихся легли костями за дело рабочих и крестьян. Победы мы достигли благодаря настойчивому труду во всех областях нашей грандиозной социалистической стройки» [2, с. 4].

На открытии XVII съезда ВКП(б) В. М. Молотов отметил, что предыдущий съезд поставил задачу «развернуть и довести до конца наступление против капиталистических элементов. И мы можем сказать теперь, что эти годы, наполненные напряженной борьбой рабочего класса с врагами социализма, годы гигантского роста нашей промышленности и создания тяжелой индустрии как основы технического перевооружения всего народного хозяйства, годы могучего строительства колхозов и совхозов и отчаянного сопротивления новому строю со стороны последнего капиталистического класса – кулачества, эти годы отмечены громадными победами социализма в нашей стране. Под знаменем развернутого наступления социализма и доведения этого наступления до конца партия сплотила рабочий класс и миллионные массы крестьянства» [3, с. 5].

В отчетном докладе И. В. Сталин о работе ЦК ВКП(б) съезду партии дал общую оценку борьбы старого и нового мира: «Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны и за мир, причем нельзя сказать, чтобы усилия СССР в этой области не имели никакого успеха» [3, с. 8]. Прошло столетие, но способы борьбы старого мира с новым не изменились – война и блокада как война нового гибридного типа. Сегодня консервативно-капиталистическая РФ, так же как социалистическая Советская Россия, СССР представляет

новый мир, нацеленный на преодоление старого мира эксплуатации и социального неравенства.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1970. т. 44. – 725 с.
2. Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов 15–19 февраля 1933 г. Стенографический отчет. М., Л.: Государственное издательство колхозной и совхозной литературы «Сельхозгиз», 1933. – 352 с.
3. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. 26 января-10 февраля 1934 г. М.: Партиздат. 1934. – 720 с.

5.2. ДИАЛЕКТИКА И ОШИБКИ МЫШЛЕНИЯ ПО АНАЛОГИИ: ВОПРОС О МИРНОМ ПЕРЕХОДЕ К СОЦИАЛИЗМУ НА УСЛОВИИ ВЫКУПА

К. Маркс предполагал возможность для организованного пролетариата откупиться от капиталистов – выкупить у буржуа средства производства в интересах облегчения перехода к социализму. Развивавший эту идею Н. И. Бухарин в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России в отличие от развитой Англии, о которой шла речь у классика. Для мирного хода истории потребуются особые условия в стране, о чем предупреждал В. И. Ленин, о он дал классификацию этих условий. Получается, что марксова идея мировой революции во всех развитых странах одновременно здесь трансформируется в ленинскую теорию прорыва цепи империализма в одном звене. Марксово провидение революции в условиях классического капитализма оказалось ленинской теорией революции в условиях империализма. Причина ошибок не только нехватка образованности – сама история делает неожиданные повороты и так своеобразно, что в 1918 г. порождает две половинки социализма в виде Германии и России. Позднее Н. И. Бухарин после критики его теории решил, что идея выкупа опасна и может быть интерпретирована как общность интересов классов в национальном государстве. Он переходит от общей теории революции как трансформационного процесса к конкретике создания нового структурного равновесия. Это свидетельствует о том, что Н. И. Бухарин остался в рамках богдановского недialeктического мышления установления равновесия и Ленинская критика не пошла ему впрок.

Не раз К. Маркс предполагал возможность для организованного пролетариата откупиться от капиталистов – выкупить у буржуа средства производства. Возникал вопрос, будет ли этот шаг революционным и позволит ли он отказаться от шага взятия политической власти классом? Идея сама по себе заманчивая и неожиданная. Между тем, она была принята и в ленинизме. Однако была интерпретирована диалектически, то есть интерпретирована в конкретно-историческом контексте. В брошюре времени начала НЭПа, написанной в 1921 г. В. И. Лениным «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)» автором отмечалось: «Бухарин – превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения

перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, ежели (в виде исключения: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа» [1, с. 215].

Однако как диалектик В. И. Ленин прекрасно понимал, что в партии считанное число людей, знающих диалектику. И Н. И. Бухарин не принадлежал к их числу. В «Завещании съезду» В. И. Ленин обратил на это внимание, говоря о незнании диалектики своим товарищем: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [2, с. 345].

Если вернуться к ленинской брошюре 1921 г., то здесь речь шла о логической ошибке Н. И. Бухарина: «Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному „введению“ социализма» [1, с. 216].

Тем не менее из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного выкупа рабочими у особых людей. Но выкупа чего? В. И. Ленин полагает, что этот выкуп «рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать организации крупного и крупнейшего „государственного“ производства».

Далее он задает вопрос: «Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по-своему мелкобуржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических „сил“ и силы политической, то,

„следовательно“, не надо было брать власти. Так рассуждают „человеки в футлярах“, забывающие, что „соответствия“ не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, – создастся победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран» [1, с. 216].

В. И. Ленин ранее обосновывал обнаружение ошибки своего товарища так: «Когда мы спорили в ЦИК с товарищем Бухариным, он заметил, между прочим: в вопросе о высоких жалованиях специалистам „мы“ „правее Ленина“, ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы „откупиться от этой банды“ (именно от банды капиталистов, т. е. выкупить у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства). Это чрезвычайно интересное замечание... Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде домонополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле „выкупа“ буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе – и будущим деятелям социалистической революции – рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота» [1, с. 213–214].

Получается, что К. Маркс не мог себе позволить вникать в детали. И как где-то говорил В. И. Ленин, что и «70 Марксов» не могли бы предвидеть все детали будущего общественного устройства. Для этого нужен вовсе не исследовательский институт, как многие полагали, но конкретно-историческая практика коллективной классовой борьбы трудящихся, их опыт борьбы экономической, идеологической и политической по взятию власти.

В сущности, на наш взгляд, именно это обстоятельство политической учебы в практической жизни и имел в виду В. И. Ленин, когда задавал следующий вопрос: «Ну, а у Советской России после взятия

власти пролетариатом, после подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров – неужели не очевидно, что некоторые условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полным преобладанием рабочих, пролетариев в населении, вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первой в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии – тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии) – к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности мирного подчинения капиталистов Англии ее рабочим» [1, с. 214–215].

Иначе говоря, К. Маркс не утопист и он прекрасно понимал, что для мирного хода истории потребуются особые условия в стране, о чем и предупреждал В. И. Ленин. И он же сумел дать классификацию этих условий. Получается, что марксова идея мировой революции во всех развитых странах одновременно здесь трансформируется в ленинскую теорию победы социализма и прорыва цепи империализма в одном отдельно взятом звене. Страна как звено цепи капиталистических государств может иметь средне-слабое развитие как Россия, быть отсталой, но она может и быть передовой как Англия, соответствующая четырем условиям необходимым для мирного взятия власти и выкупа собственности у буржуазии. Марксово провидение революции в условиях классического капитализма оказалось ленинской теорией революции в условиях империализма!

Сам В. И. Ленин как диалектик и материалист, философ практики непрерывно обращается к конкретной обстановке в данный момент и далее проходится по всем четырем пунктам которые он выделил для Англии прошлого века, а ныне смотрит на их применимость

к России нового века: «У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными конкретными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажного сопротивления капиталистов). У нас, вместо полнейшего преобладания рабочих, пролетариев, в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством. У нас, наконец, нет ни высокой культурности, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь соединения приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными, ни на какой „государственный капитализм“ не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, с приемами компромисса или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на „государственный капитализм“, способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов крупнейших предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятков миллионов людей» [1, с. 215].

А ведь В. И. Ленин высоко оценивает Н. И. Бухарина как экономиста, тем не менее, впавшего в ошибку. Однако и В. И. Ленин не раз делал ошибки, однако умел их быстро исправлять. Причина ошибок – не только нехватка образованности и нежелание учиться у истории. Сама история делает неожиданные повороты и В. И. Ленин описывает один из них: «История (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала „цельный“ социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка, под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны» [1, с. 211]. Два цыпленка социализма рядом под одной скорлупой империализма – сильно сказано!

И затем он говорит о том, что разбили скорлупу. А немцы (в 1918 г., то есть за полгода до германской революции!) медлят: «Победоносная

пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий всякого цыпленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями, – конечно, если масштаб „трудного“ брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Если в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача – учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых эсеров (я нечаянно вспомнил речи Карелина и Ге в ЦИК), которые способны по-карелински рассуждать, что-де не пристало нам, революционерам, „учиться“ у немецкого империализма, то надо сказать одно: погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая всерьез таких людей» [1, с. 211].

И затем мы видим блистательный ход к практическому социализму – не забудем, что брошюра написана для крутого поворота в политике, то есть для введения НЭПа: «В России преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм, от которого и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую „общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов“. Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением „капитализма“ „социализму“ и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас» [1, с. 211–212].

Сам Н. И. Бухарин после критики В. И. Ленина в учебнике «Теория исторического материализма» писал, что идея выкупа очень опасна, поскольку может быть интерпретирована как общность интересов классов в национальном государстве: «У европейского и североамериканского рабочего класса создавалась даже своего рода „общность интересов“ с капиталистическим „национальным государством“. В то же

время марксизм Маркса, выросший на основе революции 1848 г., сменялся в рабочих партиях специфическим „марксизмом II Интернационала“, который изменил и извратил учение Маркса и о социальной революции, об обнищании пролетариата (Verelendungs-Theorie), о неизбежном крахе капитализма (Zusammenbruchstheorie), о диктатуре пролетариата и т. д. Все это нашло свое выражение в предательстве социал-демократических партий и в патриотических настроениях среди рабочего класса в 1914 г. И только война и ее последствия, являясь выражением противоречивости капиталистического развития, показали или, вернее, стали показывать, что „так дольше жить нельзя“. Психология и идеология гражданского мира стали сменяться психологией и идеологией гражданской войны, а в чисто идеологической области на смену „марксизму“ II Интернационала стал выступать настоящий марксизм, т. е. научный коммунизм» [3, с. 310].

Но как происходит революция, если выкуп отменяется? Автор полагал, что есть три стадии революции и эти стадии резко отличаются от стадий буржуазной революции: «В буржуазных революциях, например, командная власть в производстве переходит от одной группы собственников к другой; принцип собственности остается в силе; пролетариат остается на том же месте, где он и был. Следовательно, здесь ломка и разрушение старого гораздо меньше, чем в том случае, когда самый низший слой пирамиды, пролетариат, пробивается кверху. Тут неизбежно очень крупное потрясение. Старая связь: буржуазия – крупная интеллигенция – средняя интеллигенция – пролетариат ломается. Пролетариат остается более или менее один: против него – остальные. Отсюда неизбежная временная производственная дезорганизация, которая продолжается до тех пор, пока пролетариат не расставит людей по-другому, не свяжет их другого типа связью, т. е. пока не создастся новое структурное равновесие общества» [3, с. 315].

Это положение, внесенное в учебник, было выдвинуто Н. И. Бухариным в книге «Экономика переходного периода», особенно в III главе. Там автор проводит переход от общей теории трансформационного процесса к конкретике создания нового структурного равновесия. Это свидетельствует о том, что Н. И. Бухарин остался в рамках богдановского недиалектического мышления установления равновесия. Ленинская критика не пошла ему впрок.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 43. – 561 с.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 45. – 729 с.
3. Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. – М.: Вече, 2008. – 384 с. – (Вехи отечественной социологии).
4. Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: ИПЛ, 1989. – 512 с.

5.3. ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕХОДА ОТ ВОЕННОГО СОЮЗА К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СОЮЗУ КЛАССОВ

Впервые после Октябрьской революции в истории возник уникальный общественный порядок, при котором эксплуататоры были удалены из общественной жизни и действовали два неантагонистических класса. Соглашение этих классов с точки зрения рабочего класса лишь тогда правильно, когда поддерживает диктатуру рабочего класса и направлено на уничтожение классов. Вопрос о союзе двух классов в истории оказался связан с наибольшей опасностью этому союзу – вопросом о бюрократизме и частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя. Бюрократизм, который подрывает союз рабочих и крестьян, понимается как наследие осады интервентов и гражданской войны, как надстройка над распыленностью мелкого производителя. Поэтому военный союз пролетариата и крестьянства в РСФСР, который был выкован гражданской войной, следовало превратить в экономический союз классов, отменить разверстку и наладить обмен между городом и деревней. В результате диалектики превращения военного союза в экономический союз трудящихся классов частно-хозяйственный и государственный капитализм оказываются в роли пособника социализму, что и является сутью Новой экономической политики. Секции Коминтерна этой политики не поняли, не разобрались и только в рамках политики единого фронта с опозданием вступили в борьбу за крестьянские массы в своих странах.

После взятия власти большевиками в Октябрьской революции и установления двухпартийного коалиционного правительства с левыми эсерами (до их мятежа 6 июня 1918 г.) впервые в истории возник такой уникальный общественный порядок, при котором эксплуататоры были удалены из общественной жизни и действовали два неантагонистических класса – рабочий класс и крестьянство. Последний класс выступал также в облике мелкой буржуазии, имеющей двойную природу – трудовую и эксплуататорскую.

На X Всероссийской конференции РКП(б) 26–28 мая 1921 г. В. И. Ленин обратил внимание на это положение, которое требовало именно единства, консенсуса, но уже не компромисса классов: «Естественное дело, что при условии громадного преобладания крестьянского населения нашей главной задачей – и политики вообще и политики экономической в частности – является установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством. В первый раз в новейшей истории мы имеем дело с таким общественным поряд-

ком, когда класс эксплуататорский удален, но когда мы имеем два различных класса – рабочий класс и крестьянство. При громадном преобладании крестьянства это преобладание не могло не отразиться на экономической политике и на всей политике вообще. Главным вопросом для нас остается – и в течение долгого ряда лет неминуемо останется – правильное установление отношений между этими двумя классами, правильнее с точки зрения уничтожения классов. На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги Советской власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят» [1, с. 301–302].

Далее вождь мирового пролетариата поставил вопрос: «Каким образом в первый период нашей революции, то есть тот, который теперь можно приблизительно считать осуществляющимся, осуществить это соглашение? Каким образом диктатура пролетариата при громадном преобладании крестьянского населения держалась и упрочилась? Главной причиной, главным двигателем и главным определителем нашего соглашения была гражданская война. Гражданская война, которая, хотя начиналась сплошь и рядом при участии в союзе против нас и белогвардейцев, и эсеров, и меньшевиков, всякий раз неизбежно приводила к тому, что все эсеровские учредилковские, меньшевистские элементы оказывались, путем ли государственного переворота или без него, оттесненными на задний план, и во главе белогвардейщины выступали целиком элементы капиталистические и помещичьи. Это было и в правлении Колчака и Деникина, и во всех многочисленных более мелких правлениях и нашествиях на нас. И это было главным фактором, который определял форму союза пролетариата с крестьянством. Это обстоятельство создавало для нас невероятные трудности вдвойне, но, с другой стороны, избавляло нас

от трудных размышлений насчет того, каким образом формула союза между рабочим классом и крестьянством должна быть осуществлена, потому что эту формулу и условия предписывали военные обстоятельства с абсолютной категоричностью, ни малейшего выбора нам не оставляя» [1, с. 302].

Отсюда из конкретно-исторической обстановки делался единственно-возможный вывод с точки зрения диалектики и перспективы уничтожения различий между классами: «Рабочий класс один только мог осуществлять диктатуру в той форме, которая требовалась войной и условиями этой гражданской войны. Участие в ней помещиков соединило рабочий класс и крестьян безусловно, безоговорочно и бесповоротно. В этом отношении никаких внутренних политических колебаний не было. При гигантских трудностях, стоявших перед нами, вследствие отрезанности от России главных ее хлебных районов, в силу того, что продовольственные затруднения были до крайности доведены, наша продовольственная политика без разверстки не осуществилась бы на практике. Эта разверстка означала не только отобрание излишков, которых едва ли могло хватить даже при правильном распределении. Я не могу здесь подробно останавливаться на том, какие неправильности влекла за собой разверстка. Во всяком случае свою задачу – сохранение промышленности, хотя бы при условиях наибольшей отрезанности от хлебных районов, – разверстка выполнила. И только в военной обстановке это могло быть сколько-нибудь удовлетворительно» [1, с. 302–303].

Но далее развитие событий и победоносное прекращение войны красными заставило их срочно решать вопрос не просто о единстве классов в политической борьбе, но об экономическом союзе классов и о «смычке» города и деревни: «Как только мы действительно прочно покончили с внешним врагом, – а это лишь к 1921 году оказалось фактом, – перед нами встала задача другая, – задача экономического союза между рабочим классом и крестьянством. Только к весне 1921 года мы вплотную поставили эту задачу, и это случилось тогда, когда неурожай 1920 года ухудшил положение крестьян до невероятности, когда мы в первый раз до известной степени пережили внутренние политические колебания, связанные не с внешним натиском врагов, а с отношением между рабочим классом и крестьянством» [1, с. 303].

В известной, но редко читаемой и мало понимаемой современниками брошюре, обосновывающей необходимость Новой экономической политики 1921 г. «О продовольственном налоге» В. И. Ленин отмечал основы экономического союза двух классов на фоне перспективы переход от капитализма к социализму: «на ближайшие же годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. „Мы“ часто сбиваемся все еще на рассуждение: „капитализм есть зло, социализм есть благо“. Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил [1, с. 229].

Вопрос о союзе двух классов связывается с вопросом о наибольшей опасности этому союзу – с вопросом о бюрократизме и частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя: «Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла» [1, с. 229].

Далее повествуется динамика событий после взятия власти: «Продолжит еще год. На VIII съезде РКП, 18–23 марта 1919 года, принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о „частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя“» [1, с. 229].

«Прошло еще два года. Весной 1921 года, после VIII съезда Советов, обсуждавшего (декабрь 1920 г.) вопрос о бюрократизме, после X съезда РКП (март 1921 г.), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим это зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой» [1, с. 229–230].

Делается вывод о природе этого нового возрожденного внутри советского строя бюрократизма, который подрывает союз рабочих и крестьян бюрократизм понимается как наследие осады интервентов и гражданской войны, как надстройка над распыленностью и подавленностью мелкого производителя. Посмотрим теперь, как остро ставится вождем вопрос о корнях бюрократизма: «Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двоякие: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судебском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это – результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед „военным коммунизмом“, не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное, существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эсеры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазией в большой мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону как раз к весне 1921 года, когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории РСФСР. „Запереть“ всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести

три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие „осады“, как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне» [1, с. 230–231].

В. И. Ленин восклицает: «Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз налицо мелкокрестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном), во-вторых.

Поменьше спора о словах. Мы еще до сих пор безмерно много грешим по этой части. Побольше разнообразия в практическом опыте и побольше изучения его» [1, с. 231].

Как этот крутой поворот в политике партии на обеспечение экономического союза трудящихся классов был воспринят в только что созданном Коминтерне? Известно, что коммунистические партии как секции Коминтерна недооценивали работу в деревне и только в конце 20 гг. создали Крестьянский Интернационал. Итальянский марксист-историк Ф. Рицци в обзоре «Коммунистический Интернационал и крестьянский вопрос» в третьем томе итальянского издания коллективной монографии «История марксизма» писал: «Решение большевистской партии о принятии нэпа приблизительно совпало по времени с работой III конгресса Интернационала, но из-за недостаточного внимания и незнания многими делегатами внутренних вопросов РКП(б) на выступлении Ленина „Тезисы доклада о тактике РКП(б)“ присутствовало очень мало делегатов. В этом докладе было по крайней мере два основных соображения: первое – о том, что ожидавшаяся вот-вот революция на Западе отодвигается. (С этим соображением согласились Троцкий и Каменев, а Зиновьев и Бухарин, Радек и Бела Кун были против.) Второе касалось экономического и социального положения в России, растущего сопротивления

крестьян насильственным реквизициям, кронштадтских событий и неспособности промышленности поставлять технику для развития коллективизированного сельского хозяйства» [2, с. 26–27].

А что в это время для западных коммунистов заявил вождь на III Конгрессе Коминтерна 22 июня – 12 июля 1921 г.? В. И. Ленин в «Тезисах доклада о тактике РКП(б)» заявил, то для восстановления более справедливого равновесия между городом и деревней необходимо установить натуральный налог и дать крестьянину возможность продавать излишки: «Продналог, естественно, означает свободу крестьянина распоряжаться излишками, остающимися после уплаты налога. Поскольку государство не сможет предоставить крестьянину продуктов социалистической фабрики в обмен на все эти излишки, постольку свобода торговли излишками неминуемо означает свободу развития капитализма.

В указанных пределах, однако, это нисколько не страшно для социализма, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата. Напротив, развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т. е. в *этом* смысле слова „государственного“ капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелкокрестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить *немедленный* подъем крестьянского земледелия. Еще более относится это к концессиям: не производя никакой денационализации, рабочее государство отдает в аренду определенные рудники, лесные участки, нефтяные промыслы и прочее иностранным капиталистам, чтобы получить от них добавочное оборудование и машины, позволяющие нам ускорить восстановление советской крупной промышленности.

Плата концессионерам в виде доли высокоценных продуктов является, несомненно, данью рабочего государства мировой буржуазии; нисколько не затушевывая этого, мы должны ясно понять, что нам выгодно внести эту дань, лишь бы ускорить восстановление нашей крупной промышленности и серьезное улучшение положения рабочих и крестьян» [3, с. 8]. В результате диалектики превращения военного союза в экономический союз трудящихся классов частнохозяйственный и государственный капитализм оказываются в роли пособника социализму, что и является сутью Новой экономической политики. Секции Коминтерна – коммунистические партии этой

политики не поняли, не разобрались в ней как в политике РКП(б) и только в рамках политики единого фронта в конце 20 гг. с опозданием вступили в борьбу за крестьянские массы в своих странах.

Ранее В. И. Ленин говорил в речи на Конгрессе Коминтерна об основе военного союза классов в РСФСР. Этот союз им назван в пункте 5 речи «Военный союз пролетариата и крестьянства в РСФСР». Подчеркивало, что союз был выкован гражданской войной: «Основа для правильного взаимоотношения пролетариата и крестьянства в Советской России создана эпохой 1917–1921 годов, когда нашествие капиталистов и помещиков, поддержанных и всей мировой буржуазией и всеми партиями мелкобуржуазной демократии (эсерами и меньшевиками), создало, закрепило и оформило военный союз пролетариата и крестьянства за Советскую власть. Гражданская война есть самая острая форма классово-борьбы, а чем острее эта борьба, тем скорее сгорают в ее огне все мелкобуржуазные иллюзии и предрассудки, тем очевиднее показывает сама практика даже наиболее отсталым слоям крестьянства, что спасти его может только диктатура пролетариата, что эсеры и меньшевики фактически являются лишь прислужниками помещиков и капиталистов.

Но если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился – и не мог не явиться – первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и нескольких недель без известного экономического союза названных классов. Крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности [3, с. 6–7].

Далее в 6 пункте развитие отношений поименовано так: «Переход к правильным хозяйственным взаимоотношениям пролетариата и крестьянства». В. И. Лениным было сказано следующее: «Вполне правильным и устойчивым, с социалистической точки зрения, союз мелких крестьян и пролетариата может стать лишь тогда, когда вполне восстановленные транспорт и крупная промышленность позволят пролетариату давать крестьянам в обмен на продовольствие все необходимые для них и для улучшения их хозяйства продукты. При громадном разорении страны этого никак нельзя было достигнуть сразу. Разверстка была наиболее доступной для недостаточно орга-

низованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков» [3, с. 7].

Новая политика экономического союза дружественных классов образно отразилась в творчестве лучшего поэта советской эпохи В. В. Маяковского. В поэме «Хорошо! Октябрьская поэма» читаем: «От мух кисея. Сыры не засижены. Лампы сияют. „Цены снижены“. Стала оперяться моя кооперация» [4]. «Цены снижены»!

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 43. – 551 с.
2. История марксизма: пер. с ит.: [в 4 т.] / [общ. ред. и предисл. Амбарцумова Е. А.]. – М.: Прогресс, 1984. т. 3, ч. 1, вып. 2: Марксизм в эпоху III Интернационала. От Октябрьской революции до кризиса 1929 года, вып. 2. – 1983. – 411 с.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 44. – 725 с.
4. Маяковский В. В. Хорошо! Октябрьская поэма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/21383/khorosho>

5.4. ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ И ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Поскольку после Октябрьской революции революция в Европе не состоялась, у правящей партии и трудового народа-победителя в гражданской войне оставалась надежда на внутреннюю хозяйственную политику, где приходилось отменять продразверстку. Если сравнить всю работу коммунистической партии с четырехлетним курсом высших наук, то сама партия свое положение определила в тот момент переходного периода от капитализма к социализму как переходный экзамен с третьего на четвертый курс. Сразу после завершения интервенции и военных действий в Советской стране пошел стихийный обмен и кооперация. Новая политическая стратегия не была усвоена партией и Коминтерном и появилась возможность ее двусмысленного истолкования в условиях ускоренной коллективизации. После смерти В. И. Ленина некому было заняться объяснением путей развития и возник целый ряд групп, которые называли себя ленинцами. Этот период после смерти И. В. Сталина в ходе внутривластной борьбы получил амбивалентное ненаучное обозначение «культ личности».

В речи при закрытии X Всероссийской конференции РКП(б) председатель Совнаркома В. И. Ленин 28 мая 1921 г. отмечал: «В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось; равновесие такого типа, что империалистические державы, при всей своей ненависти и желании броситься на Советскую Россию, от этой мысли отказались, потому что разложение капиталистического мира идет прогрессивно вперед, единение уменьшается и уменьшается, а напор сил со стороны угнетенных колониальных народов, насчитывающих свыше миллиарда населения, с каждым годом, с каждым месяцем, даже неделей, становится сильнее. Но гадать на этот счет мы не можем» [1, с. 340–341].

Получается, что надежды на революцию в Европе растаяли – революция не только задержалась, но не состоялась, а отдельные выступления пролетариата были задушены империалистами. Оставалась надежда на «напор сил со стороны угнетенных колониальных народов» Востока, но тут гадать правящей партии не пристало, подоспел ли этот напор вовремя или нет. Оставалась надежда на внутреннюю хозяйственную политику и диалектик В. И. Ленин в отмеченной нами

речи заявил: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу – и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным – быстрым нельзя, – но неуклонным повышением и движением вперед» [1, с. 341].

В тот же день 28 мая при обсуждении проекта резолюции по новой экономической политике В. И. Ленин сказал: «Конечно, если революция наступит в Европе, мы, разумеется, политику изменим. Гражданская война, которая бывает всегда связана с подобного рода революцией, как вы знаете, может практически на некоторое время даже ухудшить наше положение. Конечно, это будет короткое время, конечно, трудно определить продолжительность гражданской войны в других республиках, но когда она кончится победой, мы изменим политику в том смысле, что, может быть, скажем: ничего не брать налогом, а все товарообменом. Это надо объяснить крестьянам, потому что иначе они подумают: что же, опять к разверстке вернуться. Мне кажется поэтому, что лучше ничего этого не прибавлять. Долгий ряд лет революции в Европе и гражданской войны поведет к тому, что без всякого налога будут брать товарообменом. Это сказано в резолюции съезда, где говорится о том, что постепенно налог будет уменьшаться. Вот к какому пункту относится предстоящая победоносная революция, которую долгий ряд лет делает короткой» [1, с. 336].

При всех надеждах на предстоящую революцию, на поддержку колониальных народов, основной упор пришлось делать на внутреннюю политику, где приходилось отменять продразверстку. На партийной конференции 27 мая в заключительном слове по докладу о продовольственном налоге он заявил об отмене разверстки и сравнил партийную политику с этапами обучения в высшей школе: «Разверстки нельзя было продолжать. Эту политику надо было переменить. В этом

отношении мы стоим сейчас, может быть, на самом трудном месте нашего строительства. Если сравнить всю работу коммунистической партии с четырехлетним курсом высших наук, то наше положение можно определить так: мы держим переходный экзамен с третьего на четвертый курс; еще не выдержали его, но по всем признакам выдержим. Если считать по курсам, то первый курс был с 70-х годов прошлого столетия до 1903 года, первоначальный вступительный период от народовольчества, социал-демократии и II Интернационала к большевизму. Это – первый курс.

Второй курс – с 1903 года по 1917 год, тут серьезная подготовка к революции и первый опыт революции 1905 года. Третий курс – с 1917 года по 1921 год, тут четыре года, которые по своему содержанию больше, чем первые 40 лет. Это было испытание весьма деловое, когда пролетариат стал у власти, но это еще не было решительное испытание. Если в нашей песне поют, что „это есть наш последний и решительный бой“, то я должен сказать, что, к сожалению, это не есть последний, а один из близких к последнему и решительному бою, если уже быть совершенно точным. А теперь мы держим переходный экзамен с третьего на четвертый курс. Если взять пример Осинского и говорить о годах, то мне думается, что тут надо 10 лет положить, потому что придется выдержать переходный экзамен с 3 на 4 курс, а затем нам надо хорошо пройти весь четвертый курс: тогда мы будем, действительно, непобедимы. Мы можем одержать победу на хозяйственном фронте. Если мы в отношении к крестьянству одержим победу и „здоровый гигиенический паек“ соберем в этом году, это будет переходный экзамен с третьего на четвертый курс. После этого все то строительство, которое намечается, будет более серьезное» [1, с. 331–332].

Он считает, что новая политика – это надолго. Точнее сказано: «„Всерьез и надолго“ – 25 лет. Я не такой пессимист, я не стану определять, каков, на мой взгляд, должен быть срок, но это, по-моему, немного пессимистично. Дай бог, чтобы мы на 5–10 лет рассчитывали, а то мы на 5 недель обыкновенно не умеем рассчитывать» [1, с. 330]. Сказано это в чрезвычайной ситуации голода, когда надо переходить от централизованного распределения к обмену, а ЦК партии напротив, предлагало коллективное снабжение: «10-го мая к нам в Политбюро ЦК он внес проект общего перехода на коллективное снабжение». В ответ В. И. Ленин предлагает обмен: «10-го мая 1921 г.,

когда продовольствия абсолютно не хватает таким центрам, как Москва и Петроград, когда эти значительные центры Российской республики обречены временно на полуголодное, четвертьголодное существование. Предлагать перестройку продовольственных учреждений в момент, когда люди выбиваются из сил, сидят у прямых проводов на Сибирь, на Кавказ, на Украину, следят за каждым маршрутом, чуть ли не за каждым вагоном, – смешно. Какой, к черту, в такое время переход на общеколлективное снабжение?» [1, с. 323].

При это он сообщает, что по факту обмен уже начался и началась кооперация – сразу после завершения иностранного вторжения, осады Антанты и военных действий пошел обмен и кооперация: «...видно, что обмен начался и кооперация пущена в ход. Упоминалась даже помада. Сколько вы помады взяли, при каких условиях она распределялась? Нужно и помаду пускать в оборот: в торговле приходится считаться с тем, что спрашивают. Спрашивают помаду, мы должны дать. Мы и на помаде, если будем как следует хозяйничать, можем установить крупную промышленность. Только надо высчитать, сколько нужно купить или достать этой помады для того, чтобы купить 1000 пудов хлеба. (Голос с места: „А иконы, просят икон“.) Вот что касается икон, – здесь напоминают, что крестьяне просят иконы, – то я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму, тогда как помада не угрожает этим. (Смех.) Что касается колоколов, то тут мнение расходится, и некоторые товарищи считают, что в некоторых местах скоро колокола будут добровольно перелиты на медную проволоку для электрификации. Кроме того, сейчас их в России так много, что они едва ли служат своему прямому назначению для религиозных людей, потому что надобность в этом миновала» [1, с. 326].

Коминтерн не смог понять этого поворота российских коммунистов по целому ряду причин. Итальянский марксист-историк Ф. Рицци классифицирует их так: «Несмотря на объективное значение крестьянского вопроса, как это было видно на примере России, секции Коминтерна и в дальнейшем не обращали на него особого внимания. Не изменил этого отношения и возросший в те годы интерес к революционно-му движению в колониальных странах. За исключением II конгресса

и Исполкома 1925 года, аграрный вопрос никогда не занимал особо заметного места в работе Коминтерна. Игнорирование реального крестьянства и отдаленность от него, незнание крестьянских дел, преувеличенно „увриеристское“ отношение к классовой борьбе в деревне, теоретические постановки, зачастую оторванные от анализа реальных процессов, – вот только некоторые элементы, способные объяснить подобные недостатки. Были также и мотивы более конъюнктурного характера. Они появились после 1925–1926 годов и в основном были связаны с борьбой внутри большевистской партии, которая после победы Сталина привела к тому, что глубокая дискуссия по этому вопросу вообще прекратилась. Не хватало времени, чтобы какая-то иная концепция рабоче-крестьянского союза оформилась и чтобы она не была привилегией кого-либо из руководителей Интернационала» [2, с. 41].

Далее автор показывает феномен поворота к ускоренной коллективизации: «Поворот к насильственной коллективизации привел к тому, что не сформировались такие отношения между городом и деревней, которые отличались бы от отношений периода военного коммунизма. Но это произошло потому, что новая политическая стратегия, намеченная Лениным, а потом Бухариным, из-за недостатка времени не смогла быть усвоена партией и ее увриеристски настроенными кадрами. И именно поэтому появилась возможность ее двусмысленного истолкования. При такой политике в основном отдавалось предпочтение политической стороне дела, то есть время от времени практически давались ответы на вопросы, возникавшие после Октября. В результате этого все более увеличивался разрыв между самим аграрным вопросом как теоретическим понятием, которое осталось неизменным, и поисками политических решений различных проблем, которые ставила деревня. Недостаточно было просто понять, что для победоносной революции предпочтительнее был нэповский образец, а не военный коммунизм. Как писал Беттельхейм, необходимо было объяснить, был ли военный коммунизм ошибочным в теоретическом плане или же в связи со спецификой условий, в которых происходила русская революция. Во всяком случае, прекращение этой дискуссии оказало отрицательное влияние на и без того хрупкие теоретические разработки Интернационала, которому так и не удалось в достаточно глубокой степени обосновать свой план деятельности в деревне» [2, с. 41].

Получается, что после смерти В. И. Ленина некому было заняться объяснением путей развития. После Ильича возник целый ряд групп, которые называли себя ленинцами: «После смерти Ленина, вспоминал Бухарин на Исполкоме 1925 года, в Интернационале стало модным называться ленинцами. Вскоре появилась масса ленинизмов, более или менее известных, но всех их объединяло одно – антитроцкизм. Самым важным, объявлявшим себя самым верным истолкователем ленинской мысли, был официальный ленинизм руководящей большевистской группы, которая в тот период объединялась вокруг Зиновьева, Бухарина и Сталина, а позднее раскололась. Ставкой в этой игре было, конечно, завоевание власти внутри партии, и столкновения происходили по вопросам о путях построения социализма в Советском Союзе. В этом контексте вопрос о союзе рабочих с крестьянами представлялся одним из важнейших в политической борьбе против Троцкого. Атака на Преображенского в конце 1924 года, то есть бухаринское выступление против теории „первоначального социалистического накопления“ в момент перемирия в отношениях между рабочими и крестьянами и нового равновесия после „кризиса ножниц цен“, в основном имела целью подавить сопротивление троцкистов, обвинявшихся в том, что они не учитывали в должной мере роли крестьянства в революционном процессе» [2, с. 40].

Современные исследователи, особенно в перестроечные годы обращали внимание не на реальные события, но на воображаемые, которые касаются формирования так называемого «культы личности». При этом говорят о переходе от предмарксизма к марксизму и псевдомарксизму. При этом будто бы рассматриваются идейные и социальные предпосылки «культы личности» [3, с. 53].

Пермский философ и историк-публицист тех перестроечных лет З. И. Файнбург с горечью от непонимания хода истории писал: «Целесообразность борьбы с идеями Л. Д. Троцкого и его сторонников как политическим течением, открывавшим дорогу „нетерпению“ как линии социально-экономической политики, не вызывала тогда сомнения. То, что значительное большинство членов партии отвергло установки Л. Д. Троцкого и его сторонников, было естественным: предлагаемые методы действий в ряде пунктов казались необоснованными, в чем-то даже авантюристическими. Дело было не в отрицании эпа Л. Д. Троцким и Е. А. Преображенским (главным теоретиком по экономическим вопросам среди сторонников Л. Д. Троцкого). Они

нэп прямо не отрицали. Налицо было расхождение с ленинским пониманием характера использования принципов нэпа в целях социалистического строительства» [3, с. 89].

На XV конференции ВКП (б) в своем выступлении против оппозиции «любимец партии» Н. И. Бухарин говорил: «Если предполагается, что социализм строить можно только за счет фискального взимания с нэпмана и кулака, – это предполагает такой размер частнокапиталистического накопления, при котором вся наша деревня почти сплошь идет капиталистическим путем и когда наша торговля точно так же идет в значительной мере капиталистическим путем. Это есть отрицание... кооперативного плана Ильича, это есть представление, что мы и в деревне и в городе пройдем через огромную и высокоразвитую фазу государственного капитализма» [4, с. 24].

З. И. Файнбург писал с «высоты» перестройки: «Однако сегодня можно сказать, что рациональные зерна в этой фактической ориентации на высокую степень развития государственного капитализма, возможно, и были. Но степень проработки проблемы и одной и другой стороной была весьма далека и до полноты, и особенно до убедительности. Бросается в глаза, однако, огромная разница между тем, как В. И. Ленин провел в партии в свое время, скажем, дискуссию о профсоюзах и как И. В. Сталин потом спорил с Л. Д. Троцким и его сторонниками по вопросу о путях строительства социализма. Борьба мнений вокруг действительных проблем строительства социализма, партийного и государственного строительства фактически во многом отступала на задний план перед личными амбициями, перед борьбой за личную власть, перед стремлением к политическому уничтожению оппонентов» [3, с. 99]. Получается, что постсоветские и антисоветские авторы все сводят не к диалектике истории, но к неизбежности происхождения культа личности в процессе строительства социализма. Сам социализм объявляется утопией и это говорится добровольцем Красной армии 1941 г: «До сих пор практически каждая страна, вставшая на путь перехода к социализму, в той или иной степени, в той или иной форме имела дело с „культом личности“. Но повторяемость – одна из черт закономерности. Другое дело, какие из свойств „культа личности“ неотвратимы, а какие – нет» [3, с. 5].

Впрочем, многое объясняет сам автор, говоря о том, каковы были те обстоятельства, которые привели к написанию его марксистского

исследования: «Для автора история культа И. В. Сталина – это в определенных аспектах биография его поколения. Мои отец и мать, как и многие старые коммунисты, погибли в 1938 г. Это предопределило круг моих интересов в науке: всю жизнь я занимался исследованием природы социализма – определенной ступени и формы развития общества. В 1941 г., окончив 1-й курс экономического факультета МИФЛИ, я ушел добровольцем в Красную Армию. Участвовал в боях 1941, 1944 и 1945 гг. на сержантских должностях и в сержантском звании. Вот почему, то, что написано мною о „культе“ – результат не только ума холодных наблюдений, но и сердца горестных замет...» [3, с. 9].

История решила вопрос о введенном Н. С. Хрущевым образе «культа личности». Этот художественный образ был введен в 1956 г. к XX съезду КПСС в ходе борьбы новых группировок за власть. Именно тогда Н. С. Хрущев в ночь с 24 на 25 февраля 1956 г. сделал доклад «О культе личности и его последствиях» на съезде партии. Такие внезапные образы всегда возникают не случайно. Они напоминают нам недавно возникший образ «философского парохода», относящийся к событиям 1922 г.: «Термин „философский пароход“ придумал философ и математик С. С. Хоружий, опубликовавший в двух номерах „Литературной газеты“ в 1990 году статью с таким названием» [5].

Период перехода к Новой экономической политике и началу строительства социализма после смерти И. В. Сталина в ходе внутрипартийной борьбы получил амбивалентное ненаучное обозначение «культа личности». Установка памятников И. В. Сталина в 20 гг. нового столетия вызывает удивление для профанов в общественности. Все знают, что перестройка началась с жесткой критики сталинской эпохи и низвержения его имени и дела. Однако, обнаружилось что И. В. Сталин нужен современным властям и народу. Но первым он нужен как глава империи и успешный государственный руководитель, вторым как защитник обездоленных и носитель идеалов справедливости. И идеология русского мира, традиционных ценностей не сводит воедино эти две части нашего общества. Образ И. В. Сталина не может возглавить искомый русский мир.

Власть и оппозиция не сходятся, поскольку оппозиция не существует с начала столетия. А. А. Проханов писал еще в 1998 г. в статье «Русское сопротивление: пророки и лидеры», что политическая барахолка начала 90 гг. оставила только интеллигентов с их мистическим прозрением,

но и они были сметены в ходе аппаратных игр: «На этой политической барахолке, на вселенской скупке краденого, где в качестве товара предлагаются поп-звезды, губернаторы, архимандриты и герои страны, вы не встретите единственных, кто не искусился на золото и власть, не испугался пули и голода, не продался за славу, вы не встретите русских интеллигентов – писателей, философов, духовидцев, сказавших сатане: „Изыди!“, сохранивших нравственный и религиозный огонь, который светит поныне в мрачной ночи ельцинизма.

Нынешнее поколение патриотических интеллигентов, утомленных, изведенных, закиданных камнями и комьями грязи, Божьей волей воспроизводит мистическую энергию, пророческую проповедь, не умолкавшую ни на одно столетие среди русских бед и пожаров. Они, русские писатели и священники, крохотная горстка безоружных мыслителей, в страшную осень 91-го года, когда армия ушла из Москвы, а компартия рассыпалась, как комок паутины, они затворились в Доме писателей, соорудили хлипкие баррикады из торшеров и письменных столов, и три дня среди беснующихся победителей отстаивали святыни – священный русский огонь. Именно от этой сбереженной лампы медленно, от свечи к свече, от костра к костру, возгоралось пламя русского сопротивления. Они, интеллигенты, оставили свои перья и рукописи, свои подмостки и кафедры и наполнили духом и смыслом патриотическую оппозицию, соединив в ней „красных“ и „белых“, коммунистов и монархистов, предотвратили вторую гражданскую войну, претворив пережеванные остатки империи в русское сопротивление.

Это потом они были полузабыты, вытеснены с митингов, партийных конгрессов, предвыборных думских кампаний. Энергичные политики, знающие толк в аппаратной работе, владеющие технологиями, умно играющие с врагом и с другом, с телевизионным магнатом и американским послом, способные огненный импульс протеста превратить в оргструктуру, подключить к аналитическим центрам, вписать в турбулентный поток борьбы, – политические лидеры оттеснили пророков, попытались взять на себя их роль, захотели стать вождями, идеологами и стратегами. И заблудились» [6, с. 122].

Классика оппозиционной борьбы уже не реализуется в работе оппозиции. Напуганной расстрелом Дома Советов в 1993 г.: «Классика оппозиционной борьбы – дистанцирование от господствующего

центра власти, создание „параллельного центра“ власти, наращивание давления на господствующий центр, оснащение оппозиционного ядра всеми признаками будущего властного центра, важнейшим из которых является „теневого кабинет“. Ничего этого нет в существующей оппозиции. Вместо дистанции – слипание. Вместо „параллельного центра“ – вращение во власть. Вместо наращивания протеста и радикализма – уход от протестных мероприятий, страх перед радикальными формами, соглашательство и сговор с властью. „Теневого кабинет“ оппозиции, эта школа политического управления, инструмент давления на власть, по-прежнему остается в области благих пожеланий» [6, с. 122].

Остается надеяться мистическую составляющую исторического процесса и автор вводит идею нового союза сил оппозиции, нового союза, в центре которой должен стать тот самый оттесненный интеллигент: «В центре этого священного союза, этого общенародного похода должен встать русский интеллигент – стоик, мученик, жертвователю, которому за его безупречное служение Господь дал пророческую силу и власть восклицать: „Имеющий уши да услышит, что Дух говорит церквам!“» [6, с. 122]. Таков стиль прогнозов А. А. Проханова, когда ничего не реализуется и остается уповать на Глас божий или упоительную мистическую составляющую русской истории.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 43. – 551 с.
2. История марксизма: пер. с ит.: [в 4 т.] / [общ. ред. и предисл. Амбарцумова Е. А.]. – М.: Прогресс, 1984. т. 3, ч. 1, вып. 2: Марксизм в эпоху III Интернационала. От Октябрьской революции до кризиса 1929 года, вып. 2. – 1983. – 411 с.
3. Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). – М.: Политиздат, 1991. – 317 с.
4. XV конференция ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Партиздат, 1927. – с. 596.
5. Философский пароход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Философский_пароход
6. Проханов А. А., Животов Г. В., Нефедов Е. А. Слово, пронесенное сквозь ад. М.: ИТРК, 1999. – 272 с.

5.5. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД И КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ СТИХИЯ И ПОБЕДА НАД СПЕКУЛЯНТОМ

В переходном периоде при переходе от капитализма к социализму есть элементы капитализма и социализма. Складывается общество, в котором удалены эксплуататорские классы и главным врагом трудящихся и складывающегося социализма становится мелкобуржуазная стихия. Мелкая буржуазия и спекулянты оказываются главной угрозой союзу дружественных классов трудящихся. Французским мелким буржуа-революционерам было извинительно стремление победить спекулянта казнями, но при переходе от капитализма к социализму казнями не помочь, поскольку экономической основой спекуляции является мелкособственнический слой и частно-хозяйственный капитализм. «Левые коммунисты» в переходный период только на словах враги мелкой буржуазии, а на деле ей помогают и служат, выступая против государственного капитализма. Государственный капитализм помогает становлению социализма и является шагом вперед в прогрессивном развитии общества.

Переход к социализму после взятия политической власти вовсе не предполагает признание новых экономических порядков социалистическими. Речь в истории идет о переходном периоде и переходе к социализму, когда применительно к экономике это означает, что в данном переходном состоянии есть элементы, фрагменты капитализма и социализма. В брошюре 1921 г. «О продовольственном налоге» В. И. Ленин показывал динамику социальной структуры общества, когда классы берутся не как статичные слои и структуры в духе социальной стратификации структурного функционализма, но как живые перемещающиеся социальные группы, находящиеся в классовой борьбе и сотрудничестве. Он писал: «Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме, во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало, в зачаточной форме, при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории, на самое короткое время; так было в России 1917–1921 годов в более развитой форме). О „третьем“ пути, о „третьей силе“ могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы» [1, с. 239–240].

В переходный период от капитализма к социализму после взятия политической власти формируется общество, в котором удалены эксплуататорские классы и существуют дружественные классы трудящихся, что и образует систему диктатуры пролетариата. В таком обществе, как писал В. И. Ленин, «С величайшим трудом, в отчаянной борьбе выработали большевики способный управлять авангард пролетариата, создали и отстаивали диктатуру пролетариата, и соотношение классовых сил в России стало яснее ясного, после проверки опытом, практикой четырех лет. Стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелкобуржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики. Дело яснее ясного. Всякую „передвижку власти“ используют и могут использовать только они.

В приведенной брошюре 1918 года говорилось об этом прямо: „главный враг“ – „мелкобуржуазная стихия“. «Либо мы подчиним ее своему контролю и учету, либо она скинет рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос» (из брошюры 5 мая 1918 г.)» [1, с. 240].

Далее он утверждал: «Наша сила – полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин, и русских и международных, а затем истекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы. Врагов у нас много, но они разъединены, или не знают, чего хотят (как все мелкие буржуа, все Мартовы и Черновы, все беспартийные, все анархисты). А мы объединены – прямо меж собой и косвенно с пролетариями всех стран; мы знаем, чего мы хотим. И потому мы непобедимы в мировом масштабе, хотя этим нисколько не исключается возможность поражения» [1, с. 240].

В. И. Ленин ссылается тут на свою старую брошюру трехлетней давности – 1918 г., где речь шла о борьбе с мелкой буржуазией и спекулянтами как главной угрозе союзу дружественных классов трудящихся. Эта брошюра симптоматически называется «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности». Работа была направлена против левых коммунистов и их иллюзий: «Как? В Советской социалистической республике переход к государственному капитализму был бы шагом

вперед?.. Это ли не измена социализму? Именно здесь лежит корень экономической ошибки „левых коммунистов“. Именно на этом пункте надо поэтому подробнее остановиться» [2, с. 295].

Подробное разъяснение позиции включает обоснование ряда положений исходя из исторического опыта буржуазных революций и перехода к капитализму: «Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии – вот наш главный „внутренний“ враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционером, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих „избранных“ и громами декламации, то теперь чисто фразерское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелкособственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частнохозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками. Именно таковы наши „левые коммунисты“, которые на словах (и в своем искреннейшем убеждении, конечно) беспощадные враги мелкой буржуазии, а на деле ей только и помогают, ей только и служат, ее только точку зрения и выражают, воюя – в апреле 1918 года!! – против... „государственного капитализма“! Попали пальцем в небо!» [2, с. 297].

Экономический тип, который противостоит социализму в его переходный период, это спекулянт: «Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных „правдами“ и особенно неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный, как основа спекуляции и частнохозяйственного капитализма. Деньги, это – свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от „государства“, ни в какой социализм и коммунизм не веря, „отсидываясь“ от пролетарской бури. Либо мы

подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Одни левые эсеры за фразерством о „трудовом“ крестьянстве не видят этой простой и ясной правды, но кто же берет всерьез потонувших в фразерстве левых эсеров?

Мелкий буржуа, хранящий тыщонки, враг государственного капитализма, и эти тыщонки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тыщенок дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство» [2, с. 297–298].

Несколько ранее автор пишет, что «Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом» [2, с. 296]. Диалектический подход позволяет вскрыть сложноструктурированные социальные связи классов и экономических укладов в переходный период. Вождь спрашивает, какие же структуры доминируют в переходный период, когда переплетаются кусочки и фрагменты капитализма и социализма? Итак: «Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев – мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там спекулянты, и главным предметом спекуляции является хлеб» [2, с. 295].

В. И. Ленин уверенно перечисляет элементы двух обществ, которые в форме пяти укладов переплетаются в переходный период. И хотя он уверен, что всякий сознательный рабочий знает эти уклады, он вновь и вновь перечисляет эти уклад: «Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

- 3) частнохозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм» [2, с. 295].

В результате своего анализа В. И. Ленин вновь приходит к выводу о переходном характере не только эпохи, но и экономики: «Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими. Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма?» [2, с. 295].

С самого начала строительства социализма В. И. Ленин делал ставку на госкапитализм. В учебнике «История КПСС» об этом говорится так: «При переходе к социализму В. И. Ленин придавал важное значение государственному капитализму. Он считал его в экономическом отношении выше крестьянской экономики и неопасным для Советской власти. В систему государственного капитализма должны были входить советские акционерные общества, к участию в которых привлекались частные лица со своими капиталами, подконтрольные Советскому государству предприниматели и буржуазные кооператоры. Многие кооперативные органы в то время находились под влиянием буржуазии. Но это обстоятельство, говорил Ленин, не должно пугать партию и рабочий класс. При власти пролетариата использование буржуазных кооперативов Советским государством позволяло ему закрепить завоеванные позиции и постепенно преодолеть буржуазные элементы в кооперативных органах» [3, с. 245–246].

Через два года при замене продразверстки продналогом эти позиции получили конкретное воплощение в Новой экономической политике, принятой на X съезде РКП(б) в 1921 г.: «В. И. Ленин предлагал направить частный капитал в русло государственного капитализма. Как на одну из его форм он указывал на сдачу в концессию (аренда) иностранным капиталистам отдельных промышленных предприятий, чтобы быстрее восстановить крупную промышленность. Такие

предприятия, работая под контролем Советского государства, выступили бы в роли пособника социализма» [3, с. 303].

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Поли. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 43. – 551 с.
2. Ленин В. И. Поли. собр. соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 36. – 740 с.
3. История Коммунистической партии Советского Союза. 5-е изд., М.: Политиздат. 1980. – 800 с.

5.6. УНИЧТОЖЕНИЕ КЛАССОВ И ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА: ПОЗИЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА И ЛЕНИНИЗМ

Ленинская концепция отмирания государства изложенная в книге «Государство и революция» мало понятна, если не обратиться к пяти статьям «Письма издалека». Предполагалось, что сначала будет уничтожена только социальная несправедливость, которая вытекает из собственности отдельных лиц на средства производства, все общество будет одной фабрикой с равенством труда и равенством платы. Учет и контроль требуется для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, но эта фабричная дисциплина, которую пролетариат распространит на все общество, не является ни идеалом, ни конечной целью, а только ступенькой для радикальной чистки общества от капиталистической эксплуатации. Различие позиций классического марксизма и ленинизма имеет не принципиальный характер, но связано с этапами развития общества. Марксизм описывал реальность классического капитализма, а ленинизм преобразовывал империализм как канун социалистической революции.

Истоки ленинской концепции отмирания государства мы видим в книге «Государство и революция», оконченной в сентябре 1917 г., но написанной в шалаше на пеньке в Разливе тем же летом, то есть до революции. Автор говорит о первом этапе на пути к коммунизму: установление диктатуры пролетариата, которая означает, с одной стороны, демократию для подавляющего большинства народа, с другой – насильственное исключение из нее всех прежних угнетателей народа. Однако книга эта мало понятна, если не обратиться к подготовительным работам и не прочитать «Письма издалека». Н. К. Крупская обращает внимание именно на это обстоятельство понимания книги в конкретно-историческом контексте, нужно прочитать также «Письма из далека»: «...„Письма из далека“. Их было пять („Первый этап первой революции“, „Новое правительство и пролетариат“, „О пролетарской милиции“, „Как добиться мира?“, „Задачи революционного пролетарского государственного устройства“). Напечатано было только первое письмо в день приезда Ленина в Питер, остальные лежали в редакции, а пятое не было даже послано в „Правду“. Начато оно было накануне отъезда в Россию. В этих

письмах отразилось особо ярко, о чем думал Ильич в последнее время перед отъездом. Особо запомнилось то, что говорил тогда Ильич о милиции. Этому вопросу посвящено третье письмо из далека „О пролетарской милиции“. Оно было напечатано лишь после смерти Ильича, в 1924 году. В нем излагал Ильич свои мысли о пролетарском государстве. Тот, кто хочет до конца понять книжку Ленина „Государство и революция“, непременно должен прочесть это письмо „Из далека“. Вся статья эта дышит чрезвычайной конкретностью. Нового типа милиция, состоящая из поголовно вооруженных граждан, из всех взрослых граждан обоего пола, – вот о чем писал Ильич в этой статье. Эта милиция, кроме своих военных обязанностей, должна осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и других припасов, осуществлять санитарный надзор, следить за тем, чтобы всякая семья имела хлеб, чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети, чтобы дворцы и богатые квартиры не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим. „Кто может осуществить эти меры кроме всенародной милиции с непременным участием женщин наравне с мужчинами? Такие меры еще не социализм. Они касаются разверстки потребления, а не реорганизации производства“, – писал Ильич в этой статье» [1, с. 290–291].

А. Хегедюш подчеркивает содержание работы, описывающей первый этап: «Для осуществления демократии не будет – или „почти“ не будет – нужды в специальном аппарате, поскольку вполне достаточно организации вооруженных масс. Сначала будет уничтожена только та социальная несправедливость, которая вытекает из собственности отдельных лиц на средства производства, а распределение средств потребления будет происходить не согласно нуждам, а согласно труду, го есть в том смысле, что поскольку другого права еще нет, то пока что останется „буржуазное право“. Особого внимания потребует техника, иначе фабрики могут остановиться, возникнут неполадки в работе производственного аппарата. Именно потому, что существует необходимость организовать указанные отношения, государство как таковое продолжает существовать, хотя оно уже теряет собственные функции угнетения, так как призвано защищать вышеназванный способ распределения продукции и труда. Каждый гражданин будет состоять на службе у этой власти и получать от нее вознаграждение,

причем эта власть тогда еще мыслилась в качестве единого механизма, функционирующего как всенародный „картель“» [2, с. 44].

Сам В. И. Ленин полагал в книге «Государство и революция»: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». В контексте это звучит так: «Учет и контроль – вот главное, что требуется для „налажения“, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного „синдиката“. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок.

Когда большинство народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, „некуда будет деться“.

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы» [3, с. 101].

Далее В. И. Ленин сообщает, что это состояние общества – вовсе не наш идеал: «Но эта „фабричная“ дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед» [3, с. 101–102].

Со своей стороны А. Хегедюш резюмирует позицию вождя так: «Только в этот переходный период могут медленно вызреть условия для полного отмирания государства и на основе этого – условия для достижения высшей ступени коммунизма, но только в случае немедленного применения всех мер, направленных против бюро-

кратизации, и, стало быть, необходима не только выборность должностей, но и их сменяемость. Вознаграждение служащих не должно превышать зарплаты рабочего. Происходит прямой переход к этапу, на котором каждый какое-то время является „бюрократом“, и, таким образом, никто уже не сможет превратиться в бюрократа в обычном смысле слова» [2, с. 44–45].

У В. И. Ленина вопрос об отмирании государства получает практическую перспективу ближайшего будущего, если сравнивать с дальней перспективой сдачи государства в музей вместе с бронзовым топором, начертанной Ф. Энгельсом: «С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, „наладили“ контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, – с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее „государство“, состоящее из вооруженных рабочих и являющееся „уже не государством в собственном смысле слова“, тем быстрее начинает отмирать всякое государство.

Ибо когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства» [3, с. 102]. А как оценил перспективу отмирания государства Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые

понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство, Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» [4, с. 173].

Эта перспектива слишком общая и она описана в разделе IX «Варварство и цивилизация». Однако все это было сказано еще до взятия пролетариатом власти и установления его диктатуры. То есть до начала строительства социализма. Напротив, В. И. Ленин описывает уничтожение классов за два месяца до революции, через полгода после революции и через три года после революции и нам пора прислушаться к практическому опыту революционера через столетие. Мы видим, что различие позиций классического марксизма и ленинизма имеет не принципиальный и теоретический характер, но связано с историческим этапом развития общества. Марксизм описывал реальность классического капитализма со свободным рынком, а ленинизм революционно преобразовывал империализм как высшую стадию капитализма, канун социалистической революции.

Материалистическое понимание истории оказывается важнейшим инструментом для управления социальными процессами и прогнозирования хода истории. В. И. Ленин писал в работе «О карикатуре на марксизм»: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как „во имя исторического материализма“ рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того. И если бы

даже действительность показала, что до первой победы социалистического пролетариата освободится и отделится лишь $1/500$ из угнетенных ныне наций, что до последней победы социалистического пролетариата на земле (т. е. во время перипетий уже начавшейся социалистической революции) отделится тоже лишь $1/500$ угнетенных наций и на самое короткое время, – даже в этом случае мы оказались бы и теоретически и практически-политически правы, советуя рабочим уже теперь не пускать на порог своих социал-демократических партий тех социалистов угнетающих наций, которые не признают и не проповедуют свободы отделения всех угнетенных наций. Ибо в действительности мы не знаем и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится на практике отделение, чтобы внести свою лепту в разнообразие форм демократии и форм перехода к социализму. А что отрицание свободы отделения теперь есть бесконечная теоретическая фальшь и практическое услужение шовинистам угнетающих наций, это мы знаем, видим и осязаем ежедневно» [5, с. 123]. Здесь рождается идея о праве народов на самоопределение вплоть до полного отделения. Исторический материализм требует!

Следует сделать еще вывод о национальной проблеме как таковой. Национальной проблемы не было и нет ни в России, ни среди народов погибшего СССР. Как обычно в истории она активно навязывается народам буржуазными лжедемократами – безответственными политиками и буржуазными Медиа – этими разносчиками национализма, религиозного фундаментализма и социальной смуты с целью маскировки классовой сущности эксплуатации своего народа.

Сегодня патриотические мыслители и просто люди в повседневном общении говорят, что стоит очиститься от мифов и все пойдет в нужном направлении. Некоторые говорят, что достаточно закрыть такой «клоповник» как Сахаровский центр и народ вздохнет. В августе 2023 г. его закрыли через 10 лет после объявления иностранным агентом [6]. Сейчас многие патриоты мечтают о закрытии Ельцин-центра в Екатеринбурге. Все это напоминает одного человека, который вообразил будто люди тонут оттого, что у них есть идея тяжести. В «Немецкой идеологии» почти два столетия назад К. Маркс писал: «Одному бравому человеку пришло однажды в голову, что люди тонут в воде только потому, что они одержимы мыслью о тяжести. Если бы они выкинули это представление из головы, объявив, например, его

суеверным, религиозным, то они избавились бы от всякого риска тонуть. Всю свою жизнь боролся он против иллюзии тяжести, относительно вредных последствий которой статистика доставляла ему все новые и новые доказательства. Сей бравый муж явился прообразом современных немецких революционных философов» [7, с. 12].

Самые наивные идеалисты и в наши дни предлагают отказаться от слова «евро» – приставки евро ко всем словам: «Западничество как явление гораздо шире конкретной идеологии (скажем, либерализма). Преклонение перед всем, что пришло из Запада, насаждалось в России столетиями со времён Петра Первого и живёт в массовом сознании до сих пор, несмотря на антизападный курс современной пропаганды.

Самый яркий пример – это евростандарт как обозначение высокого качества (хотя по факту это далеко не так). Скажем, недостаточно сказать просто „качественный ремонт“, надо обязательно сказать „евро-ремонт“. Почему именно „евро“, хотя так делают повсюду в мире, вам никто не скажет. Но обязательно вставить словечко „евро“ везде, где можно: евро-окна, евро-замки, евро-забор, даже евро-туалет...» [8]. Получается – долой евро-туалет, да здравствует сортир! Но президент России в одном из первых своих выступлений призвал мочить террористов в сортирах и в мае 2023 г. эта фраза была объявлена на высшем уровне актуальной [9]. Идеализм торжествует! На самом деле надо изменить общественные отношения, то есть общественное бытие и только тогда изменится сознание. Призывы «начать изменения» с себя также имеют идеалистическое происхождение.

Список использованной литературы

1. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М.: ИПЛ, 1968. – 503 с.
2. История марксизма: пер. с ит.: [в 4 т.] / [общ. ред. и предисл. Амбарцумова Е. А.]. – М.: Прогресс, 1984. т. 3, ч. 1, вып. 2: Марксизм в эпоху III Интернационала. От Октябрьской революции до кризиса 1929 года, вып. 2. – 1983. – 411 с.
3. Ленин В. И. Поли. собр. соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 33. – 433 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1961. т. 29. – 745 с.
5. Ленин В. И. Поли. собр. соч. М.: ИПЛ, 1973. т. 30. – 561 с.
6. Сахаровский центр стал историей. Общественная организация ликвидирована судом по иску Минюста. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6171498?ysclid=llmtv919y6304678357>
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 628 с.

8. Биров Э. Евро-туалет как апогей бытового западничества. Чтобы освободиться от мифа о «евро» как нечто эталонном, следует сменить акцент с материального на духовный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/evro-tualet_kak_apogej_bitovogo_zapadnichestva

9. Григорий Плакучев. «Мочить в сортире». В Кремле назвали актуальной фразу Путина 1999 года. Песков назвал актуальными слова Путина о террористах «мочить в сортире». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/05/23/16748780.shtml?ysclid=llmu8pcav3248920204>

5.7. ДЕМОКРАТИЯ И БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ: ИСТОКИ ИДЕЙНЫХ РАСХОЖДЕНИЙ СРЕДИ БОЛЬШЕВИКОВ

В. И. Ленин полагал, что игнорирование роли демократии в борьбе за социализм недопустимо, поскольку в отличие от капитализма и тем более империализма социализм без демократии невозможен. Учитываются два смысла — нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовлен к ней борьбой за демократию; нельзя победившему социализму удержать победу и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии. Эти слова оправдались на русском опыте, когда Февральская революция и борьба за демократию подготовили Октябрь. Укрепление советской системы реорганизует и саму демократию, постоянно углубляя содержание этого понятия. Оказалось, что строительство социализма не только строительство хозяйственное и главное в нем перестройка всей ткани общественной жизни на основе социалистического революционного демократизма. Это то, что глубже всего до революции разделяло В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. А Н. И. Бухарина отделяла от В. И. Ленина недооценка роли государства и непонимание роли диктатуры пролетариата.

В редко упоминаемой работе 1916 г. В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“» автор рассматривает вопрос о необходимости демократии для социализма. Он полагал, что игнорирование роли демократии в борьбе за социализм недопустимо. Работа была написана в Цюрихе во время мировой войны, а потому для понимания будущего социализма было бы целесообразно обратиться к пониманию классического капитализма со свободным рынком и далее проследить состояние демократии при империализме как высшей фазы капитализма: «Как же совмещается капитализм с демократией? Посредством косвенного проведения в жизнь всевластия капитала! Экономических средств для этого два: 1) подкуп прямой; 2) союз правительства с биржей. (В наших тезисах это выражено словами, что финансовый капитал „свободно купит и подкупит любое правительство и чиновников“ при буржуазном строе.) Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег – подкуп (прямой и через биржу) „осуществим“ при любой форме правления, при любой демократии.

Спрашивается, что изменяется в рассматриваемом отношении при замене капитализма империализмом, т. е. домонополистиче-

ского капитализма монополистическим? Только то, что власть биржи усиливается! Ибо финансовый капитал есть крупнейший, доросший до монополии, промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом. Крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее» [1, с. 98].

Однако в отличие от капитализма социализм без демократии невозможен. И любые выступления против демократии есть борьба против социализма, а потому В. И. Ленин настаивает на диалектическом понимании прогрессивного хода истории: «Империализм такой же „смертельный“ наш враг, как и капитализм. Это так. Но ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а империализм по отношению к домонополистическому капитализму. Значит, не всякую борьбу против империализма мы вправе поддержать. Борьбу реакционных классов против империализма мы не поддержим, восстания реакционных классов против империализма и капитализма мы не поддержим» [1, с. 116].

В результате делается вывод о двух факторах необходимости демократии для социализма: «Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не готовится к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии. Поэтому, когда говорят: самоопределение при социализме излишне, это такой же вздор, такая же беспомощная путаница, как если бы кто сказал: демократия при социализме излишня. Самоопределение не более невозможно при капитализме и настолько же излишне при социализме, как демократия вообще» [1, с. 128].

Упомянув эти слова В. И. Ленина, Н. К. Крупская в воспоминаниях отмечает: «Эти слова Владимира Ильича полностью оправдались вскоре на русском опыте. Февральская революция и последующая борьба за демократию подготовили Октябрь. Неустанное расширение и укрепление Советов, советской системы реорганизует и самое демократию, постоянно углубляя содержание этого понятия. В 1915–1916 гг. Владимир Ильич уже глубоко продумал вопрос о демократии, подходил к этому вопросу с точки зрения строительства социализма» [2, с. 279–280].

В ноябре 1915 г., возражая на статью К. Радека («Парабеллума»), напечатанную в «*Berner Tagewacht*» в октябре 1915 г., В. И. Ленин

в этой полемике писал: «Пролетариат не может победить иначе, как через демократию, т. е. осуществляя демократию полностью и связывая с каждым шагом своей борьбы демократические требования в самой решительной их формулировке. Нелепо противопоставлять социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма одному из вопросов демократии, в данном случае национальному. Мы должны соединить революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко всем демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия женщин, и самоопределения наций и т. д. Пока существует капитализм, все эти требования осуществимы лишь в виде исключения и притом в неполном, искаженном виде. Опираясь на осуществленный уже демократизм, разоблачая его неполноту при капитализме, мы требуем свержения капитализма, экспроприации буржуазии, как необходимой базы и для уничтожения нищеты масс и для полного и всестороннего проведения всех демократических преобразований. Одни из этих преобразований будут начаты до свержения буржуазии, другие в ходе этого свержения, третьи после него. Социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, завершаемых лишь экспроприацией буржуазии. Как раз во имя этой конечной цели мы должны дать последовательно революционную формулировку каждого из наших демократических требований» [3, с. 62].

Совершенно очевидно, что именно об этой проблеме думал вождь в швейцарской эмиграции в годы Первой мировой войны. В конце 1915 г. и весь 1916 г. В. И. Ленин размышлял о революции в России как о далеком будущем, до которого не дожить, но которое невозможно без демократизма. Все это наложило печать на дальнейшие его высказывания.

В. И. Ленин далее в статье «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» писал: «Вполне мыслимо, что рабочие какой-либо определенной страны свергнут буржуазию до осуществления хотя бы одного коренного демократического преобразования полностью. Но совершенно немыслимо, чтобы пролетариат, как исторический класс, мог победить буржуазию, если он не будет

подготовлен к этому воспитанием в духе самого последовательного и революционно-решительного демократизма» [3, с. 62–63].

Демократия рассматривалась не как абстракция, а как составная часть диктатуры класса: «Диктатура есть господство части общества над всем обществом и притом господство, опирающееся непосредственно на насилие. Диктатура пролетариата, как единственного до конца революционного класса, необходима для свержения буржуазии и отражения ее контрреволюционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом социал-демократической партии, кто отрицает или только словесно признает ее» [1, с. 122].

Важно замечание Н. К. Крупской о судьбе статей, связывающих демократию, революцию и диктатуру пролетариата: «Большинство его статей, касающихся вопросов роли демократии в деле борьбы за социализм, были напечатаны много позже: статья против Парабеллума – в 1927 г., брошюра „Карикатура на марксизм“ — в 1924 году. Они мало известны потому, что печатались в сборниках, выходящих не очень большими тиражами, а между тем без этих статей непонятна и вся та горячность, которую проявлял Владимир Ильич в спорах о праве наций на самоопределение. Горячность эта становится понятной, если взять этот вопрос в связи с общей оценкой Ильичом демократизма. Надо отдать себе отчет в том, что отношение к вопросу о самоопределении было для Владимира Ильича оселком, на котором проверялось умение правильно подходить к демократическим требованиям вообще. Все споры по этой линии и с Розой Люксембург и с Радеком, и с голландцами, и с Киевским, и с рядом других товарищей шли именно под этим углом зрения» [2, с. 281].

Обратим внимание на чрезвычайно важный вывод Н. К. Крупской, который является ключом к пониманию работ В. И. Ленина: «Строительство социализма – не только строительство хозяйственное; экономика – только база строительства социализма, основа, предпосылка, а гвоздь строительства социализма – перестройка по-новому всей общественной ткани, перестройка на основе социалистического революционного демократизма. Это, пожалуй, то, что всего глубже разделяло все время Ленина и Троцкого. Троцкий не понимал демократического духа, демократических основ строительства социализма, процесса реорганизации всего жизненного уклада масс.

Тогда же, в 1916 г., уже в зародыше были и позднейшие разногласия Ильича с Бухариным. Бухарин в заметке „Nota Bene“ в № 6 „Jugend-Internationale“ („Интернационал Молодежи“) в конце августа написал статью, в которой видна была недооценка роли государства, недооценка роли диктатуры пролетариата. Ильич в заметке „Интернационал Молодежи“ отметил эту ошибку Бухарина. Диктатура пролетариата, обеспечивающая ведущую роль пролетариата в перестройке всей общественной ткани, вот что интересовало особенно Владимира Ильича во второй половине 1916 года» [2, с. 282]. Эти противоречия с вождями большевистской партии после революции развились и углубились в дискуссии с левой, а затем правой оппозицией. Особо ценно то, что эти противоречия обнажились в момент предреволюционный – когда в Европе шла война и в социальном смысле стояла «теперешняя гробовая тишина».

В январе 1917 г. В. И. Ленин отмечал: «грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых.

Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы – буржуазия, и их приказчики – правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода.

Подобно тому, как в России в 1905 году под руководством пролетариата началось народное восстание против царского правительства, с целью завоевания демократической республики, так ближайшие годы как раз в связи с этой хищнической войной приведут в Европе к народным восстаниям под руководством пролетариата против власти финансового капитала, против крупных банков, против капиталистов, и эти потрясения не могут закончиться иначе, как только экспроприацией буржуазии, победой социализма. Мы, старики, мо-

жет быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции» [1, с. 327–328]. Это было написано в завершении «Доклада о революции 1905 года» на немецком языке 9 (22) января 1917 г., и через два месяца вождь Октября прибыл в революционный Петроград.

Г. Г. Водозазов в главе «Октябрь 1917-го: триумф и трагедия» в книге об Октябрьской революции писал: «Революционные события в России вселяли многим в Европе надежду на изменение того порядка вещей, который привел к мировой войне. Вместе с тем социалистические силы Западной Европы оказались перед трудной дилеммой: следовать примеру большевиков или искать свой „путь к власти“. Перед той частью социалистических сил, которые оставались на революционных позициях, вставал вопрос: как бороться за власть в условиях, существенно отличавшихся от российских? Поиски ответа отразились в известной полемике Каутского и Ленина. Каутский отвергал большевистскую „диктатуру меньшинства“, как он это называл, и отстаивал путь завоевания власти через парламентскую демократию. Для Ленина это было равносильно предательству» [4, с. 126–127].

Но в реальной истории речь шла совсем не о предательстве, а о мощи старого общества: «Если надежды на скорую победу пролетарской революции в Европе не оправдались, то, конечно, не просто из-за измены лидеров социал-демократии принципам интернационализма, а по более глубоким причинам. Бедствия войны привели на определенном этапе к радикализации масс в воевавших странах, но не настолько, чтобы изменить преобладающий реформистский тренд. У правящих кругов Западной Европы нашлись силы и средства, чтобы не допустить развития событий по „русскому сценарию“» [4, с. 127].

Это значит, что шаги В. И. Ленина можно отнести к разряду революционной романтики: «В контексте событий того времени можно понять причины, которые побудили Ленина потребовать полного разрыва с западной социал-демократией, переименовать партию в коммунистическую, взять за образец государственного строительства Парижскую Коммуну, создать Коммунистический интернацио-

нал» [4, с. 127]. Сам Ильич полагал, что в революции нельзя обойтись без романтики и лучше ее избыток, чем недостаток.

Романтика революции предлагает обращение к революционному духу народа – если этот дух имеется, конечно. На учредительном съезде политической партии «Евразия» еще в 2002 г. в докладе А. Г. Дугина утверждалось в духе культурного антиглобализма: «Сегодня народы под угрозой. Они растворяются в отчужденной государственной бюрократии, переплавляются в космополитическом котле. Их сталкивают друг с другом, рассеивают, отрывают от корней. Национальные культуры, фольклор, обычаи, навыки, ремесла стремительно исчезают. Спасение народов от исчезновения в тлетворном процессе глобализации – это требование времени» [5, с. 31].

В докладе утверждается, что «Евразийство предлагает народам путь совместного спасения. Этническая программа евразийства – третий путь между национализмом и космополитизмом. Это союз народов, солидарный евразийский фронт» [5, с. 31]. В этом третьем пути без русского народа не обойтись, он находится в центре процесса. Слово сочетание «русский народа» при либеральной диктатуре в России долгое время было табуированным и лишь иногда его использовал вождь ЛДПР. А как было понята роль русского народа трижды рождавшейся и так и не оформившейся партией «Евразия»? В докладе говорилось: «Конечно, русский народ является в евразийстве центральным. Последние столетия именно он был основой евразийской цитадели. Он отдал все свои силы, все свои соки великому начинанию. А это был огромный риск. Он перенапряг свои усилия. Сейчас он в состоянии шока, временного исторического паралича. Отсюда – падение рождаемости, пассивность, растерянность. Если мы не пробудим и не возродим русский народ, у евразийства, у Евразии нет будущего. Русские – этнос молодой, энергичный, мессианский, проникновенный, могущественный и вдумчивый. На земле мало таких. Но в данный момент сон его глубок, усталость кажется неодолимой... Однако, мы не закончили наш исторический путь, нашу речь в мировом созвездии народов. Мы просто переводим дыхание. И завтра, ну, в крайнем случае, послезавтра мы проснемся... Возвратимся в мир с волей и внутренним русским светом...» [5, с. 31–32]. Эти многочисленные многоточия не случайны.

В 2002 г. история не давала ответ, как Русь не давала ответа в концовке первого тома «Мертвых душ» с пророческими и загадочными словами Н. В. Гоголя: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [6]. В 20 годы нового тысячелетия можно получать ответы истории.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Поли. собр. соч. М.: ИПЛ, 1973. т. 30. – 561 с.
2. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М.: ИПЛ, 1968. – 503 с.
3. Ленин В. И. Поли. собр. соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 27. – 643 с.
4. Октябрьская революция и современность. Социально-политические уроки: [монография] / Отв. ред. Ю. А. Красин, О. М. Михайленок, Ю. С. Оганисян; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – 374 с.
5. Материалы учредительного съезда политической партии «Евразия» 30 мая 2002 г., Екатеринбург: Свердловское региональное отделение движения «Евразия», изд. УРГУ. – 195 с.
6. Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theocrat.ru/classic/content-70684>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пессимизм и отчаяние могут убить любую революцию и революционную партию, а потому примеры французских революционеров и немецких демократов при наполеоновской оккупации позволяют давать бодрость новым поколениям нашего народа. Ученик В. И. Ленина, И. В. Сталин в условиях сокрушительного удара объединенной Третьим Рейхом Европы, не раз завершал свои выступления словами – «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Формула Великой Победы – «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами» впервые была произнесена В. М. Молотовым 22 июня 1941 года. Тогда В. М. Молотов находился на должности заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР и в духе В. И. Ленина он сообщал о начале Великой Отечественной Войны по радио советскому народу, и в духе В. И. Ленина утверждал, что СССР занимает правильную позицию, защищая свой народ и свои территории от нашествия вражеских войск. Слова о нашем правом деле хитрые разрушители Советского Союза из партии «Союз правых сил» попытались использовать для обмана народа на выборах в том смысле, что их дело правое и что они те правые, за кем будет победа. Тем самым они завершили окончательное поражение правых либеральных сил в Государственной думе РФ, когда все правые политического спектра были вынуждены маскироваться под консервативные силы и уходить под крыло политических клубов правящей партии «Единая Россия».

Логика и диалектика В. И. Ленина сработали и здесь – определение войны, выход из войны, соотношение классовых сил выразились в информационном обращении к народу. Однако настоящий лозунг победы в либеральной России демократического выбора и вхождения в западную цивилизацию, то есть до 2022 г. предпочитали забывать. В сотнях прекрасных патриотических книг и научных монографиях, изданных под измененным лозунгом «За Родину! За Победу!» на обложке не было главного слова: «За нашу Советскую Родину!». Все это

изменение смысла напоминает советский фильм «Подвиг разведчика», где герой, артист П. Кадочников в форме немецкого офицера поднимает тост «За победу!» и многозначно уточняет – «За нашу победу!».

Политэкономы и историки хорошо знают словосочетание из первого тома «Капитала» К. Маркса «О так называемом первоначальном накоплении капитала. Тайна первоначального накопления» – глава XXIV. Если убрать марксовы иронические слова «о так называемом», то смысл формулировки изменится. Ревизионист и оппортунист К. Каутский в «Экономическом учении К. Маркса» его убирает и просто пишет: «Первоначальное же возникновение этих предварительных условий, предшествовавшее развитию капитала, Маркс называет *первоначальным накоплением*». У К. Каутского демократия вообще, но никак не диктатура пролетариата. В результате смысл меняется, складывается формально-логическое мышление обывателя. Революции в науке и обществе требуют диалектического мышления, которое при утрате смысла и терминологической точности превращается в формально-логическое мышления филистера и оппортуниста.

Контрреволюция также требует диалектического мышления тех, кто ей противостоит, поскольку контрреволюционеры пользуются самой примитивной формальной логикой, выстраивая умозаключения вроде «свобода лучше несвободы. Коммунизм – несвобода». На последнем съезде правящей партии СССР – XXVIII съезде КПСС встречались и здравые голоса от носителей марксистской платформы, но соответствовали ли они требованиям диалектической логики и классового подхода? Посмотрим на выступление А. В. Бузгалина, тогда доцента экономического факультета МГУ и представителя Марксистской платформы в КПСС: «Я выступаю как представитель Марксистской платформы в КПСС и начать хотел бы с благодарности, обращенной к делегатам, которые все-таки поддержали нашу просьбу хотя бы на пятый или шестой день работы съезда дать возможность выступить представителям платформ с этой высокой трибуны. (*Шум в зале.*)

Начну, пожалуй, с того, что мы много говорили о судьбоносности нашего съезда. Но что происходит с нами сегодня? Дал ли нам всем ответ на ключевые вопросы нашей жизни доклад Михаила Сергеевича Горбачева? Что такое социализм, чем он отличается от <традиционных ценностей европейской цивилизации>, как сейчас принято

говорить, если вообще чем-нибудь отличается? А если нет, то зачем эти заклинания?» [1, с. 491].

Что же предлагало съезду партии трехмесячное от роду движение? Представитель Марксистской платформы А. В. Бузгалин сказал: «Мы все скоро согласимся в том, что у нас сложилась тоталитарно-бюрократическая система, которая цементом насилия скрепила самые разнородные пласты – элементы социализма, госкапитализма и даже полуфеодальных отношений. Но что за всем этим происходит сегодня? А сегодня эта система разлагается» [1, с. 491–492].

Платформой предлагался третий путь: «Куда нам идти в этих условиях? Каким должен быть выбор? Кто-то говорит: хватит, уж очень тяжелый запах, давайте пойдем назад, закрутим гайки и не отдадим идеалов. Очень привлекательный лозунг, особенно для тех, кто отдал партии свою жизнь, свой талант, свою энергию. Но не придем ли мы назад, в тупик, из которого уже вообще не будет выхода?

Другие говорят: нет, давайте сделаем иначе, давайте пойдем по пути так называемых <цивилизованных стран>, путем некритического перенесения их структур в нашу сегодняшнюю жизнь. Что мы получим в этом случае? В лучшем случае – Индию, где есть ракетно-ядерный комплекс и сотни миллионов полунищих, даже по нашим советским понятиям. А ведь есть и угроза пиночетовской диктатуры, когда кто-то типа американского советника Фридмана будет развивать идеи частного предпринимательства и свободного рынка под покровительством новых кровавых диктаторов.

Так что же все-таки делать? Есть ли третий путь? Есть! И лежит он не посередине, как это предлагают многие руководители нашей партии. Это курс на опережение. Это то, о чем уже говорилось на съезде: движение по пути к экономике, политике, структуре социальных сил XXI века» [1, с. 492]. Этот путь не реализовался по причине силовых действий старого мира и из-за теоретических ошибок Марксистской платформы.

Другой вариант выхода из кризиса российской государственности был предложен И. К. Полозковым, первым секретарем ЦК Компартии РСФСР. Да, именно так! В последний момент перед гибелью СССР и КПСС в Ленинграде была создана коммунистическая партия РСФСР (!) и проведен ее первый съезд и обоснование необходимости такого шага было следующим: «Развитие социалистической идеи

на просторах нашей истории не надуманный в тиши кабинетов эксперимент. Его не остановишь декретом даже самого высокого органа. Это – объективное движение, вобравшее в себя не только вековой поиск человеческой мысли, традиций народной жизни, трагическое наследие прошлого, но и творчество людей, их веру в то, что свои силы они отдадут созиданию справедливого общества. Да и сама идея перестройки вырвалась из объективных потребностей общественного развития, стремления к здравомыслию, озабоченности судьбой каждого человека. Но ход обновления оказался крайне трудным и противоречивым. И в этом мы сами во многом виноваты. Сделать его более цивилизованным и менее болезненным, по-моему, сейчас самая главная наша задача.

Особое место, естественно, здесь принадлежит партии. Все выступающие на съезде говорили, что надо выходить из тупика. Но что делать? Как действовать? Ответы еще предстоит найти с учетом такого множества мнений, такого обилия предложений, такого разнообразия политических течений и платформ. Не могу согласиться с теми прорицателями, которые предрекают плачевную участь КПСС и драматическую судьбу коммунистам. Но со стороны партии нужны сейчас особые действия. Идет поиск ее роли в новой обстановке. Сейчас мы находимся у истоков возрождения КПСС именно как политического института, стряхнувшего с себя груз государственного управления, путы административно-командной системы. В этой обстановке, естественно, встает вопрос: разумно ли сегодня так ополчаться против нее не только считающим себя членами партии, но и сочувствующим ей?» [1, с. 528–529].

Новый первый секретарь новой партии заявил: «Пути обновления КПСС привели к созданию Коммунистической партии РСФСР. Эта идея родилась снизу, она зрела многие годы в гуще партийных масс и нашла полную поддержку у абсолютного большинства партийных организаций, областных и краевых конференций. Учредительный съезд закономерно выразил эту волю коммунистов республики.

Сейчас важнейшая задача Компартии Российской Федерации – подготовить обстоятельную программу действий, активно взяться за ее осуществление. Это дало бы ей возможность с первых шагов самоутвердиться, заявить о себе во весь голос. Главное в такой программе, на наш взгляд, в сосредоточении внимания на социальной защите

граждан, особенно в условиях введения рыночных отношений; на выполнении наказов рабочих (немедленно принять меры по укреплению производственной, технологической, исполнительской дисциплины); на осуществлении надежд колхозников в социальном обустройстве села, установлении эквивалентного обмена с городом; на реализации устремлений интеллигенции по духовному возрождению России и формированию самых благоприятных условий для раскрытия талантов; на создании режима наибольшего благоприятствования для молодежи, новаторская и творческая сметка которой, к большому сожалению, все еще не востребована перестройкой.

Нуждается в решительном усилении борьба с преступностью, уровень которой продолжает угрожающе расти. Нам предстоит выработать действенные меры по улучшению социального самочувствия ветеранов войны и труда, женщин и детей. И прежде всего следует извиниться перед ними за разгул непристойностей, охвативший общество с молчаливого попустительства соответствующих органов партии и государства. Не менее важно обеспечить надлежащие условия для выполнения своих функций правоохранительными органами и армией, гарантируя безопасность страны, создание подлинно правового общества, защиту достоинства и чести каждого человека» [1, с. 529–530]. Налицо дублирование действий и параллелизм двух партий. Образование КП РСФСР в июне 1990 г. незадолго до съезда КПСС дублировало независимость РСФСР и обеспечивало выход России из СССР, а значит подготовило разгром советской государственности.

И. К. Полозков заключил в том выступлении: «Для формирования программы действий Российской компартии понадобятся рабочая твердость, крестьянская мудрость и, конечно же, вдохновение российской интеллигенции. Мы будем искренне признательны всем тем, кто примет участие в этой работе, в том числе и тем, кто живет в других союзных республиках, но болеет душой за Россию, искренне желает ей светлого завтрашнего дня» [1, с. 530].

Сегодня основным нашим союзником в войне с Западом и мировым империализмом является государство, опирающееся в своей основе на марксизм-ленинизм. Читая товарища Си Цзиньпина о центральной роли философии в марксистском учении, забавно вспомнить имена забытых ныне отечественных деятелей, утверждавших,

что с гибелью СССР марксизм оказался на свалке истории. Теперь некоторым политикам придется вспоминать то, что когда-то учили в Высших партийных школах – диалектику [2]. И сегодня во весь рост встает вопрос о новом социализме в России и формировании мирового сообщества единой судьбы человечества.

Как современная буржуазная Россия выстраивает собственную глобальную культурную гегемонию? Депутат ГД РФ от партии «Справедливая Россия» и главный редактор журнала «Свободная мысль» М. Г. Делягин пишет в июле 2023 г. о трех шагах в направлении наведения порядка во внутренней культурной гегемонии – наступлении на три мафии, выступающих против модернизации: «Мафия один: 14 июля Государственная Дума в третьем чтении приняла закон о запрете смены пола. Не все до конца осознали, что принятием этого законопроекта мы не только остановили мафию компрачиков, калечащих детей и взрослых, но и предприняли попытки сдерживания других, не менее опасных мафий.

Мафия два: Находим пути к сдерживанию людей, которые уверены в том, что, если бездомная собака ест человека, то второй не имеет права защищаться. И эти люди, к большому сожалению, выкормлены на деньги бюджета. И в этом вопросе был найден баланс, учитывающий и интересы животных, и интересы людей.

Мафия три: Найденный баланс в вопросе „мафии два“ дает надежду на то, что будет найден баланс в вопросе о сдерживании мафий, завозящих в страну людей, не желающих интегрироваться в культуру России. И это, конечно, создает серьезную угрозу нашему существованию. Мы не хотим Париж у себя под окнами» [3].

Автор подводит к своей прежней идее – для того, чтобы покончить с либеральной чумой нам предстоит преодолеть «Проклятие жар-птицы: нам предстоит снова брать в руки свою судьбу» [4]. Еще в 1995 г. в самой скандальной и снятой с дальнейшей публикации книге «Последний удар по России» В. В. Жириновский в заключении своего исследования отмечал: «Российское государство уже перешло рубеж державной гибели. Удастся ли ему избежать при фактическом управлении Западом смертельного исхода – вопрос времени» [5, с. 125]. В малоизвестной книге «Уроды» тот же вождь ЛДПР предупреждает на обложке «в этой брошюре мы не злоупотребляли терминами вроде „враг народа“ или „иностранный агент“, хотя и такие

Заключение

были. Но многих, кто по каким-либо причинам действовал против интересов страны и ее населения, кто наносил вред их нормальному жизнеустройству и развитию, поступал „наоборот“, мы обозначаем как „УРОДЫ“ или „ИДИОТЫ“. И задача общества решительно освобождаться от них» [6].

Время через четверть столетия потребовало в начале 20 гг. ввести в законодательство указанные термины и взять судьбу державы в руки народа.

Список использованной литературы

1. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1991. т. 1. – 639 с.
2. Как следует усиливать пропаганду, учебу и изучение теории марксизма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://prorivists.org/inf_marxism_in_china_gaojiangxiang/
3. Делягин М. Г. Три мафии против модернизации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://delyagin.ru/articles/1-mirovoy-krizis/109971-tri-mafii-protiv-modernizatsii>
4. Делягин М. Г. Преодоление либеральной чумы. Почему и как мы победим! М.: Книжный мир, 2015. (Коллекция Изборского клуба). – 512 с.
5. Жириновский В. В. Последний удар по России. М.: ЛДПР, 1995. – 128 с.
6. Жириновский В. В. ЛДПР. УРОДЫ. М.: ЛДПР, 2011. – 160 с.

Научное издание

НЕКРАСОВ Станислав Николаевич
РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
И КУЛЬТУРНАЯ ГЕГЕМОНИЯ

Монография

Текст дается в авторской редакции
Дизайнер-верстальщик А. Ю. Тюменцева

На обложке использовано изображение из открытых источников

Подписано в печать 23.10.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Alegreya, Alegreya Sans, Fira Sans.
Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ 23/10

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный аграрный университет». 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42

Отпечатано в Издательском доме «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49. Эл. почта: azhur.ek@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении
высшего образования «Уральский государственный аграрный университет».
620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42